ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)
Сочинский филиал

Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«V СОЧИНСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

г. Сочи, 21–22 апреля 2023 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОЧИ – РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2023

УДК (470) 342.4, 340.131
ББК 67.400.2
Р-17

Печатается по решению редакционной коллегии научного журнала «Спутник высшей школы» (№4 от 09.06.2023 г.)

Р е ц е н з е н т ы :

Л.А. БУКАЛЕРОВА,
доктор юридических наук, профессор,
проректор Российской академии адвокатуры и нотариата;

Н. С. НИЖНИК,
доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации;

И. Ю. ОСТАПОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева;

Е. А. ПУШКАРЕВ,
кандидат юридических наук, доктор политических наук,
профессор Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Н а у ч н ы е р е д а к т о р ы :

И. А. ИВАННИКОВ,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

А. Н. РАТЬКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Р-17 Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели: материалы Международной научной конференции «V Сочинские юридические чтения» (г. Сочи, 21–22 апреля 2023 г.). — Сочи — Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2023. — 427 с.

УДК (470) 342.4, 340.131
ББК 67.400.2

ISBN 978-5-6050268-1-5

В сборнике представлены научные работы участников Международной научной конференции «V Сочинские юридические чтения», которая получила наименование «Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели». Конференция состоялась на дискуссионной площадке Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) 21–22 апреля 2023 г. Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений, интересующихся актуальными проблемами права, истории, сферы международных отношений и политологии.

© Спутник науки, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. О V Международных Сочинских юридических чтениях «Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели» (к 30-летию конституционной реформы в Российской Федерации). ***Юрина Л. В.*** 6

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Размышления о конституционных реформах и новой Конституции России. ***Иванников И. А.*** 15

Насилие в уголовном судопроизводстве: жупел или необходимость? ***Белкин А. Р.*** 25

Отдельные проблемы соблюдения конституционного права на неприкосновенность частной жизни при использовании государственными органами камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. ***Букаев Н. М., Исмагилов Р. А.*** 34

Об исторических прецедентах декларативности некоторых дефиниций и принципов законодательства. ***Витушко В. А.*** 46

Ответственность виновного при причинении вреда несовершеннолетним. ***Дзидзария Б. Ю.*** 61

Правовой механизм валютной политики в Европейском и Евразийском экономическом союзах. ***Ермолович В. И.*** 68

О понятии публичных финансов в правовой системе России. ***Колесников Ю. А.*** 79

Преподаватель юридического вуза — угасающая ценность в системе высшего образования. ***Ратьков А. Н.*** 86

О соотношении принципов уголовного процесса, закрепленных в Конституции РФ и УПК РФ. ***Торбин Ю. Г.*** . . . 97

СЕКЦИЯ «ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО»

Проблема преемственности и этапности конституционного развития Советского государства. ***Берлявский Л. Г.*** 113

Толкование уголовно-процессуального закона
как способ преодоления пробелов
в уголовном судопроизводстве.
Галимов Э. Э., Боков В. В. 127

Об обязательности участия прокурора
при рассмотрении уголовных дел в общих судах
Российской империи. ***Горбачев В. П.*** 136

К вопросу об обеспечении прав участников уголовного
процесса при назначении и производстве
судебной экспертизы. ***Задаянная О. И.*** 143

Проблемы реализации права человека и гражданина
на судебную защиту. ***Зауторова Э. В.*** 152

Отдельные проблемы производства дознания
по очевидным преступлениям. ***Иванов И. В., Галимов Э. Э.*** . . . 161

Концепция суверенитета и её реализация
в современных условиях России. ***Толмачева Е. Н.*** 174

Аналогия как способ преодоления пробелов
в уголовном судопроизводстве.
Чембарисов Т. И., Галимов Э. Э. 197

Понятие и содержание оперативно-розыскного
преследования личности. ***Чупилкин Ю. Б.*** 206

Организационно-правовые проблемы
участия инвалидов в избирательном процессе.
Уваров А. А. 215

Правовой статус личности: некоторые вопросы
понятийного аппарата. ***Шеленга Н. А.*** 223

Выход Российской Федерации из Совета Европы:
причины и последствия. ***Фарои Т. В.*** 239

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Концепция оптимального устройства общества
в идеологии современной социал-демократии
и ее влияние на конституционно-правовое
развитие зарубежных стран. ***Блинова М. А.*** 253

О реализации конституционного права граждан Российской Федерации на информацию и исследование материалов Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских военных преступников. ***Горохов В. М.*** 264

Та война справедлива, которая необходима (о параллелях войны в Абхазии и на Украине). ***Думаа К. Н.*** 279

Идеология и ответственность. ***Иванников А. И.*** 301

О нотариальных действиях: вопросы теории и практики. ***Лапина Д. С.*** 307

Кавказский колониальный роман в русской литературе. ***Лебедев В. Д., Лебедева Е. И.*** 319

Конституционные реформы в Российской Федерации (на примере принятия и вступления в силу поправок к Конституции России 1993 года). ***Михайлов А. Е.*** 336

Проблема правового регулирования в сфере правоприменения договора аренды транспортного средства без экипажа (каршеринга). ***Мушкин В. Г.*** 354

Проблемы формы государства в трудах западнорусских мыслителей XI — начала XVIII вв. ***Олейников В. В.*** 361

О подходах к теоретическому исследованию усмотрения в юридической практике. ***Оносов Ю. В.*** 377

Классификация дисциплинарной ответственности в трудовом праве. ***Разина Е. В.*** 388

Особенности формирования и развития правового государства в РФ и в мире. ***Резван В. Д.*** 395

Модель российского федерализма: проблемы и перспективы. ***Фролова О. В., Фролов В. В.*** 405

Стратегия развития Российского государства: системный подход к правовому регулированию. ***Капустина М. А.*** 414

ПРЕДИСЛОВИЕ

О V Международных Сочинских юридических чтениях, посвященных 30-летию конституционной реформы в Российской Федерации

Становление и развитие юридической школы в современном мире связывают с открытием специализированных юридических учебных заведений, в которых наряду с учебным процессом развивается и юридическая наука. В Сочинском филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» 21–22 апреля 2023 года состоялась Международная научная конференция «V Сочинские юридические чтения», посвященные 30-летию конституционной реформы в Российской Федерации. Инициатором конференции выступила кафедра теории и истории государства и права Сочинского филиала ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Каждое мероприятие в формате Сочинских юридических чтений, по традиции, имеет свое название. Темой нынешней конференции стало **«Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели».** Форма участия в конференции была очно-дистанционной (ряд участников мероприятия воспользовались форматом видеоконференцсвязи).

Регламент конференции включал в себя пленарное заседание, работу двух секций и обсуждение **проблем юридического образования и науки в России и мире** в формате круглого стола.

В научно-практическом форуме приняли участие 16 докторов наук, 25 кандидатов наук, более 20 преподавателей и независи-

мых исследователей из 28 высших учебных заведений четырех государств, а также представители адвокатских палат Сахалинской области и Донецкой Народной Республики.

На обсуждение были вынесены проблемные вопросы конституционных реформ в истории России и в мире, федерализма, формы Российского государства, эволюции конституционного законодательства, практики применения уголовного и уголовно-процессуального права, а также гражданского и гражданско-процессуального законодательства.

Пленарное заседание открылось выступлением модератора конференции — профессора **Ивана Андреевича Иванникова** на тему «**Размышления о конституционных реформах и новой Конституции России».** Иван Андреевич подверг критическому анализу предпосылки и процесс судебной реформы в Российской Федерации, принятие и последующие изменения Конституции Российской Федерации 1993 года. И. А. Иванников сделал вывод о том, что противоречия в действующей Конституции России объективно создают условия для появления нового основного закона, который должен, по мнению ученого, учесть, в том числе, достижения швейцарского законодательства. Профессор Иванников сделал вывод о том, что после всенародного голосования и одобрения большинством населения страны (принявшим участие в голосовании 2020 года) Конституция Российской Федерации 1993 года, с учетом внесения изменений в ее преамбулу и 3–8 главы, обрела легитимность.

В будущей Конституции России, по словам И. А. Иванникова, необходимо закрепить институт народной инициативы; норму о том, что максимальная пенсия не должна превышать минимальную пенсию более чем в три раза; причем новый основной закон должен отражать реальные общественные отношения и приниматься только на референдуме и после всенародного обсуждения.

Кандидат исторических наук, доцент, член Союза писателей Республики Беларусь и Союзного государства России и Республики Беларусь **Виктор Иванович Ермолович** представил доклад на тему **«Правовой механизм валютной политики в Европейском и Евразийском экономическом союзах».** В. И. Ермолович рассказал об основных положениях валютной политики государств — членов Европейского и Евразийского экономического союзов, проанализировал критерии сближения, характерные для исследуемых союзных образований. Особое внимание в сообщении Виктора Ивановича было уделено механизму, предусмотренному правом Евразийского экономического союза для регулирования интеграции единой валютной политики в странах Евразийского содружества, докладчиком были рассмотрены, в том числе, сильные и слабые стороны данного механизма.

Доктор юридических наук, профессор **Анатолий Рафаилович Белкин** из Российского технологического университета (РТУ–МИРЭА, г. Москва) выступил с докладом на тему **«Насилие в уголовном судопроизводстве: жупел или необходимость?»**, в котором рассмотрел проблему допустимости насилия в уголовном судопроизводстве и показал, что насилие имманентно присуще уголовному процессу. Докладчик отметил, что Конституция РФ и УПК РФ декларативно отвергают любое насилие, что выглядит нелогично. Анатолий Рафаилович предложил более гибкий подход, исключающий применение незаконного насилия, и сформулировал ключевые поправки к статьям 9 и 10 УПК РФ.

Доктор юридических наук, профессор **Владимир Александрович Витушко** (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск) в своем выступлении **«Об исторических прецедентах декларативности некоторых дефиниций и принципов законодательства»** отметил, что государственное ограничение прав и свобод граждан является избыточным,

особенно в рамках реализации гражданами жилищных и иных имущественных и личных неимущественных прав. По его мнению декларативными являются определения государства как инструмента социального, сбалансированного учета частных и общественных интересов, свободы экономической и иной не запрещенной деятельности, символизирующего принципы неприкосновенности собственности, равенства, разделения властей. Нормы конституций и специального законодательства о правах граждан, по мнению профессора Витушко, должны быть увязаны с нормами о корреспондирующих конкретных обязанностях государства, а также государственных и частных должностных лиц.

С интересом участники конференции выслушали доклад доктора юридических наук, профессора, академика РАЕН **Николая Михайловича Букаева** (Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина, г. Оренбург) на тему «**Отдельные проблемы соблюдения конституционного права на неприкосновенность частной жизни при использовании государственными органами камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц**». В своем выступлении Н. М. Букаев проанализировал вопросы, касающиеся соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни при использовании органами государственной власти камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. Николай Михайлович познакомил присутствующих с отечественной судебной практикой и опытом некоторых зарубежных стран в этом отношении и сделал вывод о том, что в Российской Федерации и в других странах еще нет четких инструкций и алгоритмов действий по использованию камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, которые бы удовлетворяли требованиям общества по неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны. Докладчик обратил внимание на возникшие у властей Вели-

кобритании, Китая и США проблемы в связи с использованием подобных видеокамер (способных распознавать лица) и призвал учитывать этот опыт в целях недопущения протестных настроений со стороны граждан.

Кандидат юридических наук, доцент Абхазского государственного университета **Белла Юрьевна Дзидзария** (г. Сухум, Республика Абхазия) в своем докладе **«Ответственность виновного при причинении вреда несовершеннолетним»** отметила, что права человека — один из остро обсуждаемых вопросов, особенно в части прав отельных социальных групп, таких, к примеру, как несовершеннолетние. С фактами нарушения прав этой категории лиц общество активно борется многие годы, но для полного решения проблемы предстоит пройти еще долгий путь — необходим комплекс социокультурных преобразований, последовательное искоренение проявлений насилия и дискриминации в отношении несовершеннолетних в любой форме. Б. Ю. Дзидзария отметила, что формирование представлений об особой личностной структуре, развивающейся вследствие пережитого ребенком в результате насилия стресса, позволяет по-новому взглянуть на острейшие психологические и социальные проблемы.

Выступление профессора кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева и кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, доктора юридических наук **Олега Александровича Кожевникова** на тему «**Региональная конституционная юстиция — «жертва» конституционной реформы 2020 года или закономерный финал?»** было связано со сложными вопросами конституционной реформы и подходами к толкованию конституционных и уставных норм в субъектах Российской Федерации.

Доцент юридического факультета Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кандидат юридических наук, доцент **Мария Александровна Капустина** в своем сообщении «**Стратегия развития Российского государства: системный подход к правовому регулированию**» раскрыла характер правового регулирования, осуществляемого органами государственной власти в соответствии с конституционными принципами. При этом особое внимание Мария Александровна уделила программным документам, выражающим квинтэссенцию взглядов руководства страны на ближайшие перспективы развития России в контексте правового регулирования в целом. По мнению М. А. Капустиной, утвержденная президентом РФ Стратегия национальной безопасности выступает концептуальной основой системного подхода к правовому регулированию на нынешнем этапе истории Российского государства.

Директор Центра устойчивого развития, доцент кафедры финансового права Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент **Алла Васильевна Киселева** выступила с докладом «**Основы совершенствования механизма реализации финансового суверенитета РФ**», в котором отметила, что в настоящий момент феномен финансового суверенитета не только приобрел особый смысл, но и получил современное доктринальное обоснование. В частности, он может быть выделен в самостоятельную правовую категорию, поскольку имеет под собой в качестве основы действующую систему участия граждан в формировании и использовании финансовых фондов страны: бюджета, пенсионного и внебюджетных фондов. К неотъемлемой части этого механизма относятся также: участие населения в обсуждении приоритетных направлений развития национальной экономики, добровольная уплата налогов, государственные лотереи, вложения граждан в государственные ценные бумаги, а также иные формы участия населения в финансовых процессах, осуществляемых в правовом поле.

Директор Центра научных исследований «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике», заведующий кафедрой финансового права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор **Юрий Алексеевич Колесников** предложил участникам конференции обсудить содержание **понятия публичных финансов в правовой системе России. Ю. А. Колесников** проанализировал характерные особенности указанной экономической категории, обосновал необходимость ее дальнейшего углубленного исследования, дал обзор различным версиям трактовки термина «публичность» применительно к положениям отечественного законодательства. Так, профессор Колесников считает, что понятие «публичные финансы» охватывает собой как государственный сектор (то есть публичный), так и частный. По его словам, исследования публичных финансов, проводимые на базе Южного федерального университета, носят во многом прикладной характер и могут быть с успехом использованы в практике управления на государственном и муниципальном уровнях власти, так как единый подход к трактовке содержания данной категории обеспечивает эффективность и прозрачность деятельности этих структур, а также способствует установлению доверия между властью и населением.

По завершении пленарного заседания конференция продолжилась в формате работы секций — секции «Публичное право» (под руководством кандидата юридических наук, доцента С. Г. Пильникова) и секции «История государства и права. Частное право» (под руководством кандидата юридических наук, доцента А. С. Кашлаковой).

Завершилась конференция открытой дискуссией, посвященной проблеме состояния и путей совершенствования юридического образования и науки в России и мире в целом. С докла-

дом на эту тему выступил кандидат юридических наук, доцент **Александр Николаевич Ратьков**. В обсуждении доклада и обозначенных в нем проблемных аспектов приняли деятельное участие профессоры И. А. Иванников, О. А. Кожевников, доценты Т. В. Фарои, В. Ю. Оносов, старший преподаватель В. Д. Резван и др. — все они поделились собственным опытом организации учебного процесса в высшей школе.

По общему мнению собравшихся, все, кто принял участие в конференции «V Сочинские юридические чтения», посвященной 30-летию конституционной реформы в Российской Федерации, — ученые, представители вузов и научных школ России, Белоруссии, Абхазии, Приднестровья — внесли своими исследованиями и плодотворной научной работой неоценимый вклад в развитие юриспруденции и юридического образования не только в России, но и на всем евразийском пространстве.

Юрина Л. В.,
и. о. директора Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России)

С днем рождения, профессор!

В дни выхода в свет этого издания Юрий Григорьевич Торбин — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) — отмечает день рождения.

Коллектив редакции издательства «Спутник науки», а также коллеги Ю. Г. Торбина по службе и преподавательской деятельности сердечно поздравляют именинника, желают ему крепкого здоровья, бодрости духа и профессионального долголетия.

Общий трудовой стаж Ю. Г. Торбина составляет 60 лет, включая стаж научно-педагогической деятельности — 44 года! При этом трудовая биография Ю. Г. Торбина — удивительное сопряжение практической и научной работы! Так, перу Ю. Г. Торбина принадлежит более 230 научных публикаций, он является автором и соавтором учебников по уголовному процессу, криминалистике и уголовному праву, вышедших в свет в 1987–2021 гг., комментариев к УК и УПК РФ (1983, 2002, 2004, 2005, 2014–2022), учебных рабочих программ и учебно-методических комплексов, методических разработок и материалов по криминалистике, уголовному процессу и криминологии. Им разработана частная криминалистическая теория учения о следах и особых приметах на живых лицах; предложена их классификация; разработан механизм обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и использования для назначения производства следственных действий, а также судебных экспертиз.

Заслуги Ю. Г. Торбина отмечены государственными и ведомственными наградами — МВД СССР (РФ), Генеральной прокуратуры РФ, Минюста России, Академии МВД СССР (РФ).

Юрий Григорьевич Торбин,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, полковник внутренней службы в отставке, старший советник юстиции

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Размышления о конституционных реформах и новой Конституции России

Иванников И. А.,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: freiheit2061@gmail.com

УДК 342

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу предпосылок и процесса судебной реформы в Российской Федерации, принятию и последующим изменениям Конституции Российской Федерации 1993 года. Автором делается вывод о том, что противоречия в действующей Конституции РФ объективно создают условия для принятия нового основного закона страны, который бы учел, в том числе, социально значимые положения швейцарского законодательства.*

Ключевые слова: *конституция; конституционная реформа; конституционная комиссия; конституционное совещание; всенародное голосование; законодательная инициатива; народная инициатива.*

В конце 2023 года исполняется 30 лет Конституции Российской Федерации. Ее приняли по истечении двух лет после прекращения СССР и спустя два месяца после трагических событий 3–4 октября 1993 г. в Москве.

Как начиналась конституционная реформа в те далекие годы?

16 июня 1990 года I съезд народных депутатов РСФСР образовал Конституционную комиссию по разработке новой конституции страны во главе с Б. Н. Ельциным. Надо ли было принимать новую конституцию, если еще существовал СССР и не были изменены форма правления и форма государственного устройства? Однако в ноябре 1990 года проект Конституции РСФСР был опубликован. В предисловии к тексту Конституции отмечалось, что «… проект инициирует процесс конституционной реформы» [5].

Однако этот текст Конституции не был принят V съездом народных депутатов Верховного Совета Российской Федерации.

По Указу Президента России, подписанному 20 мая 1993 года, было создано Конституционное совещание, которое завершило подготовку президентского проекта Конституции Российской Федерации. К тому моменту уже был ликвидирован СССР, а Конституция РСФСР 1978 года, которая принималась как конституция республики в составе СССР, могла быть существенно изменена или отменена.

Различные политические оценки событий, произошедших после ухода в небытие СССР, привели к разрыву отношений Верховного Совета Российской Федерации с Конституционным совещанием при Президенте России. Это произошло 24 июня 1993 года.

В июле 1993 года проекты Конституционной комиссии и Конституционного совещания были направлены в субъекты Российской Федерации для согласования, в результате которого

большая часть регионов поддержала проект Конституционной комиссии [5].

21 сентября 1993 года Президент Российской Федерации подписал неконституционный указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым распустил съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ.

Следом президент России Б. Н. Ельцин утвердил специальные «одноразовые» правила проведения референдума по принятию Конституции Российской Федерации, проигнорировав Закон от 16 октября 1990 г. «О референдуме РСФСР». Конституция Российской Федерации 1993 года была написана с акцентом на властные полномочия действующего на тот момент главы государства, который воспринимал себя неограниченным и юридически безответственным правителем. Президентский вариант текста Конституции Российской Федерации был опубликован 10 ноября 1993 года. Этот текст одобрила Венецианская комиссия Совета Европы, но обсуждения этого документа народом России, увы, не состоялось.

Всенародное голосование 12 декабря 1993 года по принятию Конституции Российской Федерации не было праздником для подавляющей массы жителей России. Большинство граждан референдум проигнорировали.

По свидетельству А. И. Лукьянова, в 17 регионах страны население голосовало против принятия новой Конституции Российской Федерации, в 22 референдум не состоялся [7, с. 298]. В итоге в поддержку Конституции высказались всего 31% голосовавших. С. А. Рузанов отмечал, что, «по данным независимых исследований, проводившихся по «горячим следам» референдума 12 декабря, число проголосовавших было <…> не более 46% от списочного состава избирателей» [9].

Насколько вескими были причины для принятия новой Конституции в конце 1993 года?

Очевидно, поддержка Конституции России на референдуме 12 декабря 1993 года легитимировала бы политику Б. Н. Ельцина, оправдывала Беловежское соглашение и расстрел парламента в октябре 1993 года; кроме того, таким образом признавались территории Российской Федерации в границах РСФСР, что узаконивало несправедливые территориальные границы после прекращения СССР — как известно, многие республики вошли в состав СССР в одних границах, а вышли из него в других — с присоединенными к себе в годы СССР территориями РСФСР.

Конституция Российской Федерации 1993 года была принята после развала исторической России, а поэтому фактически закрепила ее геополитическое поражение, потерю государственного суверенитета. Профессор Н. И. Матузов отмечал, что «… разработанная в спешке «победившей» стороной и принятая с многочисленными нарушениями на референдуме 1993 г., Конституция имеет недостаточную легитимность и социальную базу.., что затрудняет достижение на ее основе гражданского мира и согласия» [8, с. 158].

Как принималась Конституция Российской Федерации 1993 года, так она и реализовывалась.

В 1995 году Президент России не подписал Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью», а «3 апреля 1997 года Президент возвратил сразу 15 законов, не приводя никаких мотивов и обоснований…» [8, с. 214]. Без наличия объективных и субъективных предпосылок было закреплено, что Россия является правовым (ст. 1) и социальным государством (ст. 7). Процедура принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года нанесла удар по авторитету и реальной силе основного закона — она стала результатом конституционной реформы, проведенной «сверху», а не итогом социально-политического компромисса в российском обществе; по сути, она являлась следствием вестернизации населения страны, го-

сударственной власти и правовой системы. Эта Конституция не смогла консолидировать российское общество и государственную власть.

В то же время Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила европейские ценности в части «… уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам» [1]. Российская Федерация приняла эти ценности, но не стала равноправным членом сообщества европейских народов и государств.

Со временем в Конституции 1993 года обнаружились существенные недостатки. Так, ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации называет республики государствами, что не соответствует принципу равенства субъектов Федерации. В этой же статье перечисляются виды субъектов Федерации, которые могли бы быть исключены при объединении субъектов Федерации (автономная область и др.). Российская Федерация в 1996 году вступила в Совет Европы, что привело к отмене ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации о смертной казни, несмотря на тот факт, что делать это было нельзя, поскольку невозможно было внести изменения в 1, 2 и 9 главы Конституции Российской Федерации.

Профессор С. А. Авакьян пришел к выводу, что конституционное реформирование в России много лет находится во власти не объективных, а субъективных факторов [4, с. 148]. Субъективные факторы мешают принять Федеральный конституционный закон «О Конституционном Собрании», что делает невозможным принятие новой Конституцию России. С. А. Авакьян предлагал разработать новый проект Конституции России, собрать более двух млн подписей и провести референдум по принятию Конституции России, ссылаясь на ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 года [4]. Однако, согласно пункту «в» ст.

84 Конституции Российской Федерации, референдум назначает президент России.

Со временем текст Конституции пришлось вновь корректировать. Общероссийское голосование 1 июля 2020 года по поводу внесения поправок в Конституцию Российской Федерации одобрило такую реформу. Согласно ч. 6 ст. 75 Конституции Российской Федерации, система пенсионного обеспечения граждан в стране основана на принципах «всеобщности, справедливости и солидарности поколений». В России у одних граждан пенсия, как известно, 15 тыс. рублей, а у других — 120 тыс. рублей и более. Начиная с 1996 года, отдельные российские ученые и независимые эксперты сигнализировали о том, что настала пора менять Конституцию России**.** В 2004–2006 гг. произошел процесс объединения некоторых субъектов Российской Федерации. В 2008 году были внесены очередные изменения в Конституцию страны — увеличился срок полномочий Президента России (с 4 до 6 лет), и депутатов Государственной Думы РФ (до 5 лет). Законодательное изменение срока полномочий президента страны в России, строго говоря, не было первым на постсоветском пространстве. Так, в Узбекистане в 2003 году президентский срок был увеличен с 5 до 7 лет, но в 2011 году его вновь сократили — до 5 лет. По состоянию на 1 января 2014 года в составе Российской Федерации наличествовало 83 субъекта Федерации. В марте 2014 года в состав России были приняты Республика Крым и город Севастополь, в 2022 году — регионы Новороссии. С 2014 года президент стал участвовать в формировании Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

В 2018 году был повышен пенсионный возраст для россиян, хотя в соответствии с частью 2 статьи 55 Конституции Российской Федерации «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Что хотелось бы закрепить в новой Конституции России?

Будущую Конституцию России украсила бы статья о том, что все законы, регулирующие права и свободы граждан, должны приниматься только на референдуме, после их всенародного обсуждения. Для всех государств мира в этом смысле образцом может считаться законодательство Швейцарии, включая Конституцию Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года (вступила в силу с 1 января 2000 года). В частности, Россией могла бы быть заимствована ст. 112 Конституции Швейцарии о том, что «пенсии должны соразмерно покрывать потребности существования», а максимальная пенсия не должна превышать минимальную в два раза. В будущей Конституции России необходимо также закрепить институт народной инициативы.

Согласно ст. 138 Конституции Швейцарской Конфедерации 100 тыс. избирателей могут предложить полный пересмотр Союзной конституции, быть субъектами народной инициативы [3]. В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции Польской Республики 1997 года «законодательная инициатива принадлежит также группе из не менее чем 100 тыс. граждан, имеющих право избирать в Сейм» [2]. Институт народной инициативы закреплен в Австрии, Испании, Италии, Литве, Румынии, Польше, Словакии и других странах.

В СССР субъектом законодательной инициативы в соответствии со ст. 114 Конституции СССР 1977 года была Академия наук СССР. Профессор М. И. Клеандров предлагает внести в Конституцию России норму о том, что РАН обладает правом законодательной инициативы по вопросам собственного ведения [6, с. 10].

Выводы:

1. После всенародного голосования в 2020 году и одобрения большинством населения, принявшим участие в голосовании, Конституция Российской Федерации 1993 года, с учетом изменений в преамбулу и 3–8 главы, обрела легитимность.

2. Будущая Конституции России может быть принята только демократическим путем. Среди новых норм могут наличествовать нормы о принятии в состав России новых территорий, увеличении числа субъектов законодательной инициативы, закреплении института народной инициативы.

3. Конституцию украсила бы статья о том, что пенсии должны обеспечивать достойное существование граждан России. К снижению дефицита социальной справедливости привело бы закрепление нормы о том, что максимальная пенсия не должна превышать минимальную пенсию более чем в три раза. Конституция должна отражать реальные общественные отношения и приниматься только на референдуме после ее всенародного обсуждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Договор о Европейском Союзе // Право Европейского Союза. — [сайт]. — URL: https://eulaw.ru/treaties/teu/(дата обращения: 4 марта 2023 года).*
2. *Конституция Республики Польши // Правовая библиотека. — [сайт]. — URL: https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf (дата обращения: 17 марта 2023 года).*
3. *Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации)//Правовая библиотека. — [сайт]. — URL: https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf (дата обращения: 19 апреля 2023 года).*
4. *Авакьян, С. А. Конституционно-правовые реформы: объективные и субъективные факторы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 1.*
5. *Елисеева, Н. В. Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР — Российской Федерации/Н. В. Елисеева, О. Г. Румянцев, В. И. Лафитский // Большая российская энциклопедия. — [сайт]. — URL: https://bigenc.ru/c/konstitutsionnaia-komissiia-s-ezda-*

narodnykh-deputatov-rsfsr-rossiiskoi-federatsii-c05878 (дата обращения: 17 апреля 2023 года).

6. *Клеандров, М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть//Государство и право. — 2022. — № 3.*
7. *Лукьянов, А. И. В водовороте российской смуты. — Москва: Кн. и бизнес, 1999. — 431 с.*
8. *Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. — 510 с.*
9. *Рузанов, С. А. Легитимизация «постсоветской» государственности в условиях развития социального протеста в послеоктябрьский период 1993 г. // Социально-гуманитарные знания: научно-образовательное издание. — 2014. — № 5. — С. 347–353.*

BRIEF

REFLECTIONS ON CONSTITUTIONAL REFORMS AND THE NEW CONSTITUTION OF RUSSIA

Ivannikov I. A.,
Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia

Abstract. *The article is devoted to a critical analysis of the prerequisites and the process of judicial reform in the Russian Federation, the adoption and subsequent changes in the 1993 Constitution of the Russian Federation. The author concludes that the contradictions in the current constitution objectively create conditions for the adoption of a new Con-*

stitution of Russia, which should take into account the achievements of Swiss legislation.

Key words: *constitution; constitutional reform; constitutional commission; constitutional meeting; popular vote; legislative initiative; popular initiative.*

Насилие в уголовном судопроизводстве: жупел или необходимость?

Белкин А. Р.,
доктор юридических наук, профессор,
Российский технологический университет (РТУ–МИРЭА),
г. Москва, Россия, e-mail: anatbel@yandex.ru

УДК 343.1

Аннотация. *Статья рассматривает проблему допустимости насилия в уголовном судопроизводстве и показывает, что оно имманентно присуще уголовному процессу. Конституция РФ и УПК РФ декларативно отвергают любое насилие, что выглядит нелогично. В статье предлагается более гибкий подход, исключающий применение именно незаконного насилия, а также формулируются ключевые поправки к статьям 9 и 10 УПК РФ.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; права человека; принуждение; насилие.*

Когда тщетна мягкость, тогда насилие законно.
Пьер Корнель

Проблема допустимости/недопустимости насилия в уголовном процессе продолжает оставаться в фокусе внимания как ученых-процессуалистов, так и всего общества в целом.

Неоднозначность проблемы коренится в однобоком подходе к ней, провозглашенном в принятой на волне радостно-

демократического энтузиазма Конституции РФ и позднее закрепленном в новом УПК РФ, в принципе весьма негативно относящемся к насилию, однако в ряде конкретных норм фактически его не исключающем. Внимательное изучение важнейших статей УПК РФ, связанных с защитой прав личности, неизбежно показывает внутреннюю противоречивость этого важнейшего нормативного акта.

Действительно, обратимся к Конституции РФ, выделив в ней важнейшую статью 21:

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. <…>

Конкретизирует эту позицию ст. 9 УПК РФ:

1. В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

2. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Можно, безусловно, согласиться с позицией законодателя по поводу пыток, особых неясностей здесь не возникает, однако УПК РФ определения этого понятия не дает. Пытки упоминаются как квалифицирующий признак в части 3 ст. 302 УК РФ и в части 4 ст. 286 УК РФ, причем в ст. 286 имеется важное Примечание 1, дающее определение понятия «пытки», и не менее важное Примечание 2, не относящее к пыткам *причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица*

либо неизбежно сопряжены с такими действиями; однако следует отметить, что обе упомянутые части и оба примечания введены лишь законом № 307-ФЗ от 14.07.2022, а до этого момента законодатель указанное понятие не определял.

Итак, даже действия, казалось бы, похожие на пытки, в соответствии с Примечанием 2, могут таковыми не оказаться; что же до остального содержания ст. 21 Конституции РФ и ст. 9 УПК РФ, то, к сожалению, приходится констатировать, что, без особых оговорок, всё это — не более чем декларация.

Может ли вообще уголовное судопроизводство, имманентно связанное с принуждением, обойтись без насилия (в том числе даже и физического) по отношению к лицам, не желающим вести себя законопослушным образом?

Даже говоря об обращении с лицами, содержащимися под стражей, проф. Н. А. Колоколов указывал, что условия содержания под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству, но оговаривал вместе с тем, что этим лицам «не должны причиняться лишения и страдания *более тех, которые являются неизбежными при лишении свободы* [курсив мой — *А. Б.*], а их здоровье и благополучие должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания» [1, с. 108].

Тем не менее следует отметить, что вынесение обвинительного приговора, безусловно, пятнает репутацию осужденного, личный обыск или освидетельствование, сопровождающееся обнажением, унижают человеческое достоинство личности, а задержание лица, оказывающего сопротивление, нередко чревато опасностью для его здоровья, а то и самой жизни. Безусловно, прав А. В. Смирнов, указывающий на необходимость толкования данных норм вовсе не буквально, но ограничительно: запрещению подлежат действия, *неправомерно* и *незаслуженно* унижающие честь и достоинство человека [2, с. 69]. Обращение, унижаю-

щее человеческое достоинство, как уже отмечено выше, может, увы, быть *законным* и *правомерным*.

Но и вопрос о прямом применении насилия в уголовном процессе заслуживает отдельного рассмотрения. Чем иным, как не насилием над личностью, может считаться применение любой меры пресечения, вплоть до заключения под стражу, задержание, привод, принудительное освидетельствование или получение образцов крови для сравнительного исследования?

Как справедливо указывал И. Л. Петрухин, сам «уголовный процесс, как правило, — это насилие, принуждение, основанное на законе. Нет никакой другой отрасли права, где принуждение было бы так сильно развито, как в уголовном процессе. Уголовный процесс — это и задержание подозреваемых, и аресты обвиняемых, и обыски в жилых помещениях, и прослушивание телефонных переговоров по поручению следователя, осмотр и изъятие корреспонденции, это принудительное доставление свидетеля к следователю для допроса, если свидетель уклоняется от явки по вызову… всё это сплошь принуждение. И этим принуждением, конечно, надо пользоваться очень осторожно и экономно» [3; 4]. Аналогичное мнение высказывали и П. С. и С. П. Ефимичевы: «Весь уголовный процесс в широком понимании по своей сути является системой принуждения, направленной на решение задач уголовного судопроизводства» [5, с. 86]. Безусловно, разделяют эту позицию и О. Я. Баев и Д. А. Солодов, подчеркивающие, что речь идет «о недопустимости применения именно (и лишь) незаконных мер» [6, с. 17].

Уголовно-процессуальный кодекс явно и неявно допускает применение даже физического насилия, целью которого является пресловутое *понуждение к законопослушному поведению*. Примеры такого рода приводит, в частности, А. М. Ларин: «Уклонение от явки по вызову на допрос, отказ выдать искомые предметы, открыть закрытые помещения и хранилища представляют фи-

зические формы конфликтного поведения, которое может быть подавлено или нейтрализовано соответственно мерами физического воздействия [7].

Психологическое насилие также вполне возможно в специально оговоренных законом случаях: так, следователь, предупреждая на допросе свидетеля (уклоняющегося от дачи правдивых показаний) об уголовной ответственности по ст. 307–308 УК РФ, оказывает на него очевидное психологическое давление, опять же, *понуждая к законопослушному поведению,* — и это насилие над личностью свидетеля закон не просто допускает, но императивно предписывает следователю поступать именно таким образом.

«Некоторые лица, — указывают А. И. Козбанов и В. Г. Глебов, — могут отказаться добровольно участвовать или подвергнуться каким-либо действиям. Тогда для достижения поставленной перед собой цели следователь должен использовать сначала психологическое, заключенное в правовых нормах, а затем, возможно, и физическое воздействие личного характера (опять же — предусмотренное законом), чтобы принудить лицо согласиться на участие в следственном действии или лишить его возможности оказывать противодействие. <…> Причём психологическое воздействие может носить как превентивный характер, заключенный в нормах уголовно-процессуального права, так и непосредственный, заключенный в указаниях, предупреждениях, угрозах следователя или иного должностного лица. Моральное и физическое принуждение носят, как правило, характер непосредственного воздействия» [8, с. 176–181].

Итак, следует открыто признать, что само по себе насилие — отнюдь не жупел, правомерность его применения в особых, специально оговоренных в законе случаях должна быть закреплена на законодательном уровне. А. В. Смирнов указывает также на необходимость признания недопустимыми доказательств, полученных с применением пыток или иного недопустимого на-

силия [2, с. 71]. Мы полагаем, что это справедливое требование имеет смысл закрепить в отдельной части ст. 9 УПК.

Целый ряд статей УПК РФ, механически и декларативно запрещающих *любое* насилие, а равно унижение чести и достоинства личности, нуждается в поправках и уточнениях. Недопустимым должно считаться только *незаконное* насилие, причем возможные случаи законного принуждения должны быть четко оговорены. В числе таких случаев закон должен предусматривать при необходимости и принудительный порядок освидетельствования, производства судебной экспертизы и получения образцов для экспертного исследования, заключающийся в том, что данные образцы могут быть получены и без согласия соответствующего лица [9, с. 39].

Требует шлифовки и ч. 4 ст. 164 УПК — текущая её формулировка «*… недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер*» явно подразумевает незаконность любого насилия, что слишком декларативно. Исправленная формулировка может выглядеть так: «*… недопустимо применение незаконного насилия, угроз и иных незаконных мер*».

Сформулируем в свете этого поправки к анализируемой ст. 9 УПК РФ:

Статья 9. Недопустимость насилия и унижения чести и достоинства личности

1. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться пыткам, а равно и иному неоправданно жестокому обращению.

2. В ходе уголовного судопроизводства запрещается незаконное насилие и угрозы его применения, а также осуществление действий и принятие решений, неправомерно унижающих честь и человеческое достоинство участника уголовного судопроизводства либо создающих неоправданную опасность для его жизни и (или) здоровья.

3. Применение физического и (или) психологического насилия в отношении любого участника уголовного судопроизводства, а равно угроза применения такого насилия допустимы лишь в исключительных случаях, специально оговорённых настоящим Кодексом, и только в той мере, в какой это необходимо.

4. Применение в ходе следственных действий пыток или иного незаконного физического или психологического насилия (а равно незаконной угрозы насилия) либо осуществление действий, неправомерно унижающих честь и человеческое достоинство участника уголовного судопроизводства или создающих опасность для его жизни и (или) здоровья, влечёт за собой признание полученных таким путём доказательств недопустимыми в порядке части третьей статьи 7 настоящего Кодекса.

При этом допустимость применения насилия либо принуждения, сопряжённого с угрозой насилия, следует «прописать» в соответствующих статьях УПК, регламентирующих эти *исключительные* случаи. В частности, имеет смысл дополнить ст. 10 УПК новой частью 1^1:

Статья 10. Неприкосновенность личности

<…>

$1^{1.}$ Применение физического насилия при задержании допустимо лишь в случаях, когда задерживаемое лицо оказывает сопротивление, и лишь в пределах, обусловленных этим сопротивлением.

<…>

Особое внимание, которое уделяет ст. 10 УПК именно задержанию и аресту, представляется в данном случае вполне оправданным. Проф. В. М. Корнуков по этому поводу отмечает, что «возможность ограничения неприкосновенности личности сопряжена как с производством ареста, так и с применением других мер процессуального принуждения. Но поскольку арест из всех возможных принудительных действий более всего стесняет

личную свободу, Конституция и соответствующие нормативные акты уголовно-процессуального права, закрепляя принцип неприкосновенности личности, формулируют условия ограничения личной свободы только при его применении… Условия же применения других принудительных мер, стесняющих личную свободу, находят своё выражение непосредственно в нормах, предусматривающих применение этих мер» [10, с. 39].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Колоколов, Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. — Москва: Юрист, 2008.*
2. *Смирнов, А. В. Комментарий к УПК РФ / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — [изд. 5-е, перераб. и доп.] / Смирнов А. В., ред. — Москва: Проспект, 2009.*
3. *Петрухин, И. Л. Уголовный процесс и трудности, возникающие при расследовании и разрешении уголовных дел в судах // Лекции по основам правовых знаний для журналистов. — Вып. 16/под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. — Москва: Центр «Право и СМИ», 1999.*
4. *Петрухин, И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. — Москва: Наука, 1985.*
5. *Ефимичев, П. С. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности / П. С. Ефимичев, С. П. Ефимичев. — Москва: Юстицинформ, 2009.*
6. *Баев, О. Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России / О. Я. Баев, Д. А. Солодов. — Москва: Эксмо, 2009.*
7. *Юридическая конфликтология/под ред. В. Н. Кудрявцева. — Москва: ИГП РАН, 1995.*
8. *Козбанов, А. И. Вопросы реализации назначения уголовного судо-*

производства при производстве следственных действий/А. И. Козбанов, В. Г. Глебов // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию проф. И. М. Гуткина). — Ч. 2. — Москва: Академия управления МВД РФ, 2009.

9. Колесников, О. В. Роль руководителя следственного органа в ходе реализации процессуальных действий, содержащих элементы принуждения / О. В. Колесников, Э. К. Кутуев // Правовая защита частных и публичных интересов: материалы V Международной межвузовской научно-практической интернет-конференции. — Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. — С. 33–42.
10. Корнуков, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. — Саратов, 1978.

BRIEF

VIOLENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: BOGEY OR NEED?

Belkin A. R.,
Doctor of Law, Professor,
Russian Technological University (RTU–MIREA), Moscow, Russia

Abstract. *The article considers the problem of violence admissibility in criminal proceedings and shows that within the framework of criminal process it is immanent. Constitution of Russian Federation and RF Criminal Procedural Code both reject any violence declaratively, which looks illogical. The article proposes some more flexible approach, excluding the use of only illegal violence, and formulates key amendments to articles 9 and 10 of the Code.*

Key words: *criminal proceedings; human rights; coercion; violence.*

Отдельные проблемы соблюдения конституционного права на неприкосновенность частной жизни при использовании государственными органами камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц

Букаев Н. М.,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН,
Оренбургский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина, г. Оренбург, Россия,
e-mail: bukaev_nm@mail.ru

Исмагилов Р. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: rinatismagilov@mail.ru

УДК 343.1

Аннотация. *В статье проанализированы проблемные вопросы, касающиеся соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни при использовании органами государственной власти камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. Приведена судебная практика России и отдельных зарубежных стран. Делается вывод о том, что в Российской Федерации и в других странах еще нет четких инструкций и алгоритма действий по использованию*

камер с функцией распознавания лиц, которые бы удовлетворили требования общества по сохранению в тайне частной жизни, личной и семейной тайны. Авторы данной работы обращают внимание на возникшие у властей Великобритании, Китая и США проблемы, связанные с использованием камер с распознаванием лиц. В статье предлагается учитывать зарубежный опыт при использовании органами государственной власти Российской Федерации камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц с целью предупреждения протестной активности со стороны граждан России.

Ключевые слова: *конституционные права граждан; персональные данные; камеры с распознаванием лиц; уголовная ответственность; неприкосновенность частной жизни.*

Современные технологии прочно вошли в жизнь каждого человека и всего общества в целом. Они позволяют существенно облегчить работу, в значительной мере ускорить сбор, хранение и передачу информации [2, с. 81].

Внедряя современные технологии в деятельность государственных органов, актуальным всегда остается вопрос соблюдения конституционных прав граждан, так как именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [1].

В данной статье будут рассмотрены дискуссионные вопросы использования государственными органами камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц.

Камеры с функцией распознавания лиц (*face recognition* — англ.) — это один из наиболее перспективных методов биометрической бесконтактной идентификации человека по лицу [13].

Камеры с функцией распознавания лиц работают по следующему принципу: система получает отсканированное изображение лица и сравнивает его с изображениями, которые хранятся в базе данных. Учитываются косметические изменения во внешности: наличие макияжа, бороды, очков, стрижки. Важна и скорость реакции системы: на сканирование лица, поиск аналогий и получение отклика от базы данных отводится время, примерно равное времени, за который человек пройдет от двери к пропускной системе.

Специалисты используют три популярные схемы для подключения системы распознавания:

— наиболее популярная — IP-камера снимает поток людей на видео и передает картинку на сервер, где происходит обработка информации, сравнение отсканированных лиц с имеющимися в базе и формирование аналитического отчета для оператора. Недостаток такой системы — техническая способность сервера по хранению и обработке потоковой информации, кроме того, число камер, подключенных к нему, также не безгранично;

— IP-камера сама анализирует поток, а на сервер передаются уже обработанные данные. К серверу в этом случае предъявляются гораздо меньшие требования, чем в предыдущем варианте, зато возрастает список технических параметров, которым должна соответствовать камера;

— обычная видеокамера встраивается в устройство контроля доступа, которое сканирует видеопоток, распознает лица и, кроме этого, управляет доступом на объект (например, открывает и закрывает дверь или турникет) [10].

Необходимо рассмотреть пять основных функций современных камер с распознаванием лиц:

1) обнаружение неограниченного количества лиц в кадре (применяется в случае проведения массовых мероприятий), детектирование лиц в сложных условиях при умеренном изменении освещенности, изменении поз, поворотов и наклонов головы;

2) определение возраста человека с точностью 95% в диапазоне пяти лет и пола человека с точностью 99%;

3) распознавание семи базовых и 50 сложных эмоций человека. Алгоритм захватывает и интерпретирует целый ряд эмоциональных состояний человека. Распознавание эмоций широко применятся в различных сценариях, включая управление отношениями с людьми, маркетинговых исследованиях, идентификации мошенников и пр.;

4) скорость идентификации по большим базам данных изображений составляет 250 млн изображений (поисковое время — менее 0,2 сек); 500 млн изображений (поисковое время — менее 0,3 сек); 1 млрд изображений (поисковое время — менее 0,5 сек).

5) распознает лица даже небольшого размера, полуприкрытые, смазанные или повернутые в сторону от камеры [4].

Камеры с распознаванием лиц снимают поток людей на видео и в дальнейшем происходит обработка информации, сравнение отсканированных лиц с имеющимися в базе. В итоге происходит формирование аналитического отчета с указанием персональных данных и место его нахождения с указанием даты и времени.

В соответствии со ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Согласно ст. 24 Конституции Российской Федерации, сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни [14].

Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Пунктом 1 статьи 9 указанного закона предусмотре-

но, что именно субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своих интересах [7].

По мнению отдельных граждан, камеры с распознаванием лиц нарушают конституционные права и представляют собой грубое вмешательство в частную жизнь человека. В частности, критики таких систем видеомониторинга ссылаются на Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Например, Савеловский суд г. Москвы разместил решение по иску Алены Поповой (дело № 02 а-0577/2019), которая требовала признать незаконным использование технологии распознавания лиц в системе видеонаблюдения. Алена Попова заявила, что обработка биометрических данных с камер видеонаблюдения без письменного согласия человека нарушает ФЗ «О персональных данных» и потребовала удалить ее биометрические персональные данные из базы данных. Отклоняя иск, судья указал, что видеоизображения не могут считаться биометрическими персональными данными, поэтому их обработка не требует письменного согласия лица [11].

Волонтер «Роскомсвободы» Анна Кузнецова 16 сентября 2020 г. подала в Тверской районный суд Москвы административный иск к департаменту информационных технологий (ДИТ) мэрии и ГУ МВД Москвы с требованием прекратить использование уличной системы распознавания лиц, а в будущем принять акт, который будет регламентировать работу подобных систем. Истец также требует от ответчиков 100 тыс. руб. компенсации за вред, причиненный утечкой данных. Она нашла в интернете человека, торгующего данными, и анонимно заказала информацию, предоставив только свою фотографию. Через два дня за 16 тысяч рублей Анна Кузнецова получила отчет за предыдущий месяц с подробной информацией о том, по какому адресу было зафиксировано ее лицо [5].

Для более полного представления дискуссионности вопроса использования камер с функцией распознавания лиц обратимся к зарубежному опыту.

1. Апелляционный суд Англии и Уэльса постановил, что использование полицией Южного Уэльса технологии автоматического распознавания лиц является незаконным. Иск был подан компанией по защите прав Liberty и 37-летним Эдом Бриджесом из Кардиффа. В иске было указано, что камеры с распознаванием лиц дважды опознавали Эда Бриджеса, когда он делал рождественские покупки в Кардиффе в 2017 году и на мирной акции протеста в 2018 году. По его мнению, анализ биометрических данных без его ведома или согласия является нарушением прав человека. Эта технология является навязчивым и дискриминационным инструментом массового наблюдения. Указал, что уже три года полиция Южного Уэльса использует его против сотен тысяч людей, без согласия и без ведома. Эдам Бриджес также отметил, что все должны иметь возможность выходить на улицу и не подвергаться при этом жестокому надзору [3].

Апелляционный суд поддержал три пункта из пяти, указанных в исковом заявлении. В частности, судьи согласились с тем, что нет четких указаний, где можно использовать камеры с распознаванием лиц и кого можно включить в список наблюдения. Также неясен вопрос обеспечения безопасности полученных персональных данных. Кроме того, полиция не предприняла необходимых мер, чтобы выяснить, не является ли программное обеспечение расово или гендерно предвзятым. В то же время суд постановил, что применение технологии было соразмерным вмешательством в права человека, поскольку преимущества её использования перевешивали влияние на личную жизнь Бриджеса [3].

Полиция Южного Уэльса заявила, что не будет обжаловать судебное решение. Впрочем, в полиции подчеркнули, что с помощью данной системы с 2017 года 61 человек был задержан за со-

вершение различных преступлений, в том числе за грабеж и насилие [3].

2. В Гонконге проходили марши против технологий для слежки. Чтобы власти не могли «вычислить» демонстрантов, они приходили на акции в особых масках и носили с собой лазерные указки, которыми можно засвечивать камеры. Протестующие уничтожали «умные» столбы, а именно перерезали провода с помощью электропил, также с помощью верёвок опрокидывали «умные» столбы на землю, после заливали камеру жидкостью, чтобы вывести её из строя. По версии протестующих, на них висели камеры для распознавания лиц. Правительство же Гонконга утверждало, что системы нужны только для сбора данных о пробках, погоде и качестве воздуха [9].

3. Власти Сан-Франциско запретили использование технологий распознавания лиц. Решение было вызвано опасением общественности, что использование этой технологии может привести к нарушению неприкосновенности частной жизни и гражданских прав жителей города. Запрет распространяется на городские учреждения и управление полиции Сан-Франциско. Критики системы распознавания лиц утверждают, что эта технология недостаточно надежна и не должна использоваться правоохранительными органами. «Ошибки в системе могут привести к тому, что невинные темнокожие люди будут вовлечены в полицейские расследования и могут оказаться в опасных для жизни ситуациях»,— сказал Мэтт Кейгл, адвокат по защите гражданских свобод из филиала Американского союза защиты гражданских свобод в Северной Калифорнии [12].

В качестве компромисса вместо полного запрета местные жители призвали ввести мораторий на использование технологии распознавания лиц до тех пор, пока она не будет усовершенствована, поскольку они считают, что технология распознавания лиц может сыграть важную роль в поиске пропавших без вести людей или жертв торговли людьми, а также в выявлении потенциаль-

ных террористов. Однако некоторые правозащитники считают, что даже если бы распознавание лиц было на 100% точным, полиция все равно могла бы злоупотреблять этой технологией в отношении протестующих или членов определенных общин, таких как мусульмане, посещающие мечети. Пресс-секретарь управления полиции Сан-Франциско заявил, что в настоящее время полиция не использует технологию распознавания лиц. По его словам, в ведомстве ждут «решения проблемы сохранения конфиденциальности, которая возникает при использовании технологий, но в то же время они работают над устранением угроз общественной безопасности». Несмотря на то, что Сан-Франциско стал первым городом в США, в котором ввели подобный запрет, предложения о его введении рассматриваются в Окленде, штат Калифорния, и Сомервилле, штат Массачусетс. Важная деталь: запрет не распространяется на международный аэропорт Сан-Франциско и порт Сан-Франциско, поскольку они находятся под юрисдикцией федерального правительства. Запрет также не распространяется на частные компании и частных лиц [12].

На территории Российской Федерации установка камер с функцией распознавания лиц находится лишь на начальном этапе. В основном данные камеры в небольшом количестве установлены в крупных городах; при этом имеется множество проектов по увеличению их количества. Однако в будущем Российская Федерация может столкнуться с проблемами, аналогичными тем, которые возникали в Великобритании, Китае, США.

Одним из важных достижений МВД России может стать внедрение камер-видеорегистраторов с функцией распознавания лиц. Если испытания будут успешными, функция распознавания появится у портативных видеорегистраторов, которые уже применяют полицейские. Камера по размеру чуть меньше рации и крепится на одежду. Она анализирует видеопоток и выделяет из него лица людей, данные о которых через интернет передают-

ся на сервер [8]. В некоторых странах, например в США и в Китае, в распоряжении полиции есть не только такие устройства, но и «умные» очки [6].

Современные технические средства с функцией распознавания лиц, конечно же, способствуют выявлению (раскрытию) преступлений, а также служат доказательствами в суде при условии соблюдения уголовно-процессуальных норм. Запись камеры видеонаблюдения с распознаванием лиц, имеющая значение для уголовного дела, должна быть изъята надлежащим образом, осмотрена, постановлением следователя (дознавателя) признана и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

Нам представляется, что при использовании органами государственной власти камер с функцией распознавания лиц должны, безусловно, соблюдаться нормы Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «О персональных данных» и другие нормы, охраняющие частную жизнь граждан.

Подводя итог рассмотренной теме, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации и в других странах мира в настоящее время нет четких инструкций и дорожной карты по использованию камер с функцией распознавания лиц, которые бы удовлетворяли требованиям общества по части сохранения в тайне частной жизни. Надеемся, что вышеуказанные актуальные вопросы станут предметом для дальнейших исследований в данном направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 5-ФКЗ) // Официальный интернет-*

портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2023). — Текст: электронный.

2. *Букаев, Н. М. К вопросу соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве при использовании в доказывании с функцией распознавания лиц / Н. М. Букаев, Р. А. Исмагилов // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 1 (29). — С. 81–85.*
3. *В Великобритании признали незаконным использование технологии распознавания лиц. Систему использовала полиция Южного Уэльса.Сайт «Metronews». — URL: https://metronews-ru.turbopages.org/metronews.ru/s/novosti/world/reviews/v-velikobritanii-priznali-nezakonnym-ispolzovanie-tehnologii-raspoznavaniya-lic-1700348/(дата обращения: 05.03.2023).*
4. *Дополняя интеллект // NtechLab: официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: https://ntechlab.ru/#products (дата обращения: 05.03.2023).*
5. *«Роскомсвобода» требует запретить систему распознавания // Сайт газеты «Коммерсантъ». — URL: https://www.kommersant.ru/doc/4493628 (дата обращения: 05.03.2023).*
6. *Кто и как использует технологии распознавания лиц в России // Сайт компании Rusbase. — URL: https://rb.ru/longread/facial-recognition/ (дата обращения: 05.03.2023).*
7. *О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*
8. *Полицейские тестируют компактные камеры для распознавания лиц: сайт «Ведомости». — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/21/802109-politseiskie-testiruyut?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.03.2023).*
9. *Протестующие в Гонконге начали уничтожать «умные» столбы. По их версии, на них висят камеры для распознавания лиц // Сайт «Технологии». — URL: https://tjournal.ru/tech (дата обращения: 05.03.2023).*

10. *Распознавание лиц системой видеонаблюдения — необходимость, а не роскошь // Сайт компании «Тератек». — URL: https://securtv.ru/presscenter/materials/raspoznavaniye-lits-sistemoy-videonablyudeniya-neobkhodimost-a-ne-roskosh.html (дата обращения: 05.03.2023).*
11. *Савеловский районный суд г. Москвы: официальный сайт. - Уфа. - Обновляется в течение суток. - URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51–47b0-b48f-e871043ef1fc (дата обращения 05.03.2023). — Текст: электронный.*
12. *Сан-Франциско стал первым городом США, запретившим использование технологий распознавания лиц. — URL: https://forbes-ru.turbopages.org/forbes.ru/s/tehnologii/376099-vlasti-san-francisko-zapretili-ispolzovanie-tehnologiy-raspoznavaniya-lic (дата обращения: 05.03.2023).*
13. *Технология распознавания лиц от «А» до «Я» // Сайт компании «Интемс». — URL: https://securityrussia.com/blog/face-recognition.html (дата обращения: 05.03.2023).*
14. *Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

BRIEF

SOME PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY WHEN USING CAMERAS WITH FACE RECOGNITION FUNCTION BY STATE BODIES

Bukaev N. M.,
Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Orenburg Institute (branch) University named after O. E. Kutafin, Orenburg, Russia,

Ismagilov R. A.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *The article analyzes problematic issues related to the observance of the constitutional rights of citizens to privacy when using cameras with facial recognition function by public authorities. The judicial practice of Russia and some foreign countries is given. It is concluded that in the Russian Federation and in other countries there are still no clear instructions and algorithm of actions for the use of cameras with face recognition function that would satisfy the requirements of society to keep private life, personal and family secrets secret. The authors draw attention to the problems that the authorities of the UK, China and the USA have encountered in connection with the use of face recognition cameras, and urge them to take into account their experience in the Russian Federation in order to prevent protests from citizens.*

Key words: *constitutional rights of citizens; personal data; face recognition cameras; criminal liability; privacy.*

Об исторических прецедентах декларативности некоторых дефиниций и принципов законодательства

Витушко В. А.,
доктор юридических наук, профессор,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь, e-mail: professor.vitushko@qmail.com

УДК 340; 347

Аннотация. *Государственное ограничение прав и свобод граждан является избыточным, особенно в рамках реализации гражданами жилищных и иных имущественных и личных неимущественных прав. Декларативными являются определение государства как социального, положения о сбалансированном учете частных и общественных интересов, свободы экономической и иной не запрещенной законом деятельности, принципы неприкосновенности собственности, равенства, разделения властей. Нормы конституций и специального законодательства о правах граждан должны быть увязаны с нормами о корреспондирующих конкретных обязанностях государства, а также государственных и частных должностных лиц.*

Ключевые слова: *дефиниции; социальное государство и право; принципы равенства; неприкосновенности собственности; разделение властей; свобода экономической и иной не запрещенной деятельности.*

Конституциями стран-участниц СНГ и ЕАЭС государства определяются как демократические *социальные* и правовые (ст. 1 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституции), ст. 1, 7 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Конституции Республики Казахстан и др.). Понятие социального государства и права далеко не исчерпывается вопросами социального обеспечения граждан. Важнейшими принципами социального государства являются сбалансированный учет частных и общественных интересов, а также взаимодействия и сотрудничества. Однако абз. 4 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Беларуси (далее — ГК Беларуси) закрепил принцип приоритета общественных интересов. С другой стороны, ч. 3 ст. 2 ГК Беларуси установила императив, что граждане приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своих интересах. В п. 1 ст. 8 ГК Беларуси также сказано, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Аналогичные положения имеются и в гражданском законодательстве других стран участниц СНГ и ЕАЭС (например, п. 2. ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ). Данные положения реанимируют примитивный буржуазный индивидуализм и эгоизм, тогда как в ст. 14 Конституции ФРГ, а также гражданском законодательстве иных развитых экономик, в рамках современной тенденции социализации права сказано, что частная собственность должна служить не только личности, но и общественным интересам. Принцип приоритета общественных интересов противоречит и Закону Республики Беларусь от 30.12.2015 «О государственно-частном партнерстве». Но и данный закон далек от соответствия всеобщему принципу взаимодействия и сотрудничества, так как в орбите действия закона находятся только совместные капиталы отдельных частных лиц и государственного бизнеса, и не охватываются интересы других частных организаций и физических лиц, не связанных такими партнерскими отношениями. На международном уровне

в специальных Рекомендациях ЮНЕСКО от 19.11.1974 г. о воспитании в духе международного *взаимопонимания, сотрудничества и мира, уважении прав человека и основных свобод* государствамчленам предложено принять юридические и иные меры по реализации принципов данных Рекомендаций во всех сферах общества. Принятие данного документа было обусловлено осознанием глобальной взаимозависимости людей, наличием не только прав, но и обязанностей, возлагаемых на отдельных лиц, их групп и государства по отношению друг к другу, пониманием необходимости международной солидарности и сотрудничества, готовности отдельных лиц участвовать в решении проблем своего общества, своей страны и мира в целом [1].

Легального закрепления приоритета общественных интересов не было в Советском государстве. Так, в абзаце 9 преамбулы Основ гражданского законодательства Союзе ССР и союзных республик от 08.12.1961 было предусмотрено: «Советское гражданское законодательство призвано активно содействовать … *охране материальных и культурных интересов граждан и правильному сочетанию этих интересов с интересами всего общества*». Но реализация баланса интересов личности и общества тогда не состоялась, поскольку гражданам запрещалось свободное осуществления экономической и иной не запрещенной законом деятельности. Нынешнее конституционное и гражданское законодательство Беларуси также не содержит принципа свободы экономической и иной не запрещенной законом деятельности. Согласно ст. 21 Конституции РБ гарантируются только такие права и свободы, которые предусмотрены законодательством. Однако одной свободы договоров, как это предусматривает абз. 7 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси, недостаточно для целей самоорганизации деятельности граждан в процессе общественного воспроизводства [2]. При этом, необходимо понимать, что трудоспособная личность не только вправе, но должна и единственно может обеспечить

в полной мере реализацию своих имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов. Общество и государство должны не ограничивать в этом личность, а всемерно содействовать реализации прав и законных интересов личности. Опыт советского периода, когда государство запретило право граждан на частную собственность и свободную экономическую деятельность, пыталось обеспечить имущественные интересы всех граждан путем создания общественных фондов потребления, оказался печальным. Такая идеология потерпела полный провал. Обращаться к данному опыту нет смысла. Тем более, что ни одно современное государство мира не может в должной мере обеспечить и не обязуется обеспечивать все имущественные и личные неимущественные права и законные интересы своих граждан.

В процессе осуществления гражданских прав субъекты имущественных отношений всегда рассчитывают на получение соответствующего имущественного удовлетворения своих интересов от участия в данных отношениях. Но действующее конституционное и гражданское законодательство Беларуси принципа материальной заинтересованности граждан в своей трудовой и коммерческой деятельности не содержит. Между тем правовое закрепление материальной заинтересованности граждан в своей деятельности наличествует в абз. 5 Преамбулы Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 08.12.1961 г., хотя и это положение носило декларативный характер. В стране применялась тарифная система оплаты труда, которая в народе называлась «уравниловкой». А предусматривавшиеся премии также выплачивались, как правило, с учетом тарифов. Конкуренции как обязательного элемента всех сфер общественной жизни, особенно между субъектами хозяйственной деятельности, не было, она подменялась социалистическим соревнованием, которое носило формальный характер.

В рамках реализации принципа сбалансированного учета частных и общественных интересов конституционное, гражданское и иное *законодательство должно отражать взаимность и конкретность прав и обязанностей личности, с одной стороны, общества и государства, обеспечивающего осуществление частных и общественных интересов, с другой стороны*. Взаимность прав и обязанностей государства и граждан вытекает из указанных Рекомендаций ЮНЕСКО. Такая же взаимность имелась и в рамках отношений сюзеренитета и вассалитета в средневековой Европе, которая оформлялась договорами.

Согласно ст. 21 Конституции за гражданами закрепляются конкретные права на достойный уровень жизни, включая на достойное жилище, питание и одежду. Но при этом не указываются конкретные обязанности государства и должностных лиц по реализации данных прав граждан, ограничиваясь общими положениями о необходимости предпринимать соответствующие меры по реализации прав граждан в пределах их компетенции (ст. 59 Конституции). В специальном законодательстве, например, в Жилищном кодексе Республики Беларусь от 08.02.1999 г. (далее — ЖК 1999 г.) содержались нормы, возлагавшие на местные исполнительные и распорядительные органы власти конкретные обязанности по реализации прав граждан на улучшение своих жилищных условий. Так, ст. 20 ЖК 1999 г. предписывала исполкомам областного уровня обеспечивать «выделение льготных кредитов, субсидий гражданам». А ст. 21 ЖК 1999 г., определявшая компетенцию исполкомов базового уровня (районов), обязывала данные государственные органы «предоставлять субсидии» гражданам согласно очередности, определенной Правилами учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий. А банки должны были выдавать этим гражданам кредиты на льготных условиях. Но уже в ст. 8 нового Жилищного кодекса Республики Беларусь от 28.08.2012 (далее — ЖК 2012 г.)

было предусмотрено, что исполкомы областного уровня только «выделяют финансовые средства на строительство жилых помещений государственного жилищного фонда». В нынешней редакции ЖК 2012 г. и этой нормы нет. Таким образом, исполкомы областного уровня не обременены обязанностями финансово обеспечивать решение жилищных проблем всех граждан, как это ранее указывалось в ст. 20 ЖК 1999 г. В ст. 9 ЖК 2012 г. за исполкомами и администрациями районов первоначально была сохранена обязанность выделять гражданам субсидии. Но в нынешней редакции ст. 9 ЖК 2012 г. такая обязанность также исключена. В ст. 9 ЖК 2012 г. приводятся лишь общие указания, что названные государственные органы предоставляют гражданам государственную поддержку при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений в соответствии с законодательными актами. Тем самым местные государственные органы базового и областного уровня, а также республиканские органы не обременены конкретными обязанностями в решении жилищных проблем граждан. За местными государственными органами ЖК 2012 г. оставил только функции административного управления жилищным фондом, учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и контроля осуществления гражданами своих жилищных прав.

Относительно высших государственных органов в ст. 107 Конституции сказано, что Правительство Республики Беларусь обеспечивает проведение единой экономической, финансовой, кредитной и денежной политики, государственной политики в области науки, культуры, образования, здравоохранения, экологии, социального обеспечения и оплаты труда. О соответствующем обеспечении жилищных и иных прав граждан в данной норме не говорится. В целях конкретизации мер по реализации прав граждан, предусмотренных ст. 21 Конституции, целесообразно было бы в ней прямо указать, что «Правительство обязано осу-

ществлять финансовое и иное обеспечение реализации прав граждан на достойный уровень жизни, включая достойное жилище, достойное питание и достойную одежду».

Декларативность принципов *неприкосновенности права собственности и равенства особенно наглядно проявляет себя в следующих жилищных и иных бытовых отношениях*. Так, строительство и реконструкция индивидуальных жилых домов было и является важным элементом обеспечения достойного уровня жизни граждан. Одновременно это решает и ряд общенациональных задач. Еще в советской социологии было установлено, что строительство и реконструкция индивидуальных жилых домов создает лучшие условия для преодоления демографической проблемы, поскольку рождаемость в таких домах выше, чем в многоэтажных домах. Проживание в индивидуальных жилых домах решает и задачи укрепления психического и физиологического здоровья граждан, особенно с учетом формирования системы компонентов природной, антропогенной и социальной окружающей среды на приусадебных земельных участках. Проживание в таких домах способствует патриотическому и культурному воспитанию подрастающего поколения, укрепляет социальные связи между соседями. В последние десятилетия строительство и реконструкция индивидуальных жилых домов стало еще более оживленным. Особенно распространенной стала реконструкция индивидуальных жилых домов в городских районах старой застройки. Это обусловлено указанными выше обстоятельствами, а также тем, что изменились потребительские и эстетические запросы граждан, появились новые строительные материалы, оборудование и технологии, которые позволяют обеспечить учет самых разнообразных личных потребностей и интересов. Казалось бы, что это направление частной инициативы собственников индивидуальных жилых домов, способствующее самообеспечению своего благосостояния и решению государственных задач, долж-

но было найти всемерную поддержку у государственных исполнительных и распорядительных органов, особенно на местном уровне. Но в реальности всё обстоит не так. Местные исполнительные и распорядительные органы отказывают в разрешении строительства и регистрации реконструкции индивидуальных жилых домов граждан. По заявлениям граждан о незаконном отказе в разрешении строительства и регистрации реконструкции суды признают такие жалобы законными и обоснованными, предлагают местным исполнительным и распорядительным органам пересмотреть свои решения. По апелляционным жалобам местных исполнительных и распорядительных органов вышестоящие суды подтверждают законность решений судов первой инстанции. Но соответствующие местные исполнительные и распорядительные органы повторно отказывают гражданам в регистрации строительства или реконструкции индивидуальных жилых домов без всяких дополнительных аргументов. В отказах в регистрации местные исполнительные и распорядительные органы повторно делают те же общие ссылки на нарушение гражданами градостроительных норм, без конкретизации индивидуальных фактов и параметров нарушения градостроительных норм.

После этого граждане повторно обжалуют действия местных исполнительных и распорядительных органов в суды первой инстанции, которые вновь подтверждают законность требований граждан. Апелляционные суды еще раз подтверждают правильность решений судов первой инстанции. Есть прецеденты, когда представители местных исполнительных и распорядительных органов заявляют гражданам, что решения судов для них не обязательны и граждане будут ходить по замкнутому кругу до бесконечности. Данные факты дискредитируют систему государственного местного управления и самоуправления, свидетельствуют о декларативности принципов неприкосновенности собственности, разделения властей (ст. 6 Конституции), свобо-

ды осуществления гражданами своих имущественных и личных неимущественных прав. Государственное законодательное регулирование права частной собственности и административное правоприменение носят избыточный характер, не позволяют гражданам самим решать вопросы удовлетворения своих имущественных и личных неимущественных интересов, не обременяя этими заботами государство и общество. Об избыточном государственном регулировании гражданских отношений, в частности, обязательственных отношений, уже не раз говорили правоведы на постсоветском пространстве [3, с. 145].

Для решения указанных жилищных проблем был принят Указа Президента Республики Беларусь № 253 от 25 июля 2022 г. «Об упрощении порядка приемки в эксплуатацию объектов строительства» (далее — Указ). Данным Указом предусмотрена либерализация регистрации возводимых и реконструируемых гражданами одноквартирных жилых домов. Его п. п. 1.1. предписывает, что «объекты строительства, возведенные (реконструированные) гражданами на земельных участках, права на которые у них возникли до 1 сентября 2022 г. и предназначенные для строительства и (или) обслуживания одноквартирных жилых домов (за исключением расположенных в г. Минске), могут по решению местного исполнительного и распорядительного органа приниматься в эксплуатацию без наличия разрешительной документации на их строительство (разрешения на реконструкцию) и (или) проектной документации». Возведенные таким образом объекты строительства не признается самовольным строительством.

Одновременно Указ позволяет упростить и удешевить бремя граждан по государственной регистрации возводимых и реконструируемых ими одноквартирных жилых домов, избежать вышеупомянутого «хождения по кругу». Это с удовлетворением и облегчением воспринято многими собственниками строящих-

ся и реконструируемых индивидуальных жилых домов. Но Указ не решает проблемы частной собственности всех граждан на их дома. Во-первых, из категории собственников одноквартирных жилых домов исключены граждане г. Минска. Если предполагается сохранить индивидуальный подход к регистрации строительства и реконструкции одноквартирных жилых домов в г. Минске, то комплексный и одновременно индивидуальный правовой подход должен иметь место всегда и во всех правоотношениях. На индивидуальный подход, учитывающий конкретные обстоятельства каждого дела и отражаемый в каждом правоприменительном акте, нацеливают деятельность граждан, юридических лиц и государственных органов высшие судебные инстанции. Соответственно, индивидуальный подход должен быть применим к собственникам всех регионов Беларуси, а не только г. Минска. Если названный Указ является своего рода амнистией, позволяющей избежать бюрократических проволочек со стороны местных исполнительных и распорядительных органов, то при этом должен соблюдаться конституционный принцип равенства граждан (ст. 22 Конституции). Но Указ на это не ориентирует государственные органы и должностных лиц.

Во-вторых, из числа объектов строительства и реконструкции, подпадающих под действие Указа, исключены блокированные жилые дома (ст. 1 ЖК 2012 г.). Блокированные индивидуальные жилые дома возникают естественным образом из одноквартирных жилых домов, когда дети собственников одноквартирных жилых домов вырастают и создают свои семьи. Для них естественным путем решения своих жилищных, эргономических, социальных, психологических, физиологических и иных проблем, не обременяя этими проблемами государство и общество, является реконструкция, модернизация и иное увеличение площади домов, принадлежащих родителям. Такая деятельность граждан также должна поощряться, стимулироваться, а не обременяться

хождениями «по кругу». Совместное проживание нескольких поколений, прадедушек и прабабушек, дедушек и бабушек, родителей и их детей, внуков и правнуков, как никакая иная пропаганда способствует формированию исторической памяти, особенно, когда стены украшены фотографиями предков-орденоносцев; иных родственников, отмеченных государственными наградами и пр. Такие фотографии обычно не вписываются в интерьер и дизайн квартир многоквартирных и многоэтажных жилых домов. К тому же, надо понимать, что развитие личности — это не только период детства и молодости. Личность развивается весь свой жизненный цикл.

Советское законодательство в части предоставления государству права сносить индивидуальные жилые дома для целей строительства многоэтажных жилых домов, в силу государственных и общественных интересов в современном обществе не может быть легальным.

Надо учитывать, что строительство многоэтажных домов в период СССР осуществляло исключительно государство, что и свидетельствовало о публичной значимости такого массового строительства и сноса частных домов. Сегодня многоквартирные жилые дома строятся в основном для целей продажи жилья — то есть частными застройщиками и в своих коммерческих целях. Здесь нет коллизии частных интересов собственников индивидуальных жилых домов и публичных интересов государства и общества. Здесь налицо противостояние частных интересов собственников индивидуальных жилых домов и частных лиц, осуществляющих строительство многоэтажных домов для продажи. Данную коллизию местные исполнительные и распорядительные органы решают в пользу коммерческих застройщиков, чем вновь нарушается принцип равенства. Во-вторых, при сносе индивидуальных жилых домов граждан в советский период они имели право выбора нового места про-

живания, а также и размера предоставляемого жилья. Предоставляемое гражданам жилье было исключительно благоустроенным. При этом, размер наемной платы и коммунальных услуг были не значительными. Собственники могли продавать свои дома под снос другим гражданам. Но, в любом случае, собственник индивидуального дома имел право обжаловать решение о сносе его дома в суд. Сегодня собственникам сносимых домов не редко предоставляют жилье, бывшее в употреблении, с минимальными потребительскими качествами, без учета интересов граждан о месте предоставления жилья и др.

Наконец, государственные органы и должностные лица, отказывая в регистрации и подвергая сносу индивидуальные жилые дома, ради получения прибыли коммерсантами, способствуют, с одной стороны, «закапыванию в землю» общественно полезного труда собственников индивидуальных жилых домов, затративших труд на строительство или реконструкцию своих домов. А, с другой стороны, государственным органам и должностным лицам не ведом государственный уровень понимания того, что бессмысленный и затратный снос индивидуальных жилых домов собственников и их семей, а также затраты на предоставление другого жилья гражданам, могли бы пойти на другие общественно значимые цели. Причем, коммерсанты, в отличие от указанных местных исполнительных и распорядительных органов, считают деньги, а поэтому заявляют себя собственниками сносимых домов, их конструкций и оборудования ради перепродажи и иного коммерческого использования, запрещая это делать гражданам-собственникам.

Распространенным в последнее время стало и ограничение местными органами власти права граждан на парковку личных автомашин возле своих домов, отгораживая бетонными надолбами и иными преградами узкие проезды в микрорайонах многоэтажной жилой застройки, а также эвакуируя автомаши-

ны граждан. При этом, гражданам предлагается парковать машины в коммерческих многоэтажных парковках и гаражах, которые, как правило, дороже автомашин граждан. В этих случаях опять же приоритет отдается интересам коммерческих частных лиц, а не граждан.

Расширение свободы граждан в самостоятельном решении ими своих жилищных и связанных с ними иных социально-экономических задач является крайне необходимым в современном обществе. Как отмечается исследователями, «в условиях свободного общества, основанного на рыночной экономике, пора менять представления о роли закона в обществе, необходимо рассматривать закон лишь как внешнюю форму выражения права, как субсидиарное средство регулирования человеческих отношений, определяемых, прежде всего, самими участниками отношений» [3, с. 144].

С учетом того, что понятие права шире понятия закона, народ, как исключительный источник государственной власти, включающей и правовую власть, ее верховенство, а также носитель суверенитета (ст. ст. 3, 7 Конституции), должен сам определять юридическое содержание общественных отношений. Касательно социальной ответственности собственников индивидуальных жилых домов, то они должны соблюдать права и законные интересы соседей-собственников, учитывать границы земельных участков, не нарушать использование общественных коммуникаций и связанных с ними общественных интересов, публичного порядка в обществе. О правообразовании как легитимной деятельности граждан и их организаций много писали профессор С. Г. Дробязко и другие ученые России и Беларуси [4, с. 48].

В условиях свободы экономической и иной не запрещенной законом деятельности участники гражданских отношений должны иметь возможность также свободно определять способы за-

щиты своих имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов. Легализации понятия открытого, примерного перечня законных интересов в гражданском материальном и процессуальном законодательстве нет. Статья 11 ГК Беларуси и гражданское законодательство других стран СНГ и ЕАЭС содержит закрытый перечень способов защиты. Целесообразно дополнить данную норму указанием о праве граждан и на иные способы защиты прав и законных интересов, в том числе на предупредительные иски, а также иски в общественных интересах (публичные иски) и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *ЮНЕСКО и права человека / Л. В. Павлова, А. Е. Вашкевич; под ред. Л. В. Павловой. — Минск: Тесей, 2002. — 232 с. — С. 74–83.*
2. *Витушко, В. А. Основы правового обеспечения самоорганизации общественного воспроизводства // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики. Материалы международного круглого стола (г. Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г.) / БГУ, Юридический фак., каф. хозяйственного права; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. — Минск: БГУ, 2022. — 395 с. — С. 57–65.*
3. *Попондопуло, В. Ф. Обязательственное право: социальные основания и понятие // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. — Вып. 6 / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред) [и др.]. — Гродно: ГрГУ, 2021. — 500 с. — С. 141–149.*
4. *Дробязко, С. Г. Правообразование, правотворчество и правоустановление, их субъекты и принципы // Степан Григорьевич Дробязко: к 90–летию со дня рождения С. Г. Дробязко / Белорусский государственный университет, юридический факультет, юридический колледж; редкол.; С. А Балашенко [и др.]. — Минск: Бизнесофсет, 2013. — 206 с. — С. 43–60.*

BRIEF

ABOUT HISTORICAL PRECEDENTS OF DECLARATIVENESS OF SOME DEFINITIONS AND PRINCIPLES OF LEGISLATION

Vitushko V. A.,
Doctor of Law, Professor,
Presidential Academy of Management Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

Abstract. *The state restriction of the rights and freedoms of citizens is excessive, especially in the framework of the realization by citizens of housing and other property and personal non-property rights. Declarative are the definitions of the state as a social, balanced consideration of private and public interests, freedom of economic and other non-prohibited activities, the principles of inviolability of property, equality, separation of powers. The norms of constitutions and special legislation on the rights of citizens should be linked to the norms on the corresponding specific duties of the State, as well as public and private officials.*

Key words: *definitions; social state and law; principles of equality; inviolability of property; separation of powers; freedom of economic and other non-prohibited activities.*

Ответственность виновного при причинении вреда несовершеннолетним

Дзидзария Б. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
Абхазский государственный университет,
г. Сухум, Республика Абхазия, e-mail: dzary@rambler.ru

УДК 343.13

Аннотация. *Права человека — один из остро обсуждаемых вопросов, особенно в контексте прав отдельных социальных групп, таких, к примеру, как права несовершеннолетних. С фактами нарушения прав этой категории лиц общество активно борется многие годы, но для полного решения проблемы предстоит пройти еще долгий путь — необходим комплекс социокультурных преобразований, последовательное искоренение проявлений насилия и дискриминации в отношении несовершеннолетних в любой форме. Изучение представлений об особой личностной структуре, развивающейся вследствие пережитого ребенком в результате насилия стресса, позволяет по-новому взглянуть на острейшие психологические и социальные проблемы.*

Ключевые слова: *права человека; несовершеннолетние; преступление; насилие; гарантии.*

Сегодня все чаще обсуждаются вопросы, связанные с правами отдельных социальных групп общества, — правами женщин, лиц с ограниченными возможностями, правами ребенка, в том числе правами несовершеннолетних. Одной из га-

рантий реализации принципов правового государства является создание государственных механизмов защиты прав. Обращаясь к задаче обеспечения защиты прав несовершеннолетних, следует отметить, что до недавних пор в Республике Абхазия отсутствовал специализированный институт омбудсмена по правам ребенка. Но в июне 2021 года такой институт в республике был создан. Как и во всем мире эта структура направлена на дополнительную защиту прав, наряду с существующими правовыми инструментами и средствами, дополняя их и выступая гарантией обеспечения интересов ребенка.

Несмотря на то, что в республике существуют органы и службы, занимающиеся вопросами охраны и защиты прав детей, проблема эта с годами, как показывает практика, не теряет актуальности.

Официальная статистика республиканского уровня довольно скромна, что и предопределило в данной работе обращение к исследованиям, проведенным в зарубежных странах, к анализу уголовного законодательства некоторых государств и к деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Абхазии. Так, по данным официальной статистики, с 2018 по 2022 гг. зарегистрировано только 14 преступлений (это насильственные действия сексуального характера, изнасилования и развратные действия) в отношении несовершеннолетних [1]. В то время как из отчета Уполномоченного по правам ребенка мы можем сделать вывод о том, что основная доля обращений приходится на алиментные обязательства — недобросовестное исполнение обязательств со стороны одного из родителей (как правило, отца). При этом в Аппарат уполномоченного поступали заявления, в которых фигурируют нарушения прав, связанные с физической и половой неприкосновенностью несовершеннолетних. В последнее время также наблюдается тенденция обращения из-за применения к детям насилия (это отметила в своем докладе Уполномоченный по правам ребенка в Республике Абхазия 23.01.2023 года).

Согласно официальной статистике по России, почти половина преступлений этой категории — также неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (2016 г.). Наряду с этими преступлениями совершаются и преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (4327 случаев, что выше показателей, например, 2015 г.). В 2017 году тенденция не изменилась. В течение следующих — 2018 и 2019 гг.— в РФ ситуация осталась прежней. После того как в стране началась пандемия COVID-19 обозначился тренд на ухудшение положения дел, а именно была отмечена тенденция роста числа преступлений против несовершеннолетних. По данным Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ, за 2021 год в отношении несовершеннолетних было совершено 103,3 тыс. преступлений, что на 14,3% больше чем в 2020 г. (90,3 тыс. преступлений) и в 2019 г. (99,3 тыс. преступлений). В 2022 г. было зарегистрировано 113,3 тыс. преступлений [2]. В то же время, по данным Генеральной прокуратуры РФ, отмечается рост противоправных деяний в отношении детей в республиках Дагестан, Северная Осетия — Алания, Белгородской, Магаданской и Смоленской областях, а также в Чукотском автономном округе.

Значительная часть (56,9% или 58,8 тыс.) в структуре преступности в отношении детей составляли преступные деяния против семьи и несовершеннолетних, из которых 93,9% (55,2 тыс.) были связаны с неуплатой средств на содержание несовершеннолетних детей [3].

По статистическим данным же Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 г., по гл. 20 УК РФ за 2020 год всего осуждено 48 634 человек, а за 2021 г.— 39 293; при этом освобождены от наказания или наказание не назначалось 120 гражданам в 2020 г. и 69 — в 2021 г. Оправдано было 8 (в 2020 г.) и 7 (в 2021 г.) граждан, соответственно. В то время как прекращены дела 2712 (за 2020 г.) и 2162 (за 2021 г.) [4].

Но эксперты уверены, что всё же преступления в этой сфере совершаются чаще. Одна из причин латентности этой категории преступлений в том, что ребенок не всегда рассказывает о подобных случаях по самым разным причинам (например, в силу небольшой значимости, по его мнению, инцидента или, наоборот, из боязни пострадать и т. д.)

Если обратить внимание на исследования, проведенные в зарубежных странах, то можно отметить факт большого удельного веса рецидивов преступлений против несовершеннолетних. При этом преступления довольно-таки типичны, однородны с предыдущими составами, причем даже мотив сохраняется прежний. Оценивая ситуацию по этим данным, обобщенно можно говорить, что в мире около 300 млн детей в возрасте 2–4 лет подвергаются жестокому обращению со стороны лиц, которые их опекают (родители, попечители и пр.). Что же касается более старшей возрастной группы — 11–15 лет — то треть из них подвергались насилию со стороны их сверстников. А лица в возрасте 20 лет подвергались насилию, в том числе принуждению к вступлению в половую связь (до 120 млн случаев). Эмоциональному насилию подвергается каждый третий ребенок. Кроме того, мать каждого четвертого ребенка в мире также является жертвой насилия со стороны своего партнера (супруга).

Наличие или отсутствие нормативных актов, ограничивающих или запрещающих подобные действия, не всегда служит показателем уровня преступности против несовершеннолетних. 88% стран сообщили, что в их законодательстве имеются акты о противодействии сексуальному насилию, а также акты, запрещающие ношение оружия в школах гражданского населения. Нормативно-правовые акты, очевидно, не панацея, необходим механизм реализации и действенные меры наказания за них.

Во всем мире насилие и халатное отношение к ребенку признано медицинской проблемой. Адаптируясь к насильственному

или непостоянному родителю или опекуну, такие дети становятся настороженными и недоверчивыми; часто у них отмечается неискренность и склонность к манипуляциям. Жертвы отсутствия заботы впоследствии могут испытывать трудности при установлении и поддержании дружеских и романтических отношений в результате недостатка привязанностей в детстве. Бесправие детей перед жестокостью взрослых в Европе имеет давние и глубокие корни. Недостаток внимания и заботы способен привести к задержке физического и психического развития. Самый страшный вид насилия заключается в том, что ребенок используется взрослым в целях удовлетворения сексуальных потребностей. Чтобы осознать всю глубину проблемы, необходимо понимать, как стереотипное воспитание мальчиков и девочек формирует затем их отношения в семье [5].

Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних в разных странах может отличаться и мерами наказания, и содержанием, так как в этом проявляются особенности национального менталитета и обстоятельства совершенного деяния.

Анализ законодательства ряда стран показал, что в некоторых уголовных законах отсутствуют статьи, направленные на защиту прав несовершеннолетних (например, в УК Японии и УК КНР нет специальной главы).

В УК ФРГ, Польши, Испании, Дании, Австралии, Австрии и некоторых других стран, напротив, соответствующие деяния выделены в самостоятельные составы.

В государствах, входящих в Евросоюз, не во всех запрещены телесные наказания детей (в частности, в Бельгии, Италии, Словакии и Чехии). Что касается Великобритании запрет на наказания здесь также отсутствует (даже несмотря на Конвенцию о правах ребенка, принятую еще в 1989 г., где приводится рекомендация государствам принять подобные нормы на национальном уровне).

Анализ санкций демонстрирует ужесточение наказания по категории преступлений в отношении несовершеннолетних

в большинстве зарубежных стран. Но тем не менее в ряде УК встречается и более мягкое альтернативное наказание (такое как штраф) нежели лишение свободы (например, в УК Франции).

Вмешательство государства в виде разработки стратегии действий в интересах детей в Республике Абхазия позволит своевременно осознать значимость проблемы и принять соответствующие меры по ее решению.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что вряд ли целесообразно говорить о смягчении наказания или альтернативных лишению свободы санкциях, когда речь идет о преступлениях против несовершеннолетних лиц, так как психика ребенка во многом менее устойчива чем у взрослого человека. Однако вмешательство со стороны государства не должно усугублять ситуацию для пострадавшего ребенка — задача состоит в том, чтобы надежно обеспечить и защитить его интересы.

Менталитет в нашей республике не приемлет насилия ни в каком виде. Традиции и обычаи у абхазов предусматривают воспитание, которое основано на уважении старших членов семьи к младшему поколению и к обществу в целом. Сегодня, когда общество сталкивается с новыми вызовами, такие правонарушения стараются скрывать из-за того, что не принято придавать огласке такого рода проступки. Но умалчивать об этом — путь для дальнейших нарушений и потакание преступнику, что, безусловно, приведет к необратимым последствиям — в первую очередь разложению общества, девальвации системы социальных ценностей и всего того, ради чего живет человек и во имя чего строится государство.

Поэтому, считаем, что необходим комплекс мер, направленных на:

— своевременное выявление подобных нарушений;

— профилактика нездоровых отношений в семье;

— создание условий для ограничения любых форм насилия в отношении несовершеннолетних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Официальная статистика ГИЦ МВД РА (2018–2022).*
2. *Единая межведомственная информационно-систематическая система.*
3. *Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 г. (23.08.2022).*
4. *Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 г. (26.08.2022).*
5. *Семейное насилие над детьми как социальная проблема воспитателям детских садов, школьным учителям и педагогам. — [сайт]. — URL: https://from-ua.com/22 de December de 2022/Leave a Comment.*

BRIEF

RESPONSIBILITY OF THE CULPRIT IN CAUSING HARM TO MINORS

Dzidzariia B. U.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract. *Human rights are one of the hotly discussed issues, especially the rights of individual social groups, such as the rights of minors. Society is trying to solve violation of the rights of this category, but there is still a long way to go to achieve cultural change and end violence. The formation of ideas about a special personality structure that develops as a result of stress experienced in childhood, in the form of violence, allows us to take a fresh look at the most acute psychological and social problems.*

Key words: *human rights; minors; crime; violence; guarantees.*

Правовой механизм валютной политики в Европейском и Евразийском экономическом союзах

Ермолович В. И.,
кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Jermalovich7@gmail.com

УДК 339.923.341

Аннотация. *В статье рассмотрены основные положения валютной политики государств — членов Европейского и Евразийского экономического союзов, изложенные в источниках права указанных сообществ. Проанализированы критерии сближения, характерные для исследуемых союзных образований.*
Особое внимание уделяется механизму, предусмотренному правом Евразийского экономического союза для регулирования интеграции единой валютной политики в странах Евразийского содружества. Рассмотрены сильные и слабые стороны данного механизма.

Ключевые слова: *валютная политика; Европейский Союз; Евразийский экономический союз; бюджет; валюта платежа содружества.*

Валютная политика формирует принципы, которые конкретизируются в рамках правовых норм (законодательства), регулирующих отношения, возникающие в связи с использованием национальной денежной единицы в международных расчетах и иных валютных операциях. Государства Ев-

ропейского союза (далее — ЕС) и Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в рассматриваемом вопросе имеют существенные различия. Страны ЕС проводят свою валютную политику на основе единой денежной единицы — «евро». Страны ЕАЭС в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе, который был подписан президентами России, Беларуси и Казахстана 29 мая 2014 г. в столице Казахстана г. Астане, введения единой денежной единицы не предусматривают [1]. В связи с этим возникает вопрос, может ли данный факт порождать специфические различия и проблемы в процессе реализации валютной политики обоих союзных образований?

Общие положения регулирования валютной политики в Европейском союзе были изложены в ст. 4 Договора о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. Эти положения были взяты за основу раздела VIII «Экономическая и денежная политика» Договора о функционировании Европейского союза от 13 декабря 2007 г. Данный договор в п. 1 ст. 119 определяет три основы функционирования современной валютной политики ЕС:

1. Тесная координация экономической политики государств-членов Европейского союза.
2. Внутренний рынок.
3. Определение общих целей государств-членов ЕС [3, с. 269].

Пункт 3 ст. 119 указанного договора (2007 г.) устанавливает основополагающие принципы, которые формируют базовую основу для единой европейской валютной политики. К их числу относятся: стабильность цен, здоровые публичные финансы и условия денежного обращения, стабильный платежный баланс [3, с. 269]. Более детально механизм и отдельные компоненты валютной политики ЕС изложены в разделе VIII «Экономическая и денежная политика договора о функционировании Европейского союза» от 13 декабря 2007 г., анализ которого позволяет сделать вывод, что основой валютной политики ЕС является

проведение координации общей экономической политики государств — членов ЕС.

Вопрос о присоединении государства-члена ЕС к единой валюте союза (евро) решается Советом на основании докладов Комиссии и Европейского центрального банка. В указанных докладах отражены два наиболее значимых вопроса, которые необходимы для успешной реализации валютной политики. Первый вопрос определяет соответствие национального законодательства в отношении национальных центральных банков согласно Договору о ЕС (1992 г.) и уставу Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка, что призвано обеспечить политику независимости национальных центральных банков стран ЕС. Вторым вопросом (решение которого вызывает трудности — прим. автора) является достижение соответствия критериям сближения (конвергенции), которые изложены в ст. 121 Договора о функционировании Европейского союза (2007 г.) [3, с. 270] и в специальном Протоколе «О критериях сближения».

Критериев сближения четыре. Они изложены в ст. 1–4 Протокола «О критериях сближения».

Первый критерий — это критерий стабильности цен, который указан в § 1 ст. 140 Договора о функционировании Европейского союза (2007 г.); он гласит, что государство-член имеет устойчивый уровень стабильности цен и что его средние темпы инфляции, наблюдаемые в течение одного года перед проверкой, не превышают более чем на 1,5% средних темпов инфляции максимум трех государств-членов, демонстрирующих наилучшие результаты в области стабильности цен. Инфляция измеряется с помощью индекса потребительских цен на сопоставимой основе, с учетом различий в национальных определениях [3, с. 503].

Второй критерий — критерий состояния публичных финансов, сформулирован в § 1 ст. 140 вышеупомянутого Договора. Он означает, что на момент проверки государство-член не является

объектом предусмотренного в § 6 ст. 126 упомянутого Договора решения Совета о существовании чрезмерного дефицита [3, с. 503].

Третий критерий — критерий участия в механизме валютных курсов Европейской валютной системы, указанной в § 1 ст. 140 упомянутого Договора. Это означает на практике, что государство-член соблюдало нормальные пределы колебаний, предусмотренные механизмом валютных курсов Европейской валютной системы, не испытывая серьезных затруднений, на протяжении, как минимум, последних двух лет перед проверкой. В частности, на протяжении данного периода государство-член по собственной инициативе не проводило девальвацию двустороннего центрального курса своей денежной единицы по отношению к евро [3, с. 504].

Четвертый критерий — критерий сближения процентных ставок, о котором идет речь в § 1 ст. 140 упомянутого Договора. Он означает, что в течение одного года перед проверкой государство-член имело среднюю номинальную долгосрочную процентную ставку, которая не превышает более чем на 2% аналогичную ставку максимум трех государств-членов, демонстрирующих наилучшие результаты в области стабильности цен. Процентные ставки измеряются на основе долгосрочных государственных облигаций или сопоставимых с ними ценных бумаг, с учетом различий в национальных определениях [3, с. 504].

Кроме этих вопросов доклады должны также принимать во внимание результаты интеграции рынков, положение и развитие платежных балансов, развитие стоимости единицы труда и другие показатели.

На основе предоставленных докладов Совет по рекомендации Комиссии квалифицированным большинством оценивает, соответствует ли каждое конкретное государство-член необходимым условиям для перехода к единой валюте. До настоящего времени Польша, Чехия, Болгария, Румыния, а также Швеция

не отвечают критериям сближения. Эти государства официально именуются в договоре «государствами с изъятием». К государствам — членам ЕС с изъятием в некоторой степени приравниваются Великобритания и Дания — государства-члены, не пожелавшие переходить на евро и получившие такое право на основании специальных протоколов «О некоторых положениях в отношении Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии» и «О некоторых положениях в отношении Дании» к Договору о Европейском Союзе (1992 г.) и Протокола № 1 к Лиссабонскому договору 2007 г. (в новой редакции).

Основой для регулирования валютной политики стран Евразийского союза является Соглашение о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г. Данное Соглашение стало фундаментом валютного рынка для стран Евразийского союза. В соответствии со ст. 2 указанного Соглашения государства-члены Евразийского союза разрабатывают и проводят свою валютную политику на основе четырех принципов:

1. Государства-члены осуществляют гармонизацию и сближение подходов к формированию и проведению валютной политики поэтапно и в том объеме, в каком это соответствует сложившимся макроэкономическим потребностям интеграционного сотрудничества.

2. Государства-члены обеспечивают создание необходимых организационно-правовых условий для развития интеграционных процессов в валютной сфере, координации и согласования валютной политики.

3. Государства-члены не предпринимают действий в валютной сфере, которые могут негативно повлиять на развитие интеграционных процессов, а в случае их вынужденного применения стремятся минимизировать последствия таких действий.

4. Государства-члены проводят экономическую политику, направленную на повышение доверия к их национальным валю-

там как на внутреннем валютном рынке каждого государства-члена, так и на международных валютных рынках [2].

Важным фактором общей валютной политики государств — членов Евразийского союза является координация политики обменного курса в отношении национальных валют стран Союза. С этой целью Договор о согласованной валютной политики государств-участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г., подписанный между центральными банками России, Беларуси и Казахстана 12 декабря 2011 г., учредил совместный координирующий орган — Консультативный совет по валютной политике в составе руководителей центральных банков государств-членов или их заместителей [4, с. 304]. Деятельность Консультативного совета призвана уменьшить взаимные колебания курсов денежных единиц государств — членов Евразийского союза и тем самым минимизировать валютные риски для граждан и хозяйствующих субъектов, возникающие, в том случае, если курс российского рубля резко повысится или упадет относительно белорусского рубля или казахского тенге.

Заседания Консультативного совета планируется проводить не реже одного раза в три месяца. При этом любое государство Евразийского союза вправе инициировать проведение внепланового заседания Совета. Решения Консультативного совета принимаются на основе общего согласия центральных банков стран Евразийского союза. Принятые решения являются документами «ограниченного доступа». Их публикация возможна только на основе общего согласия центробанков всех стран Союза [4, с. 305].

Учитывая прямую взаимосвязь валютной политики с развитием экономики, центробанки России, Беларуси и Казахстана в ст. 6 Договора о согласованной валютной политике взяли на себя обязательства не допускать прямого финансирования дефицитов государственных бюджетов, т. е. не предоставлять кредиты прави-

тельствам своих государств и не покупать государственные ценные бумаги при их первичном размещении, «за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством Сторон» [1].

На основании ст. 64 «Цели и принципы согласованной валютной политики» Договора о ЕАЭС, который вступил в силу после ратификации национальными парламентами государств-членов 1 января 2015 г., государства — члены указанного соглашения обязались проводить в рамках ЕАЭС согласованную валютную политику, предполагающую гармонизацию и сближение их подходов, но лишь в том объеме в каком это соответствует сложившимся макроэкономическим потребностям интеграционного сотрудничества [1].

Правовой основой согласованной валютной политики в рамках ЕАЭС выступает раздел XIV Договора о ЕАЭС «Валютная политика», который конкретизирован Протоколом о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС).

Положения о согласованной валютной политике предусматривают осуществление государствами-членами соглашения о проведении негативной и позитивной форм интеграции.

В плане негативной интеграции государства-члены должны постепенно устранить валютные ограничения, препятствующие свободному перемещению между ними товаров и других экономических факторов. Эти мероприятия согласованной валютной политики должны также способствовать формированию общего (единого) рынка ЕАЭС [1].

Что касается позитивной интеграции, то согласованная валютная политика призвана осуществить выработку общих подходов государств-членов к регулированию валютных отношений на всем пространстве ЕАЭС.

Результатом этих усилий должно стать формирование интегрированного валютного рынка, который официально определяется как совокупность валютных рынков государств-членов,

объединенных общими принципами функционирования и государственного регулирования. Помимо формирования интегрированного валютного рынка Договор о ЕАЭС предусматривает осуществление государствами-членами иных мер координации, сотрудничества и сближения законодательства.

Важную роль в данном случае призваны сыграть меры, направленные на расширение использования национальных валют государств-членов во взаимных торгово-экономических отношениях. К этим мерам стороны в Договоре относят: координацию политики обменного курса национальных валют, обеспечение конвертируемости национальных валют путем создания условий для возможности покупки и продажи иностранной валюты резидентами государств-членов через банки государств-членов без ограничений, создание условий для обеспечения прямых взаимных котировок национальных валют государств-членов, совершенствование механизма платежно-расчетных отношений между государствами-членами на базе расширения использования национальных валют во взаимных расчетах между резидентами государств-членов, недопущение множественности официальных обменных курсов национальных валют, препятствующей взаимной торговле между резидентами государств-членов, создание условий для размещения валютных активов государств-членов в национальные валюты других государств-членов, в том числе в их государственные ценные бумаги и развитие торгов национальными валютами на организованных рынках государств-членов и обеспечение доступа к ним участников валютного рынка государств-членов [1].

Важную роль в формировании интегрированного валютного курса и достижения других целей согласованной валютной политики призвано играть взаимодействие органов валютного контроля государств-членов сообщества. Организация и порядок проведения такого взаимодействия подробно регламентирова-

ны специальными разделами Протокола о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (разделы III «Взаимодействие уполномоченных органов валютного контроля» и IV «Обмен информацией на основании запросов уполномоченных органов валютного контроля»).

В связи с этим следует отметить, что валютная политика ЕС и Евразийского союза базируется на единых, универсальных принципах основу которых составляет гармонизация и сближение подходов к проведению общей валютной политики на основе интеграционных подходов к ней. Вместе с тем, следует отметить, что критерии стран ЕС в механизме проведения валютной политики более конкретны и выражают социально-экономические интересы широких слоев населения, что не в полной мере выражено в экономической и валютной политики стран Евразийского экономического союза.

Кроме того, положения Договора о ЕАЭС содержат, на наш взгляд, признаки незавершенности в отношении решения актуальной проблемы. Полномасштабному решению задач Договора о ЕАЭС может служить только введение единой денежной единицы на территории стран нового содружества, чего положения данного Договора не предусматривают даже в отдаленном будущем. Следовательно, успешная реализация норм данного соглашения представляется нам едва ли возможной, поскольку изначально авторы Договора о ЕАЭС проигнорировали принципиальные вопросы механизма его реализации. В пользу нашего довода свидетельствуют и положения о валютной политике в странах ЕС, где вопрос о введении единой наднациональной валюты — «евро», рассматривался и рассматривается как залог успешного функционирования экономики и финансов указанного сообщества.

Не вызывает оптимизма в настоящее время и сравнительный анализ бюджетов Европейского Союза и ЕАЭС. Так, бюджет ЕС как организации в 2021 г. составлял около 170 млрд евро, а бюджет

ЕАЭС — 102 млн евро, т. е. в 1666 раз меньше. Это значит, что в рамках ЕС реализовывались программы финансирования в экономической, социальной, политической и иных сферах деятельности, а бюджет ЕАЭС рассчитывался только для выплаты заработной платы функционерам организационной структуры организации, содержание Суда Союза и прочие накладные расходы. О реализации приоритетных общесоюзных программ в интересах стран-участников ЕАЭС говорить не приходится. Финансирование этих программ бюджет организации не предусматривает. Пересчеты стоимостных показателей в евро ЕС выполнены с использованием официальных курсов валют национальных (центральных) банков государств-членов ЕАЭС по среднегодовым курсам.

При этом необходимо учитывать тот факт, что консолидированный бюджет стран ЕС с населением в 450 млн человек в настоящее время составляет 2,7 триллиона евро, а общий бюджет стран ЕАЭС с населением 190 млн человек составляет 681,4 млрд евро [5, с. 177]. Наблюдается дисбаланс по численности населения указанных организаций 2,3: 1 и дисбаланс финансовых возможностей в соотношении 4,1: 1 в пользу стран ЕС. В условии глобальных вызовов и противостояний необходимо срочно разрабатывать и реализовывать программы с целью изменения ситуации к лучшему. Одним из ключевых положений реализации данной задачи должно стать введение единой, сильной валюты для ЕАЭС, которой вполне может стать российский рубль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Договор о Евразийском экономическом союзе ратифицирован Законом Республики Беларусь от 9 октября 2014 г. «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 14.10.2014. — № 2/2191.*

2. Договор о согласованной валютной политике государств — участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 года // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2012. — № 3/2767.
3. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / пер. А. О. Четверикова. — Москва: ИНФРА-М, 2013. — 698 с.
4. Кашкин, С. Ю. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, П. А. Калиниченко [и др.]. — Москва: Проспект, 2015. — 416 с.
5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. — Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2022. — 189 с.

BRIEF

THE LEGAL MECHANISM OF MONETARY POLICY IN THE EUROPEAN AND EURASIAN ECONOMIC UNIONS

Yermolovich V. I.,
PhD in History, Associate Professor,
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

Abstract. *The article describes the main provisions of the monetary policy of the member States of the European and Eurasian Unions set out in the sources of law in these communities. Analyzed the convergence criteria are typical for the studied allied formations. Special attention is paid to the mechanism provided for by the law of the Eurasian Economic Union for regulating the integration of a single monetary policy in the countries of the Eurasian Commonwealth. The strengths and weaknesses of this mechanism are considered.*

Key words: *monetary policy; the European Union; the Eurasian Economic Union; budget; currency of payment of the commonwealth.*

О понятии публичных финансов в правовой системе России

Колесников Ю. А.,
доктор юридических наук, профессор,
директор Центра научных исследований
«Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике», Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

УДК 342

Аннотация. *Необходимость исследования категории «публичные финансы» заключается в отсутствии общепринятого понимания сущности этой категории среди представителей как юридической сферы, так и экономической, что опосредует трудности в эффективном регулировании и осуществлении контроля в сфере публичных финансов.*

В данном исследовании проводится анализ различных трактовок «публичности» в положениях российского законодательства, а также определяются критерии выделения сущности исследуемого понятия. Основой методологии представленного исследования выступает формирование теоретических базисов понятийного аппарата финансового права посредством использования методов научного поиска, анализа, сравнения и синтеза.

Результаты исследования способствуют изменению теоретической конструкции науки финансового права, представляющей собой её основу, посредством конкретизации отдельных критериев, создающих фундамент для развития концепции публичных финансов.

В виду того, что понятие «публичные финансы» охватывает собой как государственный (то есть публичный) сектор, так и частный, обобщение исследования будет применяться в практике управления государственных и муниципальных органов власти, так как единый подход к сущности данной категории обеспечит эффективность и прозрачность услуг, будет способствовать установлению доверия между властью и населением.

Ключевые слова: *публичные финансы; публичная власть; фондовая концепция; критерий публичного интереса; критерий публичной собственности.*

Публичные финансы — доктринальное понятие, единого подхода к его пониманию в науке финансового права не наблюдается. Признаки, обуславливающие финансы в качестве «публичных», по-прежнему нельзя считать устоявшимися ввиду значительного количества открытых и функционирующих фондов и сложностей их правового регулирования. Традиционно остаются актуальными две проблемы [1, с. 77–83]:

1. Вопросы управления и распоряжения публичными финансами.

2. Вопросы использования публичных фондов как формы гос. управления, то есть для решения общих задач государства и общества.

Представленные вопросы затрагивают не просто государственный интерес, а интернациональный. Доклад Еврокомиссии по итогам 2020 года по вопросам финансов наглядно отражает положение дел в сфере публичных финансов в последние годы.

Однако этот теоретический вопрос приобрел особую актуальность и практическую значимость после принятия поправки в текст Конституции РФ в 2020 году [2]. В частности, п. 3 ст. 132 за-

крепляет понятие **публичной власти** в Российской Федерации, более подробно которое раскрыто в ст. 2 **Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»** [3], а ст. 133 использует термин **публичных функций**. Логичным последующим действием представляется законодательное закрепление понятия **публичные финансы** в специализированном федеральном законе примерно в следующей формулировке «Публичные финансы как конституционная категория — это система денежно-имущественных фондов, формируемых и используемых в публичных интересах и управляемых органами публичной власти».

Употребление «публичный» не раз встречается в российском законодательстве, в связи с чем особое внимание следует уделить употреблению «публичных финансов» в качестве основополагающей конституционной категории. Так, публичные финансы подразделяют на государственные и муниципальные; главным критерием выделения данных видов является публичный интерес на федеральном уровне или же на муниципальном.

Однако необходимо помнить, что в данном случае не стоит отождествлять публичный интерес с общественным, местом собственной реализации он имеет исключительно государственную деятельность или местное самоуправление, поскольку опосредован задачами и возложенными функциями публично-правовых образований [4, с. 21–28].

Действительная потребность в формализации законодателем понятия **публичные финансы** заключается в необходимости нормативного закрепления критериев отнесения финансов к публичным, каковыми предположительно могут быть:

— критерий публичного интереса (сущность данного критерия была раскрыта ранее);

— критерий публичной собственности;

— критерий самостоятельного объекта государственного (муниципального) финансового контроля;

— критерий централизации;

— критерий автономного правового регулирования [5, с. 34–41].

Видится важным принимать во внимание опыт зарубежного законодателя. Так, в Республике Молдова действует Закон от 25 июля 2014 года № 181 «О публичных финансах и бюджетно-налоговой ответственности». В нем «публичные финансы» представлены как совокупность экономических отношений, связанных с формированием и администрированием ресурсов бюджетов — составляющих национального публичного бюджета, государственного долга, долга административно-территориальных единиц и других публичных активов.

Как можно заметить проводя анализ подходов, в отечественной и зарубежной научной литературе, публичные финансы различно понимаются с точки зрения и теории и практики как в **юридической**, так и в **экономической** сферах [6, с. 51–62]. Однако в российской научной среде **превалирует фондовая концепция**, предполагающая понимание публичных финансов как общественных отношений, возникающих по поводу образования и расходования фондов денежных средств.

Основные задачи, которые можно решить путем принятия аналогичного ФЗ в российском правовом поле, следующие:

— разделить и улучшить качество правового регулирования в отношении отдельных публичных фондов, объединенных по форме использования на государственном уровне или их роли для защиты частных интересов;

— построить систему определения и структурирования публичных финансов для выравнивания публичного и частного начал.

В качестве примера обозначим следующую классификацию публичных финансов:

1. Общие: государственные и муниципальные бюджеты, регулируемые на законодательном уровне,

2. Общие, специального назначения (важно урегулировать правовое положение Фонда национального благосостояния, доходов ЦБ РФ),

3. Отраслевые, предназначенные для управления в определенной сфере, например, в сфере экономики (требуется детально проработать правовой статус фондов денежных средств, переданных в доверительное управление: УК ЗПИФ «Российский фонд прямых инвестиций», Российский фонд развития информационных технологий, фонд под управлением ГК «Российские автомобильные дороги», ПАО «Особые экономические зоны»),

4. Созданные в целях защиты и обеспечения частных интересов (вкладчиков, инвесторов, страхователей и т. п., например, формируемые Банком России ФКБС, ФКСС, компенсационные фонды ГК «Агентство по страхованию вкладов физических лиц», гарантийные и компенсационные фонды СРО АНО РСА, НССО, и т. д.), общим признаком которых является, в том числе, автономное правовое регулирование, отделенное от гражданского права.

Таким образом, для решения вышеперечисленных задач следует ответственно перейти к формированию концепции нового ФЗ о публичных финансах!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абрамчик, Л. Я. Финансовое право и управление: взаимодействие и взаимозависимости — 2021 / Л. Я. Абрамчик, М. Карфикова, Е. Ю. Киреева, Ю. А. Колесников [и др.] // Современное право. — 2021. — № 6. — С. 77–83.*
2. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/326beffc479b43476874aff34bd07d0da05f657.*

3. *Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс». — URL:* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105.
4. *Рябова, Е. В. Понятие и система публичных финансов в свете проблемы дифференциации публичных и частных финансов // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 9. — С. 21–28. — DOI: 10.17803/2311–5998.2018.49.9.021–028.*
5. *Рябова, Е. В. Публичные финансы: концептуальный взгляд на содержание // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 8. — С. 34–41. — DOI: 10.17803/2311–5998.2017.36.8.034–041.*
6. *Ангелина, И. А. Публичные финансы: генезис понятия в современной финансовой науке / И. А. Ангелина, А. А. Градинарова // Финансовые исследования. — 2022. — № 2. — С. 51–62. — DOI 10.54220/finis.1991–0525.2022.75.2.005.*

BRIEF

ABOUT THE CONCEPT OF PUBLIC FINANCE IN THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Kolesnikov Y. A.,
Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Scientific Research "Instrumental, Mathematical and Intellectual Tools in Economics",
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Southern Federal University", Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The article analyzes the features of the concept of "public finance" and develops several approaches.*

The need to study the category of "public finance" lies in the lack of a generally accepted understanding of the essence among representatives of both

the legal and economic spheres, which mediates difficulties in effective regulation and control in the field of public finance.

The study analyzes various interpretations of "publicity" in the provisions of Russian legislation, and defines criteria for highlighting the essence of the concept under study. The methodology of the presented research is based on the formation of theoretical bases of the conceptual apparatus of financial law using methods of scientific research, analysis, comparison and synthesis.

The results of the study contribute to changing the theoretical structure of the science of financial law, which is its basis, by specifying individual criteria that create the foundation for the development of the concept of public finance.

Since the concept of "public finance" covers both the state, that is, the public sector, and the private sector, the generalization of the study will be applied in the practice of management of state and municipal authorities, since a unified approach to the essence of this category will ensure the efficiency and transparency of services, will contribute to the establishment of trust between the government and the population.

Key words: *public finance; public authority; stock concept; criteria of public interest; criteria of public ownership.*

Преподаватель юридического вуза – угасающая ценность в системе высшего образования

Ратьков А. Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи. Россия, e-mail: sochiran@mail.ru

УДК 371.13

Аннотация. *В статье раскрываются видимые автору причины, существующие в организации учебного процесса, которые мешают качественной передаче знаний студентам высших юридических учебных заведений. Анализируются расхождения в видах планируемой нагрузки преподавателей и учете этих запланированных видов деятельности в фактически выполненной нагрузке. Приводятся другие несоответствия требований в организации учебного процесса фактическому состоянию этого процесса.*

Ключевые слова: *юридическое образование; учебный процесс; учебная нагрузка; рабочие учебные планы; занятость преподавателя.*

Юридическая профессия определяется как официально признанный государством и регламентируемый законом род деятельности, связанный с правовым регулированием общественных отношений, обеспечением соблюдения членами общества правовых предписаний, требующий необходимых знаний и навыков, приобретаемых путем юридическо-

го образования или практического опыта, накладывающий на юристов социальную ответственность за эффективное выполнение возложенных на них обязанностей в системе общественного разделения труда [1, с. 121]. С учетом столь высокой оценки места и роли деятельности юристов в обществе следует надеяться, что организации и совершенствованию юридического образования, в процессе которого формируются знания и навыки для осуществления юридической деятельности, государством будет уделено самое пристальное внимание в целях достижения высокого уровня подготовки юридических кадров — то есть такого уровня, который позволит находиться на должной «высоте» в плане правового регулирования общественных отношений и, тем самым, обеспечивать соблюдение членами общества правовых предписаний. Это — желаемое, то есть так должно быть… Но обратимся лишь к некоторым опубликованным данным о фактическом состоянии деятельности отдельных дипломированных юристов.

— Присутствуя в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам, — делится своими наблюдениями прокурор города Астрахани А. Петров, — где выступают прокурорские работники из числа молодых специалистов, замечаешь, что ведут они себя скованно, публичную речь произносят неуверенно, монотонно, сбивчиво, заученными стандартными фразами, зачастую с речевыми ошибками. Речь иногда засорена пустыми, ненужными словами. Об ораторских приемах и говорить не приходится [2, с. 16].

Член экзаменационной комиссии при Квалификационной коллегии судей Ульяновской области Л. Н. Ракитина обнаружила судебное решение мирового судьи, в котором на трех страницах оказалось 117 грамматических ошибок, в том числе и орфографических [3, с. 57–59]. М. М. Хайруллин и Ф. Н. Багаутдинов (соответственно, председатель и член экзаменационной комиссии при

Квалификационной коллегии судей Республики Татарстан), указавшие на приведенный пример, утверждают, что аналогичные решения можно найти в каждом суде [4, с. 37–40].

Из приведенных результатов одного из актуальных опросов юристов, работающих в различных сферах деятельности (в числе опрошенных: судьи — 109, прокуроры — 106, следователи — 137, адвокаты — 103, юрисконсульты — 111, нотариусы — 115, судебные приставы — 119 человек), следует, что «… определенная часть юристов <…> не знает норм, определяющих правовое положение своей профессионально-юридической группы в целом» [1, с. 121–123].

Не будем ссылаться на те многочисленные несуразицы, которыми пестрит практически каждый процессуальный документ, составляемый в ходе предварительного расследования и требующий от составителя хотя бы минимальных интеллектуальных и профессиональных способностей. Специальные рубрики юридических журналов и ознакомление с соответствующими материалами уголовных дел дают нам возможность раз за разом убеждаться в низком образовательном уровне правовых кадров от номера к номеру, от одного дела к другому.

Можно посетовать в этом случае на недостаточную подготовку абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения после получения среднего образования. Например, М. Б. Смоленский после того, как опросил 50 поступивших в вуз студентов, приводит следующие результаты. Половина опрошенных не читала классиков литературы, а вторая — до конца ни одну книгу не дочитала (исключение составили лишь пять респондентов). Запас образов — минимальный. Историю России и мировую историю знают очень плохо. Выводы делать не умеют. Сравнения проводить не могут. Рассказывать не умеют! «А у всех баллы — за 270!», — заключает педагог [5, с. 127–128].

Стоит ли этому удивляться?

— Наши оценки по ЕГЭ,— констатирует доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. А. Авакьян,— отражают всё что угодно, но только не реальные знания [6, с. 166].

И, тем не менее, если бы современное построение системы высшего юридического образования было отлажено и обеспечивало возможность качественной передачи знаний, огрехи школьного курса обучения, думается, можно было бы нивелировать. Однако в продолжающих действовать условиях организации учебного процесса в высшей школе научно-педагогические работники вынуждены с головой уходить не в передачу знаний студентам, а в разработку всё новых и новых методических материалов по каждому из преподаваемых курсов, объем которых с каждым годом возрастает из-за постоянно меняющихся требований к их содержанию. Причем разрабатывать эти учебно-методические материалы необходимо каждый новый учебный год! В этой связи в очередной раз приходится сослаться на очень правильное, пусть и возмущенное мнение маститых ученых-педагогов. Например, доктор юридических наук, профессор Я. Гилинский, уже не сдерживаясь, пишет в своем блоге: «Давно мучает бессильная злоба на чинуш от «образования», выдумывающих все новый и новый бред в виде модулей, компетенций, ФГОС, ФГТ, ООП, ВПО, ДПО, ФОС и прочего абсурда. Тысячи и тысячи профессоров и доцентов тратят свое время на выполнение и заполнение всё новых и новых положений, инструкций, форм, бессмысленных от начала до конца» [7].

Он же ссылается на ещё одно разделяемое им и нами мнение ученого, опубликованное в «Новой газете» 3 декабря 2012 года (с. 12): «Образовательные стандарты, которые вводит министерство, ужасны… Самое ужасное — это засилье чиновников, которые реального дела делать не умеют, а делают свое чиновничье дело,

порождают бессмысленные бумаги и, что еще хуже, требуют от реально работающих людей включаться в их бессмысленную деятельность и подчиняться их бессмысленным требованиям» [7].

В недалеком прошлом случился один год, когда в требованиях к разработке новых учебных рабочих программ дисциплин убрали необходимость снабжать каждую тему тематического плана указанием на усваиваемые при этом компетенции. Преподавательский состав выдохнул с облегчением. Однако не успели педагоги перевести дух, как на следующий год в эти же требования вернулась обязанность не только вновь расписывать компетенции, но еще и указывать придуманные «там наверху» индикаторы к каждой компетенции!

Разве не актуальны вышеприведенные оценки деятельности наших «чинуш от образования»?

Причем создавать этот бесполезный, но значительный по объему ворох бумаг, педагогам приходится всё в более сложных условиях преподавания. Если раньше, например, объем учебной нагрузки на одну штатную единицу доцента требовался в пределах 730–760 часов в год, то сегодня эта цифра возросла до 850–900 часов; причем настоятельно рекомендуется ориентироваться именно на верхний предел, поскольку студентов в группе может оказаться меньше планируемого количества, не все студенты могут выйти на зачеты, экзамены или представить курсовые работы и т. п. Кроме того, при менее значительной нагрузке на одну штатную единицу ранее, объем аудиторных часов каждой дисциплины был превышающим, намного превышающим сегодняшний объем. Путем максимального взвинчивания объема аудиторных часов, необходимого для нагрузки на одну штатную единицу, и при этом занижения пропорции между часами, отводимыми на аудиторные и самостоятельные занятия в пользу последних, преподаватель «приговаривается» нагружать себя чтением в одном только семестре трех, четырех, а то и большего количества учеб-

ных курсов, что и является подтверждением вывода об обесценивании труда преподавателей.

— В результате реформы образования, — указывает И. А. Клепицкий, — научные работники вузов перегружены нездоровой аудиторной и бюрократической нагрузкой. <…> В итоге грамотных специалистов в науке постепенно, но неуклонно вытесняют люди, не сумевшие найти более престижную и выгодную работу. Они ленятся изучать право и заражены разрушительным вирусом новаторства и реформаторства» [8, с. 41].

Естественно, что высокое качество преподавания в такой ситуации обеспечить весьма затруднительно, хотя, по всей видимости, администраторов от образования это совсем не беспокоит. Главное — сэкономить средства при оплате труда преподавателей и пустить их на повышение оплаты собственного «непосильного» административного труда, ничего кроме вреда образованию не приносящего. «Это цинизм, — ссылается Я. Гилинский на мнение одного из ученых, — сначала сделать зарплату университетского преподавателя ниже ставки дворника, а потом говорить: нет, он что-то некачественно работает» [7].

Причем такое положение наблюдается во всех сферах юридического образования. М. Ю. Зеленков, проанализировавший проблемы подготовки следователей, указывает: «… система образования идет сегодня по замкнутому кругу, постоянно «улучшая» стандарты <…> она одновременно ограничивает инструментарий, сокращает время учебного аудиторного общения преподавателя и обучающегося, забывая при этом, что качество знаний обучающегося всегда зависело, зависит и будет зависеть от качества абитуриента и времени контактной работы преподавателя и обучающегося (аудиторные занятия, индивидуальные консультации и др.)» [9, с. 43].

Предоставляемая вузам федеральными требованиями некоторая свобода в конкретизации отдельных положений организации учебного процесса, как представляется, могла бы способ-

ствовать, если не устранению, то хотя бы смягчению бюрократического гнета, закрепляемого предписаниями свыше. Однако такое предположение остается в разряде желаемого. Известно, что вывод о качестве работы преподавателя делается исходя из отчета о выполнении каждого вида деятельности, закладываемого в индивидуальный план работы преподавателя на учебный год. Разновидности этой деятельности, естественно, определяют соответствующие бюрократические структуры вуза. Например, согласно порядку планирования и учета нагрузки педагогических работников университета, в котором трудится автор данной статьи, общая нагрузка преподавателя включает в себя учебную, учебно-методическую, организационно-методическую, организационно-научную и научно-исследовательскую деятельность. Каждому виду деятельности, по идее, должны соответствовать конкретные виды работ, отличающие один вид деятельности от другого. Но в исходящих требованиях, не принимая во внимание учебную работу, четко определены и отграничены от других лишь виды научно-исследовательской деятельности. Что конкретно относить к учебно-методической, организационно-методической и организационно-научной работе остается загадкой, потому как в порядке планирования все эти виды работ включены в общий перечень. Может быть, это и не сказывается отрицательно на самой работе по этим направлениям, так как необходимый общий объем часов по указанным работам предписано также определять «скопом», но раз уж это отдельные виды деятельности, то, вероятно, и наполнение каждого из них должно отличаться.

Еще большее недоумение вызывает сопоставление требований к планированию научно-исследовательской деятельности и требований к самостоятельному обособленному отчету по этому направлению работы преподавателя.

Первый аспект давно известен — отчет о работе кафедр и, следовательно, каждого преподавателя составляется по оконча-

нии учебного года. Самостоятельным разделом в этом отчете выступает и научно-исследовательская работа. Однако по итогам календарного года требуется еще раз составить отчет уже исключительно о результатах научно-исследовательской деятельности! Наверное, можно найти ответ, почему дело обстоит именно так, но нельзя не заметить, что подобный порядок ведет к дублированию документации, отнимает время у преподавателя, «забюрокрачивает» его деятельность.

Второе обстоятельство представляется куда более весомым. Во-первых, виды научно-исследовательской работы в требованиях к планированию нагрузки более дифференцированы, чем виды этой же работы, которые учитываются в отчете по итогам календарного года. Во-вторых, они (виды работ) не совпадают в рассматриваемых отчетных документах. Например, на одном из первых мест в годовом отчете о результативности научно-исследовательской деятельности стоит организация научных конференций и участие в них (как профессорско-преподавательского состава, так и обучающихся), однако в требованиях к планированию работы эти виды деятельности указаны не в научно-исследовательской работе, а в смешанном перечне учебно-методической, организационно-методической и организационно-научной работы. Кроме того, если требования к планированию нагрузки предлагают направлять свои усилия на организацию, проведение и участие в научных конференциях, симпозиумах, форумах, круглых столах, научно-методологических семинарах и тому подобных научных мероприятиях, то годовой отчет принимает во внимание только организацию и участие в конференциях. Спрашивается: а зачем тогда утруждать себя организацией, проведением и участием в других форматах научно-исследовательской деятельности, если «верхи» интересуют только конференции?

Следующее несоответствие: вывод о результативности научно-исследовательской деятельности научно-педагогических

работников делается на основе отчета о количестве организованных для обучающихся научных конкурсов и перечня тех конкурсов, в которых обучающиеся приняли участие. Но такой вид деятельности не предлагается требованиями к планированию и учету нагрузки педагогических работников. В разделе «Дополнительные виды работ» как разновидность научно-методической работы (которая, кстати, не отнесена к составляющей общей нагрузки преподавателя) указывается лишь участие в работе конкурсных комиссий (жюри) по рассмотрению и оценке научных работ и выступлений преподавателей и обучающихся на научных конкурсах. То есть, организация таких конкурсов, подготовка студентов для участия в них (или в собственном учебном заведении, или в стороннем вузе), само возможное участие вместе со студентом в таких конкурсах никак не учитываются, потому что нормы времени для включения этих видов деятельности в нагрузку не предусмотрены. Как не предусмотрены нормы времени и для целого ряда других видов работ, фактически проводимых преподавателями, развивающих студентов и углубляющих их знания, но из нагрузки преподавателя выпадающих. Например, в вузе, который представляет автор статьи, из года в год организовываются открытые лекции, когда перед студентами выступают или известные ученые, или практические работники с многолетним опытом работы; проводятся встречи студентов выпускных курсов с представителями организаций-работодателей, беседы с независимыми исследователями, занятыми в сфере юриспруденции, а также учебно-научные конференции по конкретным сложным темам отдельных учебных дисциплин, однако отразить фактически затраченное на их подготовку и проведение время не представляется возможным по указанной выше причине.

Таким образом, организацию современного учебного процесса в юридических высших учебных заведениях, как представляется, нельзя признать находящейся на соответствующем при-

званию юриста уровне. Причем страдает качество организации процесса обучения, как на федеральном уровне, так и на уровне конкретных учебных заведений. Правда, инициированная буквально в последнее время руководством страны реформа всего высшего образования оставляет надежду на то, что препятствующие сегодня качественному образованию, в том числе юристов, бюрократические помехи будут устранены и мы сможем вернуться к тем проверенным десятилетиями практики «советским» надежным формам обучения, гарантирующим выпуск грамотных, квалифицированных специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Цит. по: Дашков, Г. В. Рецензия: Н. Я. Соколов. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2014. — 320 с. // Государство и право. — 2014. — № 4. — С. 121.*
2. *Петров А. Прокурорский работник должен быть хорошим оратором // Законность. — 2013. — № 12. — С. 16.*
3. *Ракитина, Л. Н. Квалификационный экзамен на должность судьи: к вопросу о путях его совершенствования // Российская юстиция. — 2009. — № 8. — С. 57–59.*
4. *Багаутдинов, Ф. Н. Требования к кандидатам на должность судьи в современных условиях / Ф. Н. Багаутдинов, М. М. Хайруллин // Российская юстиция. — 2011. — № 1. — С. 37–40.*
5. *Смоленский, М. Б. Реформа юридического образования как фактор обеспечения правовой культуры граждан // Правовая политика Ростовской области в современных социально-экономических условиях: материалы первого Донского юридического форума 28 мая 2014 г. — Азов: АзовПечать, 2014. — С. 127–128.*
6. *Авакьян, С. А. Проблемы развития юридического образования / С. А. Авакьян, Г. Г. Бернацкий, А. А. Лаверовский // Ученые*

записки юридического факультета СПбГУЭФ. — Вып. 8 (18). — Санкт-Петербург, 2007. — С. 166.

7. *URL: http://www.crimpravo.ru/blog/2143.htm1.*
8. *Клепицкий, И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. — 2017. — № 4. — С. 39–48.*
9. *Зеленков, М. Ю. О проблемах социогуманитарной подготовки следователей в вузах Российской Федерации // Российский следователь. — 2017. — № 7. — С. 42–47.*

BRIEF

A LAW SCHOOL TEACHER IS A FADING VALUE IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Ratkov A. N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *The article reveals the reasons visible to the author, existing in the organization of the educational process, which prevent the qualitative transfer of knowledge to students of higher law schools. The discrepancies in the types of planned workload of teachers and the accounting of these planned activities in the actual workload are analyzed. Other inconsistencies of the requirements in the organization of the educational process with the actual state of this process are given.*

Key words: *legal education; educational process; academic load; work curricula; teacher employment.*

О соотношении принципов уголовного процесса, закрепленных в конституции РФ и УПК РФ

Торбин Ю. Г.,
доктор юридических наук, профессор,
ВГУЮ (РПА Минюста России),
заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия

УДК 343.1

Аннотация. *Уголовно-процессуальный закон, представляющий собой систему норм, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность, связанную с возбуждением уголовного дела, раскрытием и расследованием преступления, рассмотрением и разрешением уголовного дела в суде, призван обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений при решении двуединой задачи, закрепленной в ст. 6 УПК РФ в рамках уголовного судопроизводства. Устойчивости, стабильности, неизменности уголовного судопроизводства способствуют его принципы. А поскольку УПК РФ базируется на Конституции РФ, и многие принципы являются содержанием тех или иных ее положений, то анализу соотношения принципов, содержащихся в Конституции РФ и в УПК РФ, и посвящена данная работа.*

Ключевые слова: *Конституция РФ; УПК РФ; принцип; принцип уголовного судопроизводства; соотношение принципов.*

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ), являясь правовым актом высшей юридической силы, обладающим прямым действием, содержит целый ряд системообразующих положений, определяющих характер уголовного судопроизводства, его направленность по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, ставшего участником уголовно-процессуальных правоотношений. Данное утверждение закреплено в ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), и во втором его разделе, в котором сформулированы основополагающие методологические указания, носящие концептуальный характер, обязательные для исполнения всеми участниками уголовного процесса при осуществлении ими уголовно-процессуальной деятельности, именуемыми принципами уголовного судопроизводства, определяющими его характер и предназначение.

Анализ становления, развития, сущности, понятия, содержания, структуры и системы, а также нравственных основ принципов уголовного судопроизводства, их влияния на отправление правосудия в России, а также объективное, законное, обоснованное, доказательственное и справедливое рассмотрение и разрешение каждого уголовного дела стали предметом многочисленных научных исследований ведущих ученых, представителей уголовно-процессуальной науки дореволюционного, советского и современного периода. Указанные проблемы обсуждались на многочисленных научных и научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах. Однако следует отметить, что отдельные авторы еще в 1980 году указывали на бесплодность дискуссий о принципах уголовного судопроизводства, в которых, по их мнению, присутствует много субъективного [1, с. 39]. Вместе с тем дискуссии продолжаются, что свидетельствует о неприемлемости данной позиции со стороны многих исследователей, на что справедливо указывает А. А. Кайгородов [9, с. 134].

Вместе с тем интересно отметить, что, несмотря на внимание, которое теоретиками и практиками уделялось и уделяется исследованию принципов уголовного судопроизводства на столь продолжительном отрезке истории, следует констатировать, что принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в главе второй УПК РФ, в наименьшей степени подвергались трансформации в сравнении с другими нормами действующего уголовно-процессуального закона. К примеру, в такие значимые принципы, как: назначение уголовного судопроизводства [1], осуществление правосудия только судом, независимость судей (введена в УПК РФ в 2013 году), уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность жилища, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому права на защиту, свобода оценки доказательств остаются в неизменном виде с момента вступления в законную силу в июле 2002 года, то есть в течение 21 года действия УПК РФ. Это подтверждает, во-первых, не столько устойчивость, стабильность, неизменность самих принципов уголовного судопроизводства, сколько единство уголовного процесса в целом на всех его стадиях и по всем уголовным делам. Во-вторых, это свидетельство того, что большинство уголовно-процессуальных принципов закреплено в Конституции РФ. В-третьих, нарушение принципов уголовного судопроизводства принято считать нарушением требований уголовно-процессуального закона и вследствие этого причиной для отмены принятых процессуальных решений, как на досудебной стадии, так и в судебном производстве. Следует,

[1] Следует подчеркнуть, что в научных публикациях высказываются мнения ученых о нецелесообразности отнесения ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» к числу принципов, равно как и ст. 6.1. УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства (см., например, Зинченко И. А. Заметки к дискуссии о принципах уголовно-процессуального права и уголовного процесса//Библиотека криминалиста. — 2018. — № 1 (36). — С. 34–44).

однако, признать, что нарушение или несоблюдение любой нормы уголовно-процессуального закона влечет за собой отмену принимаемого процессуального решения.

Различные научные подходы, концепции, точки зрения на указанные выше характеристики принципов уголовного судопроизводства нашли отражение в научных трудах Алексеева С. С., Безрукова С. С., Быкова В. М., Викторского С. И., Демидова И. Ф., Добровольской Т. Н., Зинченко И. А., Кобликова А. С., Лупинской П. А., Мановой Н. С., Михайловской И. Б., Петрухина И. Л., Подольного Н. А., Познышева С. В., Савицкого В. М., Случевского В. К., Томина В. Т., Якупова Р. Х. и многих других авторов.

Поскольку основополагающим фактором в научном исследовании любой проблемы является определение ее понятия, то и наиболее жаркие дискуссии разворачивались именно по поводу содержания принципа уголовного судопроизводства, его сущности и природы. Многие авторы за основу принимали смысловое назначение данного термина, содержащееся в многочисленных толковых словарях, которые единодушно сходятся в том, что сущностным, фундаментальным признаком, характеризующим данный принцип, является исходное, основное, базисное положение, определяющее назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур [14, с. 117]. При этом высказываются различные точки зрения относительно распространения действия принципов уголовного судопроизводства. Одни авторы полагают, что принципы, поименованные в главе второй уголовно-процессуального закона, должны действовать на всех его стадиях [7, с. 177; 15, с. 207]. Другие авторы придерживаются противоположной точки зрения, считая, что принципы действуют лишь на судебных стадиях [6, с. 32; 2, с. 4]. Третьи авторы высказываются о том, что вполне оправдано, когда одни принципы действуют на одних стадиях, другие — на иных стадиях [17, с. 6; 8, с. 53].

В научной литературе отмечается, что познание правовых принципов в теории права осуществляется на основе гипотетико-дедуктивного метода, исходя из имеющегося общего положения в виде правовой идеи, располагающейся как вне, так и внутри уголовно-правовых наук [13, с. 30].

Следует подчеркнуть, что исходя из определения принципа как краеугольной идеи, которая лежит в основе уголовно-процессуального права, нормы которого регламентируют уголовное судопроизводство, можно прийти к выводу, что уголовно-процессуальные принципы либо закреплены в этих нормах, либо выводятся из них. Это подтверждается и позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) в многочисленных их постановлениях и определениях.

Сложность рассмотрения вопроса о происхождении и понятии принципа уголовного судопроизводства обусловлена в первую очередь его отсутствием в понятийно-категориальном аппарате, а именно в ст. 5 УПК РФ, что создает благоприятную среду для непрекращающихся до сих пор научных дискуссий. Такое положение, по мнению ряда авторов, является пробелом как в уголовно-процессуальном законе, так и в правоприменении [12, с. 24].

Анализ высказанных в научной литературе вариантов трактовки принципа уголовного судопроизводства, позволяет констатировать, что ученые, экстраполируя указанный признак на предлагаемое ими понятие, выделяли в нем те особенности, которые, по их мнению, позволяли наиболее точно и полно отразить роль и значение принципа, позволяющие, опять же с их точки зрения, наиболее успешно решать задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством по наиболее эффективной защите прав и свобод человека и гражданина при возбуждении уголовного дела, его раскрытии, расследовании и судебном разбирательстве. Так,

некоторые авторы подчеркивали, что именно принципы призваны определять структуру и последовательность стадий уголовного процесса [16, с. 4].

Однако данное утверждение представляется весьма спорным. Анализ иерархии принципов, закрепленных в статьях 11 (неприкосновенность личности), 12 (неприкосновенность жилища и тайна переписки), 13 (осуществление правосудия только судом), 14 (осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом), 15 (участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел), 16 (независимость судей и подчинение их только закону), 17 (язык, на котором ведется судопроизводство), 18 (гласность судебного разбирательства), 19 (обеспечение обвиняемому права на защиту), 20 (всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела), 21 (выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления), 22 (право обжалования действий и решений суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание) УПК РСФСР 1960 года (именно в период действия УПК РСФСР 1960 года было высказано данное суждение, хотя в сравнении с ныне действующим УПК РФ указанные положения принципами не именовались и не были сгруппированы в отдельную главу), никоим образом не подтверждает приведенный выше тезис [10, с. 19–31].

Отметим, что количество принципов, предусмотренных УПК РСФСР 1960 года и УПК РФ, различно: в первом случае их 12, а во втором — 16. Интересно отметить, что восемь из принципов, содержащихся в УПК РСФСР 1960 года и УПК РФ, полностью или частично совпадают по своей редакции, а равно по своему предназначению, однако значительно отличаются по объему — они более лаконичны, емки и концептуальны. Вместе с тем следует обратить внимание на отсутствие в УПК РСФСР 1960 года таких ключевых принципов, как: законность при производстве по уголовному делу; презумпция невиновности; состязательность

сторон; уважение чести и достоинства личности. Это подчеркивает приоритет ныне действующего уголовно-процессуального закона в обеспечении всемерной защиты прав и свобод человека, основанных на законе принимаемых решений в процессе возбуждения уголовного дела, раскрытия, расследования и судебного разбирательства, а свобода оценки доказательств обеспечивает полноту, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств совершенного преступления.

В ряде научных работ [3; 4; 5] на основе глубокого и последовательного изучения научных подходов, концепций, точек зрения с использованием сопоставительно-правового метода познания раскрываются многие вопросы, посвященные анализу современной доктрины принципов уголовного процесса, их реализации до и после судебного разбирательства, конституционных прав и свобод человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса, что освобождает от необходимости проведения аналогичной работы. Вместе с тем следует согласиться с мнением о том, «что у доктрины принципов российского уголовного процесса на этапе ее современного развития есть еще немало дискуссионных аспектов, которые с завидным постоянством привлекают внимание специалистов… А, следовательно, теоретическая разработка понятия и признаков (критериев, свойств) принципов уголовного процесса, их оптимальной системы должна быть продолжена» [5, с. 22–23].

Актуальное значение в связи с этим приобретает вопрос о соотношении некоторых положений, которые закреплены в Конституции РФ, а затем трансформированы в принципы уголовного судопроизводства. В качестве таковых сопоставим наиболее значимые, с нашей точки зрения, принципы законности, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, презумпции невиновности, состязательности сторон.

Принцип законности. Многие авторы соотносят принцип законности (ст. 7 УПК РФ) со ст. 15 Конституции РФ. Однако, как нам представляется, вряд ли можно согласится безоговорочно с такого рода утверждением. Ибо за основу взяты положения, содержащиеся в ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ о том, что законы и иные правовые акты, принимаемые в России, «не должны противоречить Конституции РФ». Если же мы обращаемся к анализу содержания ст. 7 УПК РФ, то следует признать, что оно скорее отражает правила и механизм применения должностными лицами и органами, наделенными властно-распорядительными полномочиями, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, которые по аналогии не должны противоречить УПК РФ в ходе производства по уголовному делу. Полагаем, что законность — это совокупность идеологизированных правовых предписаний по неукоснительному соблюдению Конституции РФ, УПК РФ и иных нормативных правовых актов всеми участниками уголовно-процессуальных отношений, а не только теми, кто перечислен в ст. 7 УПК РФ. Это как раз будет согласовываться с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ.

Принцип осуществления правосудия только судом. Это один из краеугольных принципов, подчеркивающий ведущую роль суда как ветви государственной власти в обеспечении защиты прав и свобод граждан, в объективном и беспристрастном разрешении конкретного уголовного дела. Сопоставление содержания ст. 8 УПК РФ и ст. 47 и 118 Конституции РФ свидетельствует о максимальном сближении их редакций. Так, ч. 1 ст. 8 УПК РФ воспроизводит редакцию ч. 1 ст. 118 Конституции РФ с уточнением, что данное правосудие касается производства по уголовным делам. Часть 3 ст. 8 УПК РФ указывает на еще одно очень важное положение, закрепленное в ч. 2 ст. 47 Конституции РФ, — право обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В то же время полагаем не вполне обоснованным отсутствие в ст. 8 УПК РФ такого положения, как право обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 47 Конституции РФ). Следует отметить, что данное положение нашло отражение в п. 1, ч. 5 ст. 217 УПК РФ, но по своему фундаментальному значению оно должно выступать как принцип уголовного процесса.

Принцип уважения чести и достоинства личности. Данный принцип базируется на нравственных началах [11, с. 564–593]. Общепризнано, что честь есть достойные уважения и гордости моральные качества и характеристики человека, его соответствующие принципы, хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя, почет. В свою очередь достоинство человека предполагает не только обладание указанными качествами и характеристиками, но и их уважение в самом себе. В ст. 21 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому охрана достоинства личности возлагается на государство. Представляется, что такая формулировка носит слишком общий характер. Необходима конкретизация данного положения с указанием должностных лиц и органов, на которых такая обязанность возлагается государством. К сожалению, в ст. 9 УПК РФ данная конкретика отсутствует. Анализ содержания указанной нормы позволяет прийти к выводу, что такая обязанность должна возлагаться на должностных лиц и органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность в ходе уголовного судопроизводства. Но это требует их перечисления. Так, если в ст. 7 УПК РФ они указаны, правда, почему-то проигнорирован руководитель следственного органа, то в ст. 9 УПК РФ их нет. Положение, закрепленное в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ фактически продублировано в ч. 2 ст. 9 УПК РФ.

Принцип неприкосновенности личности. Данный принцип в определенной степени связан с принципом уважения чести и до-

стоинства личности, но касается прежде всего лишения свободы перемещения и личной неприкосновенности, что закреплено в ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, но не нашло отражения в ст. 10 УПК РФ. Общим является положение, согласно которому заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по решению суда. В то же время до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 Конституции РФ и ч. 1 ст. 10 УПК РФ). Не допускается задержание или заключение под стражу без достаточных на то оснований, которые предусмотрены в ст. 91 и 108 УПК РФ. Следует также обратить внимание на то, что ст. 10 УПК РФ предусматривает ситуации при которых уполномоченные лица (суд, прокурор, следователь, дознаватель) обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного ч. 2 ст. 10 УПК РФ.

Принцип презумпции невиновности. Это один из важнейших принципов уголовного судопроизводства, поскольку ограждает лицо от необоснованного признания его виновным в совершении инкриминируемого ему преступления, ибо право признать обвиняемого виновным возлагается на суд при условии, если вина будет доказана в установленном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Данное утверждение закреплено в фактически одной и той же редакции в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ. Одновременно в ч. 2 ст. 49 Конституции РФ и ч. 2 ст. 14 УПК РФ указывается, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. К тому же ч. 2 ст. 14 УПК РФ уточняет, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту

подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Однако в этом случае возникает вопрос: насколько данная формулировка приемлема по отношению к подозреваемому и существующему типу уголовного процесса, исходя из утверждения, что бремя доказывания возлагается на сторону обвинения. Стороны в уголовном судопроизводстве, выполняющие либо функцию обвинения (сторона обвинения), а более правильно — уголовного преследования, либо защиту от обвинения (сторона защиты) согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ появляются лишь на судебных стадиях уголовного процесса, где они обладают равными правами (ст. 244 УПК РФ). Однако на стадиях судебного производства у нас отсутствует процессуальная фигура подозреваемого, а имеется лишь обвиняемый. При этом, если в отношении обвиняемого назначено судебное разбирательство, то он именуется подсудимым, если в отношении обвиняемого постановлен обвинительный приговор — осужденным, если постановлен оправдательный приговор — то оправданным (ч. 2. ст. 47 УПК РФ). В случае производства расследования в форме дознания, в том числе и по сокращенной форме, обвиняемый появляется соответственно при вынесении обвинительного акта или составления обвинительного постановления (п 2, 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Таким образом, утверждение о том, что бремя доказывания в отношении подозреваемого возлагается на сторону обвинения, несостоятельно.

Принцип состязательности сторон. Следует отметить, что, включив в перечень принципов уголовного судопроизводства состязательность сторон, законодатель, тем не менее, не дал понятия состязательности, равно как и понятия принципа. Что в теории и практике приводит к его различному толкованию в отличии от понятия стороны в уголовном процессе, а также участников каждой из сторон, в зависимости от функции, которую они реализуют (п. 45–47 ст. 5 УПК РФ). Конституция РФ в ч. 3 ст. 123 закрепляет состязательность и равенство сторон в судопроизвод-

стве как одно из главных начал организации судопроизводства. Исходя из данного положения и ч. 1 ст. 15, УПК РФ дублирует его, но с уточнением того факта, что и уголовное судопроизводство базируется на основе состязательности сторон. Сущность данного принципа заключается в разделении функции обвинения и защиты (ч. 2 ст. 15 УПК РФ), выполняемых сторонами, использования равных процессуальных прав для отстаивания своих интересов. К тому же стороны равны перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). При этом именно суд обязан обеспечить равенство сторон путем создания организационных и процессуальных условий для исполнения сторонами предоставленных уголовно-процессуальным законом прав и осуществления процессуальных обязанностей. В ст. 244 УПК РФ закреплено положение, согласно которому стороны обладают одинаковыми правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участия в их исследовании, выступления в судебных прениях, а также рассмотрение тех или иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства. На суд же возлагается функция разрешения уголовного дела по существу (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Исходя из этого суд не участвует в изобличении подсудимого, поскольку он не является органом уголовного преследования, но в то же время и не участвует на стороне защиты. Залогом реализации принципа состязательности является обязательное участие прокурора и защитника в судебном заседании. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что автоматическое включение принципа состязательности в редакции ч. 3 ст. 123 Конституции РФ в главу вторую УПК РФ, где содержатся принципы, пронизывающие все уголовное судопроизводство некорректно, поскольку принцип состязательности характеризует собой тип уголовного процесса как именно состязательный. Однако уголовный процесс России таковым не является, ибо у нас смешанный тип: на досудебном производстве — он розыскной, на стадиях судебного про-

изводства — состязательный. Конституция РФ в ч. 3 ст. 123 говорит о состязательности судопроизводства вообще, а не применительно к тому или иному виду процесса. Следует отметить, что на судебных стадиях производства действуют свои принципы, к которым относятся: непосредственность и устность, гласность, неизменность состава суда, равенство сторон. Именно равенство сторон и предполагает состязательность. Поэтому данный принцип надо включить в «Общие условия судебного разбирательства» (гл. 35 УПК РФ).

Резюмируя изложенное, полагаем возможным согласиться с понятием принципа уголовного судопроизводства как основополагающей идеи, пронизывающей весь уголовный процесс; определяющей его цель и задачи, структуру, содержательное наполнение каждой нормы уголовно-процессуального закона; определяющей права и обязанности участников уголовного процесса в целях обеспечения их прав и свобод. Вместе с тем дальнейшего исследования требуют вопросы, касающиеся содержания каждого принципа, их иерархии применительно к каждой стадии уголовного судопроизводства, их влияния на законность, обоснованность и справедливость решений, принимаемых должностными лицами и органами, отправляющими правосудие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев, Н. С. Очерк развития советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. — 252 с.*
2. *Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. — 2004. — № 1. — С. 4.*
3. *Безруков, С. С. Реализация принципов уголовного судопроизводства до и после судебного разбирательства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — Вып. 3 (13). — 2011. — С. 207–213.*

4. Безруков, С. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 1 (15). — С. 29–38.

5. Безруков, С. С. «Зеркало» современной доктрины о принципах уголовного процесса // Вестник ОГУ. — 2013. — № 3 (152), март. — С. 19–23.

6. Гельдибаев, М. Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Санкт-Петербург, 2001. — 332 с.

7. Гриненко, А. В. Принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для вузов. — Москва: Норма, 2008. — 496 с.

8. Громов, Н. А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. — Москва: Юристъ, 1998. — 552 с.

9. Кайгородов, А. А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — С. 132–135.

10. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. — Москва: Юрид. лит., 1981. — 536 с.

11. Манова, Н. С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н. С. Манова, М. А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — Вып. 45. — С. 564–593.

12. Мельников, В. Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации: монография. — Москва: Юрлитинформ, 2012. — 344 с.

13. Сабитов, Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: диссертация на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2019. — 413 с.

14. Смолькова, И. В. Понятие принципа уголовного судопроизводства / Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2016 г (г. Москва). — Москва: РГУП, 2016. — 492 с.

15. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. — Москва: Юрайт, 2009. — 376 с.
16. Тыричев, И. В. Принципы советского уголовного процесса. — Москва: ВЮЗИ, 1983. — 80 с.
17. Химичева, Г. П. Принципы уголовного процесса. — Москва: ВЮЗШ МВД РФ, 1992. — 42 с.

BRIEF

ON THE CORRELATION BETWEEN THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE ENSHRINED IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Torbin Y. G.,
Doctor of Law Professor,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. *The Criminal Procedure Act, which is a system of rules governing criminal procedural activities related to the initiation of criminal proceedings, the disclosure and investigation of a crime, and the consideration and resolution of criminal proceedings in court, is designed to ensure the protection of the rights and legitimate interests of persons and organizations that have fallen into the sphere of criminal procedural relations in solving the twofold task enshrined in article 6 of the Code of Criminal Procedure in criminal proceedings. Its principles contribute to the stability, stability and immutability of criminal proceedings. And since the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is based on the Constitution of the*

Russian Federation and many principles are the content of one or another of its provisions, this work is devoted to the analysis of the relationship between the principles contained in the Constitution of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: *The Constitution of the Russian Federation; the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; the principle; the principle of criminal proceedings; the ratio of principles.*

СЕКЦИЯ «ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО»

Проблема преемственности и этапности конституционного развития Советского государства

Берлявский Л. Г.,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: berlg@yandex.ru

УДК 342

Аннотация. *Актуальность вопроса об этапах конституционного развития России является важной проблемой науки государственного права. Теоретическая актуальность проблемы выделения этапов конституционного развития России, определения их содержания, тенденций эволюции российской конституционной теории и практики связана с относительной «молодостью» действующей Конституции Российской Федерации, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., и дискуссионностью вопроса о наличии преемственности данного акта с конституционными актами дооктябрьского и советского периодов конституционной истории.*

Ключевые слова: *преемственность; этапы; конституционное развитие; Конституция Российской Федерации; конституционные акты.*

Периодизация конституционного развития России, поиск отправной точки данного процесса является одной из ключевых проблем науки отечественного конституционного права, а также историко-правовой науки, исследований в области истории конституционно-правовой мысли.

Научно-практическая актуальность рассматриваемой проблемы связана с состоявшейся летом 2020 года конституционной реформой, в результате которой существенно трансформировались не только «буква», но и «дух» основного закона. Как на этапе, предшествовавшем всенародному волеизъявлению, так и после принятия конституционной «поправки» содержание внесенных изменений является предметом споров в среде конституционалистов.

Конституция Российской Федерации в обновленном в ходе конституционной реформы 2020 года варианте провозглашает объединение страны «тысячелетней историей» и наличие преемственности в развитии государства, результатом которых является государственное единство (ч. 2 ст. 67.1). Однако история развития российского государства и общества, в том числе конституционного развития в период XX–XXI вв., достаточно отчетливо подразделяется на ряд не просто самостоятельных, но конфликтных периодов. Это связано с рядом революционных сдвигов (Первая русская революция 1905–1907 гг., Великая русская революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг., перестройка 1985–1991 гг.), которые как минимум дважды за неполные полтора столетия радикально трансформировали государство и общество.

Вопросы выделения и атрибутирования этапов конституционного развития России достаточно активно обсуждаются

исследователями. По вопросу о степени изученности проблем эволюции конституционного развития России в литературе можно встретить две взаимоисключающие позиции. Одни исследователи констатируют, что в науке конституционного права данным вопросам уделяется крайне мало внимания, другие отмечают высокую степень востребованности данной проблематики в конституционно-правовых исследованиях.

Исследуемая проблема затрагивалась в трудах российских исследователей: С. А. Авакяна, Л. В. Акопова, А. А. Клишаса, И. А. Кравеца, В. А. Лебедева А. М. Медушевского, Т. Г. Морщаковой, О. Г. Румянцева, С. М. Сырых, В. Е. Чиркина, Ю. А. Шульженко, Т. Я. Хабриевой, С. М. Шахрая, В. А. Шеховцова и ряда других. Следует отметить обширный библиографический справочный аппарат, приведенный С. А. Авакьяном в его учебном пособии по конституционному праву, который включает несколько десятков работ, посвященных истории российского конституционного развития.

Рассматривая вопрос об этапах конституционного развития России в советский период, следует согласиться с мнением государствоведов, которые объединяют советское (СССР) и российское (РСФСР как изначально самостоятельного государства, а с 1924 г. — республики в составе федеративного государства СССР) конституционное развитие в единый процесс.

Совершенно справедливо указывает С. А. Авакьян на недопустимость популярного в науке 1990-х — начала 2000-х гг. размежевания советской и российской конституционной истории. О недопустимости такого подхода, согласно которому конституции СССР игнорируются исследователями, а «СССР как бы и не было», указывают и другие авторы [4, с. 12].

На наш взгляд, точку с этом споре должна поставить конституционная реформа 2020 года, в результате которой Конституция РФ 1993 года была дополнена нормой о преемственности Российской Федерации Союзу ССР (ч. 1 ст. 67.1).

Начало конституционного строительства и конституционного развития советского государства некоторые ученые, как уже было отмечено выше, связывают с принятием Конституции РСФСР 1918 года, другие — что представляется более оправданным — с принятием ряда первых декретов советской власти. В первую очередь это акты конституционного значения, принятые II Всероссийским Съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который проходил в Петрограде 25–27 октября (7–9 ноября) 1917 года: Декреты о мире и земле, Декрет об учреждении Совета народных Комиссаров, Декрет о полноте власти советов, а также ряд последующих актов [4, с. 10].

По мнению С. А. Авакьяна, данные акты можно считать актами конституционного значения, составляющими в первые месяцы советской власти неписаную конституцию Российского государства [1, с. 37].

В числе таковых следует указать декреты правительства (СНК) РСФСР и ВЦИК РСФСР: Постановление СНК РСФСР от 27 октября 1917 г. «О созыве Учредительного собрания в назначенный срок»; Постановление СНК РСФСР от 26 ноября 1917 г., «Об открытии Учредительного собрания»; Декрет ВЦИК от 6 января 1918 г. «О роспуске Учредительного собрания»; «Декларация прав народов России», принятая СНК РСФСР 2 (15) ноября 1917 г.; Декрет СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»; Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»; Декрет СНК РСФСР от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов»; Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. «О Высшем совете народного хозяйства»; Декрет СНК РСФСР от 15 января 1918 г. «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; Декрет СНК РСФСР от 14 февраля 1918 г. «О Социалистическом Рабоче-Крестьянском Красном Флоте».

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов утвердил первую советскую Конституцию РСФСР. Данный конституционный акт «зачеркнул весь предшествующий государственно-правовой опыт прежней России» [6, с. 92]. Т. Я. Хабриева отмечает, что если квазиконституционные акты дооктябрьского периода провозглашали ценность стабильности государственного строя, то эта конституция провозглашала ценность анархии [7, с. 10].

Конституция РСФСР имела все черты переломной эпохи, в рамках которой он был принят; конституция проникнута пафосом государственного строительства принципиально нового мира, отсюда текст ее наполнен не столько правовыми нормами, сколько политической риторикой.

Следующим этапом в эволюции конституционного развития России в советский период стала Конституция РСФСР 1925 года, которая была принята 11 мая 1925 г. XII Всероссийским съездом Советов. Главная причина принятия Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. состояла в образовании 30 декабря 1922 г. Союза ССР из четырех республик — РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Целью Конституции СССР 1924 года было юридическое отражение новой политико-правовой реальности, закрепление природы и структуры нового федеративного государства, а Конституции РСФСР 1925 г.— внести изменения в Конституцию РСФСР 1918 г. в связи с вступление РСФСР в СССР.

Еще одно важное свойство новой конституции РСФСР — ее менее пафосный и декларативный характер, юридизация формулировок, конкретизация положений, в частности полномочий органов государственной власти. К моменту ее принятия «уходили в прошлое революционные эйфория и фразеология, упиравшие на передачу собственности и власти народу, и всё более ощутимой становилась перспектива огосударствления соответствующих общественных отношений» [4, с. 24].

Обычно данный конституционный акт рассматривается как «технический», не представляющий самостоятельной ценности для развития конституционализма, а лишь фиксирующий вхождение РСФСР в состав Союза ССР. По мнению некоторых исследователей, даже текст ее несущественно отличался от Конституции 1918 года [2, с. 82]. Чрезвычайно ценно в этой связи замечание Б. С. Эбзеева, который утверждает, что данный документ можно считать своего рода рубежом конституционного развития России: именно в этот исторический период из способа закрепления правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами личности, они стали законом, закрепляющим строй абсолютного государства с неограниченной властью узкого слоя «вождей», суррогата декларируемой диктатуры пролетариата [8, с. 77].

Следующим этапом конституционного развития России является принятие 21 января 1937 года на XVII Чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов Конституции РСФСР. В общих чертах данный документ по духу и букве соответствует положениям «сталинской» Конституции СССР, принятой годом ранее, что в целом соответствует логике процессов государственного строительства и тенденциям развития политического строя. В российской конституции в сравнении с советской были более детализированы вопросы государственного устройства и местного самоуправления, кроме того, была включена не имеющая аналога в союзном акте глава о бюджете РСФСР. Но, как уже было сказано, в целом эти документы достаточно схожи и идеологически, и технико-юридически.

Конституция (основной закон) СССР 1977 года, которая была принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г., закономерно и традиционно привела к принятию очередной конституции РСФСР. Именно Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года, принятая на VII сес-

сии Верховного Совета РСФСР девятого созыва, ознаменовала начало заключительного, по мнению ряда исследователей, этапа конституционного развития России в советский период.

Данный конституционный акт, по общему мнению, был наиболее разработанным с точки зрения объема и систематизации конституционных норм [2, с. 83]. Общий период существования Конституции РСФСР 1978 г. составил чуть более 15 лет, из которых пять лет пришлось на кардинальный пересмотр ее положений. В рамках проблемы этапности конституционного развития России необходимо подчеркнуть, что в преамбуле данного акта подчеркивалась преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918 г., Конституции РСФСР 1925 г., Конституции РСФСР 1937 г. и соответствие Конституции СССР.

Начавшиеся в 1985 году процессы реформирования государственного и общественного устройства СССР и РСФСР, приведшие в итоге к краху советской системы, повлекли внесение конституционных поправок. Именно с этими масштабными как по объему нормативного материала, так и по характеру вносимых корректив изменений можно связать начало нового этапа конституционного развития России.

Первая из конституционных поправок, принятая 27 октября 1989 г., изменила порядок формирования и функционирования высших законодательных органов РСФСР: Съезд народных депутатов РСФСР становился высшим органом государственной власти, а Верховный Совет РСФСР, избираемый Съездом народных депутатов, осуществлял полномочия органа законодательной власти между сессиями СНД РСФСР.

Последовавшая после 1989 года либерализация политической системы вызвала к жизни целый ряд конституционных поправок. В 1990 году устанавливалась многопартийная система в РСФСР, было исключено положение о КПСС как о руководящей и направляющей силе общества. В числе наиболее существенных попра-

вок данного периода следует назвать инкорпорирование в текст конституции Декларации прав и свобод человека и гражданина (от 22 ноября 1991 г.), введение института Президента РСФСР (12 июня 1991 г.), изменение наименования государства с «РСФСР» на «Российская Федерация — Россия» (25 декабря 1991 г.).

Одной из самых значимых стала поправка от 15 декабря 1990 г., которой в Конституцию была включена преамбула и статья 1 Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой 12 июня 1990 г. Первым Съездом народных депутатов РСФСР. Даже структурно последняя редакция Конституции РСФСР 1978 г. существенно отличалась от первоначального текста: если документ 1978 года включал в себя наряду с преамбулой 11 разделов, объединявших в общей сложности 22 главы и 185 статей, то по состоянию на 10 декабря 1992 года Конституция России состояла уже из 12 разделов (был введен дополнительный раздел VII — «Органы государственной власти и управления края, области, автономного округа и города федерального значения»), 27 глав и 221 статья. По утверждению Ж. И. Овсепян, «частичные изменения и дополнения в Конституцию РСФСР в совокупности оказались столь множественными, настолько размыли первоначальный текст Конституции РСФСР 1978 г., что стало возможным говорить чуть ли не о новой, шестой по счету [конституции] в российской истории» [3, с. 263].

Указанные трансформации Конституции РСФСР 1978 года дают право утверждать наличие в конституционном развитии России советского периода, наряду с этапами, обозначенными конституционными актами 1918, 1925, 1938, 1978 гг., дополнительного этапа 1990–1992 гг. — периода радикальных конституционных трансформаций.

Проблема наличия общих характерных черт и специфики советских конституционных актов является чрезвычайно важной для выделения этапов конституционного развития России.

По данному вопросу существует две основные точки зрения. Ряд исследователей утверждает, что, несмотря на специфику, конституционные акты СССР и РСФСР и идеологически, и технико-юридически представляют собой ряд последовательных, преемственных актов. Периоды существования советских конституций (7, 12, свыше 40 и 15 лет) доказывают относительную стабильность строя [6, с. 94].

Наиболее характерными чертами советских конституций исследователи называют сохранение социалистических ценностей, утверждение советской власти, социальный характер. По вопросу о т. н. «классовом характере» советских конституций высказываются противоположные мнения. Некоторые исследователи указывают на то, что все эти акты в большей степени или в меньшей степени отражали классовый характер советского строя. Наиболее характерна классовая риторика для Конституции РСФСР 1918 года, в которой было зафиксировано, что «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России» (ст. 10), трудящийся — носитель всей полноты конституционных прав, свобод и обязанностей (п. «а» ст. 3). Напротив, оппозиции «трудящиеся/эксплуататоры», «трудящиеся / паразитические слои общества» отражают разнообразные формы поражения в правах для определенных категорий населения: «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7). Напротив, как традиционно принято считать, Конституция СССР 1936 года декларировала «общенародный» характер советского государства.

Указанные конституции демонстрировали классовый характер общества, но в позднесоветские акты продемонстрировали «отказ от наиболее одиозных проявлений пролетарско-классового подхода, выражавшегося в ограничениях прав по классовому принципу, и провозгласили такие ценности, как

народовластие, свободный от эксплуатации труд и проч.» [8, с. 100].

По мнению Т. Я. Хабриевой, общим для всех советских конституций их достижением было то, что для всех их было характерно целеуказание, поскольку оно давало достаточно четкое представление о том, какое общество и какими способами предстоит построить [9, с. 410].

Единым идеологическим посылом для всех советских конституций являлась вера в близкую победу социализма во всех странах и установление коммунизма. Это в первую очередь касается Конституции РСФСР 1918 года, проникнутой пафосом мировой революции и утверждения всемирного братства трудящихся, однако и конституции СССР, и РСФСР позднесоветского периода также содержали аналогичные декларативные положения.

Единство и преемственность конституционного развития советского государства, как это не парадоксально, исследователи связывают с тем, что новации традиционно осуществлялись не путем внесения в конституционные тексты существенных изменений и дополнений, а путем принятия новых конституций как таковых [5, с. 94]. Нельзя не согласиться и с мнением исследователей о том, что общей для всех советских конституций было большое внимание, уделяемое ими упрочению позиций Коммунистической партии, обоснования ее ведущей и ключевой роли в жизнедеятельности государства и общества [2, с. 83]. Еще одним важным элементом, объединяющим советские конституции (в особенности в сравнении с квазиконституционными документами дооктябрьского периода) было то, что все они предоставляли гражданам советского государства широчайший перечень социально-экономических прав, включая право на труд, на социальное обеспечение, на бесплатное образование и медицинскую помощь и проч. Это традиционно ставится в заслугу конституционным актам советских лет.

В связи с этим следует, однако, согласиться с мнением, которое высказывают многие исследователи: отличительной чертой всех советских конституций являлся их фиктивный характер, поскольку они провозглашали принципы, которые фактические не осуществлялись в жизни и для реализации которых не создавался соответствующий механизм. Сложно непротиворечиво сочетать историческую реальность, включавшую, например, голод 1932–1933 гг. на Дону, в Казахстане, на Украине с социальными декларациями советских конституционных актов, или политические репрессии 1930-х — 1950-х гг. с провозглашенным в Конституции СССР 1936 года принципом классового равенства.

Вторая, менее востребованная, маргинальная, но заслуживающая внимания точка зрения, утверждает, что социалистические конституции представляли собой конгломерат разрозненных актов, не объединенных общей идеей. Кроме того, рассматривая проблему Конституции 1918 года в контексте проблемы источников права, исследователи задаются вопросом о возможности признания ее конституционным актом, правовым актом, учитывая тот факт, что ее нормы попирали базовые правовые ценности, в частности лишали конституционных прав некоторые категории населения страны на основе их принадлежности к т. н. «эксплуататорским классам».

Итак, по итогам рассмотрения советского этапа конституционного развития России, можно сделать выводы, во-первых, о том, что с позиций научного понимания данный период можно считать наиболее бесконфликтным. Это обусловлено как традицией понимания единства советского конституционного процесса в науке, так и наглядной преемственность духа и буквы советских конституций, а также наличием в самих текстах конституционных актов указаний на их взаимную преемственность.

В то же время нельзя не согласиться с тем, что эта преемственность во многом имела формальную природу, носила искусственный характер. Действительно, очевидно, что частая смена конституционных актов в советский период (возможно, кроме позднесоветских конституций) была сопряжена не с общественным запросом, но с политической конъюнктурой либо обусловлена достаточно формальными причинами. Поэтому в данном случае можно вести речь не о развитии идеи конституционализма как двигателе конституционного процесса, но исключительно о политической воле руководителей советского государства.

В рамках единого советского этапа конституционного развития страны (октябрь 1917 г. — 1991 г.) происходили вполне преемственные, закономерные, взаимосвязанные трансформации государственного и общественного устройства, обусловленные логикой развития социалистического строя. Сторонники дискретного, прерывистого восприятия конституционного развития страны в советскую эпоху отстаивают идею о наличии в указанные годы не единого процесса конституционного развития, но отдельных самостоятельных его этапов.

В обоснование своих выводов они указывают на специфику отдельных советских конституций (например, ярко выраженный классовый характер Конституции РСФСР 1918 года отсутствует в тексте «сталинской» конституции 1936 года). Еще менее аргументированно звучит тезис о необходимости разделять конституционное развитие России (РСФСР) и СССР, который высказывают отдельные исследователи. За исключением краткого периода до образования СССР, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) была и политически, и идеологически частью союзного государства, практически лишена государственного

суверенитета и возможности проведения самостоятельной политики. Более того, Россия на конституционном уровне декларирует преемственность именно с СССР, но не с одним из его субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — Москва, 2000.*
2. *Кузнецов, И. А. Государственно-правовое развитие Российской Федерации: этапы, проблемы, особенности // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 3 (57).*
3. *Овсепян, Ж. И. Лекции о конституциях России: учебный курс. — Ростов-на-Дону, 2016.*
4. *Памятники российского права: учебно-научное пособие. — [в 35 т.] / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. — Москва: Юрлитинформ, 2013–2017. — Т. 24: Конституции СССР и РСФСР / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, 2016.*
5. *Ромашов, Р. А. Разработка, принятие и изменение конституций в советской и постсоветской истории российского государства: технико-юридические аспекты / Р. А. Ромашов, В. Ю. Панченко // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 1 (140).*
6. *Смоленский, М. Б. Конституционное право Российской Федерации / М. Б. Смоленский, М. В. Мархгейм: учебник. — Ростов-на-Дону, 2007.*
7. *Хабриева, Т. Я. Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного закона России) // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 12.*
8. *Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. — Москва, 2014.*
9. *Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник российской Академии наук. 2020. — Т 90. — № 5.*

BRIEF

THE PROBLEM OF CONTINUITY AND STAGES OF THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE SOVIET STATE

Berlyavsky L. G.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences
Rostov State University of Economics (RINH),
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The relevance of the question of the stages of the constitutional development of Russia is an important problem of the science of state law. The theoretical relevance of the problem of identifying the stages of the constitutional development of Russia, determining their content, trends in the evolution of Russian constitutional theory and practice is associated with the relative "youth" of the current Constitution of the Russian Federation, adopted at a national referendum on December 12, 1993, and the debatable issue of the continuity of this act with the constitutional acts of the pre-October and Soviet periods of constitutional history.*

Key words: *continuity; stages; constitutional development; Constitution of the Russian Federation; constitutional acts.*

Толкование уголовно-процессуального закона как способ преодоления пробелов в уголовном судопроизводстве

Галимов Э. Э.,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Россия, e-mail: erikkgalimov@mail.ru

Боков В. В.,
Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов
МВД России, г. Уфа, Россия, e-mail: bob-vvb@yandex.ru

УДК 342

Аннотация. *В статье рассматривается проблема толкования уголовно-процессуальных норм правоприменителями в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ научных исследований ряда авторов, а также изучена судебная практика по указанной проблеме. Авторами делается вывод о том, что в отдельных случаях при толковании уголовно-процессуальных норм необходимо отступать от правила буквального следования нормативному предписанию, так как нельзя ограничиваться только формальной определенностью предписания, а следует учитывать принципы права, системный характер норм и здравый смысл.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальные нормы; ошибки в рамках правоприменения; участники уголовного судо-*

производства; толкование уголовно-процессуальных норм; Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; обращения граждан.

В рамках правоприменительной деятельности важность эффективности применения отдельных уголовно-процессуальных норм непосредственным образом связана с правильным пониманием их смысла. К сожалению, на сегодняшний день в рамках правоприменения уголовно-процессуальных норм встречается достаточное количество случаев, когда одинаковая уголовно-процессуальная норма применяется и трактуется поразному. Таким образом, в случае если правоприменитель неправильно трактует ту или иную уголовно-процессуальную норму, следует негативное последствие в виде ошибки в рамках правоприменения. В свою очередь ошибка может отражаться на реализации конкретных прав участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, толкование, как один из способов преодоления пробела в уголовно-процессуальном праве, является деятельностью субъектов права, целью которой является минимизация имеющихся неясностей в рамках конкретных норм уголовно-процессуального законодательства.

Так, А. В. Анисимова ассоциирует толкование уголовно-процессуальных норм с деятельностью, которая призвана обеспечить эффективную реализацию конкретных норм уголовно-процессуального права. Толкование призвано обеспечить единое понимание уголовно-процессуальных норм со стороны правоприменителя, что позволит исключить ошибки правоприменения, а также достигнуть целей уголовного судопроизводства. Кроме того, указанный автор отмечает, что толкование имеет важное значение для уголовно-процессуального права и потому, что рассматриваемая деятельность не прекращается, в отличие от правоприменения [1, с. 103].

В научной литературе существует также понятие коррекционного толкования уголовно-процессуальной нормы. Так, Е. Н. Петухов отмечает, что коррекционное толкование призвано обеспечить исключение из текста УПК РФ мелких недочетов, ошибок [4, с. 137]. По нашему мнению, указанный Е. Н. Петуховым способ может иметь существенное значение для приведения в соответствие всего текста УПК РФ.

Н. О. Овчинникова в своей монографии отмечает, что толкование уголовно-процессуальных норм представляет собой деятельность, связанную с уяснением и разъяснением реального содержания норм, реализация которых необходима в рамках конкретных условий их действия. Как отмечается автором, речь должна идти о «надлежащих» уяснении и разъяснении смысла конкретной нормы, что связано с конкретизацией ее содержания в рамках процесса ее реализации [3, с. 139]. Таким образом, целью толкования как способа преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве является достижение единообразного применения уголовно-процессуальных норм различными органами и их должностными лицами в рамках уголовного судопроизводства.

Отметим, что процесс толкования норм характерен для всех отраслей права. Вместе с тем в рамках уголовно-процессуального права толкование имеет некоторые особенности. Основной такой особенностью является то, что уголовно-процессуальное право находится в тесной взаимосвязи со смежными отраслями права, среди которых основное место занимает уголовное право. Таким образом, в рамках толкования отдельных норм уголовно-процессуального права возникает необходимость обращаться к положениям уголовного законодательства, без чего невозможно уяснение конкретной нормы уголовно-процессуального права. В связи с этим в рамках правоприменения возникают ошибки. В судебной практике имеется достаточное количе-

ство судебных решений, которые отменяются вышестоящими судами ввиду неправильной трактовки отдельных положений УПК РФ и УК РФ. Так, Ленинский районный суд г. Оренбурга рассмотрел в апелляционном порядке представление государственного обвинителя на приговор в отношении К. Из приговора усматривается, что К. было назначено наказание в виде штрафа в размере 17 000 рублей за совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Государственный обвинитель приговор считает несправедливым вследствие чрезмерной мягкости назначенного подсудимой К. наказания, которое не способствует решению задач уголовного судопроизводства. Более того, суд признал в отношении К. в качестве обстоятельства, которое отягчает наказание, рецидив преступлений, однако в описательно-мотивировочной части приговора не указан вид рецидива преступлений, а также мотивы принятого решения. Вышестоящий суд определил, что согласно части 2 статьи 68 УК РФ, п. 47 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», при рецидиве преступлений лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрены альтернативные виды наказаний, назначается наиболее строгий вид наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Вышестоящий суд отменил указанный приговор и направил дело на новое судебное разбирательство [5].

В правовой литературе приводятся отдельные причины необходимости существования толкования норм. Так, среди таких причин выделяют оказание помощи правоприменителям в интерпретации смысла конкретных норм, а также их значения и логической связи, разъяснение понятий и терминов, которые используются в элементах составных частей той или иной нормы [6, с. 257].

По нашему мнению, толкование находится на втором месте по важности после нормотворчества в ряду способов устранения и преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве. Отметим также, что толкование непосредственным образом связано с нормотворчеством, так как в случае преодоления конкретного пробела уголовно-процессуального законодательства в рамках толкования, это должно быть учтено в процессе нормотворчества путем внесения соответствующих изменений, которые исключат возможность неправильной трактовки или неполноту конкретной уголовно-процессуальной нормы.

Среди основных субъектов, которые осуществляют толкование уголовно-процессуальных норм, необходимо выделить Конституционный Суд РФ, а также Верховный Суд РФ. Конституционный Суд РФ, в рамках рассмотрения обращений граждан, а также запросов судов общей юрисдикции проверяет соответствие Конституции РФ отдельных норм УПК РФ. Кроме выводов о соответствии, Конституционный Суд РФ вправе произвести расширенное толкование конкретной уголовно-процессуальной нормы, что может повлечь дальнейшие ее изменения со стороны законодателя, даже в том случае, если рассматриваемая уголовно-процессуальная норма не признана несоответствующей конституционным положениям [7, с. 41].

Толкования в рамках разъяснений Конституционного Суда РФ являются обязательными не только для правоприменителей, но и для законодателя в случаях, когда Конституционный Суд прямо на это указывает в своих решениях. На толковательные же разъяснения, данные Верховным Судом РФ, обязан реагировать только правоприменитель. Но и постановления Пленума Верховного Суда РФ играют важную роль в преодолении пробелов в уголовно-процессуальном законе. Задачей Верховного Суда РФ в соответствии с положениями ст. 126 Конституции РФ и ст. 2, 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде

Российской Федерации» служит формирование единообразной судебной практики в судебной системе Российской Федерации. Разъяснения, даваемые Верховным Судом РФ, являются средством преодоления пробелов в правовом регулировании, противоречий и коллизий, существующих в действующем законодательстве, выступают важнейшим средством обеспечения единства судебной практики и обязательны для судов [3, с. 140].

Необходимо отметить, что неопределенность уголовно-процессуальной нормы может вызвать различные злоупотребления и неправомерные действия со стороны должностных лиц, которые осуществляют предварительное расследование. Необходимо отметить, что анализ практики применения уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что в основном злоупотребительная деятельность участников уголовного процесса осуществляется в форме действий. Однако существуют примеры, когда участник уголовного судопроизводства не предпринимает никаких действий для реализации своего субъективного права, чем привносит в рассматриваемые общественные отношения определенные негативные последствия. Так, в качестве примера, отметим, что в рамках расследования одного из уголовных дел, которое находилось в производстве ОП № 9 УМВД России по г. Уфе, дознаватель А. оставил без внимания ходатайство подозреваемого о необходимости проведения повторного допроса свидетеля Ф. В данном случае речь идет о бездействии, так как в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством дознаватель должен был удовлетворить ходатайство либо вынести мотивированный отказ в его удовлетворении. В данном случае неправильная трактовка уголовно-правовой нормы привела к нарушению законодательства со стороны дознавателя [2].

Таким образом, судебной практикой устанавливаются новые концептуальные подходы к пониманию толкования как способа

преодоления пробелов. Разъяснения высших судебных инстанций по вопросам толкования уголовно-процессуальных положений не должны ограничиваться дословным текстом самой нормы. Норма должна быть интерпретирована таким образом, чтобы избежать противоречий с другими уголовно-процессуальными нормами.

Толкование — обязательный элемент не только правоприменительной, но и законотворческой деятельности, направленный на уяснение сущности законодательных предписаний и их правильную реализацию. При толковании неприемлемы придание иного смысла или потеря правильного смысла уголовно-процессуального предписания. Как правило, толкование позволяет преодолеть, но не устранить пробелы уголовно-процессуального закона. Недопустимо стирание грани между толкованием и законотворческим процессом.

Значимость толкования уголовно-процессуального закона связана с тем, что смысл уголовно-процессуальных норм не всегда понятен при их первом прочтении. Его уяснение происходит путем анализа и сравнения, сопоставления данных норм с другими действующими нормами, применения других методов и приемов толкования.

В ряде случаев уголовно-процессуальные нормы требуют распространительного или ограничительного толкования. Поэтому в отдельных ситуациях необходимо отступать от правила буквального следования нормативному предписанию, так как нельзя ограничиваться только формальной определенностью предписания, а следует учитывать принципы права, системный характер норм, здравый смысл.

Толкование уголовно-процессуальных норм как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве характеризуется тем, что до момента официального истолкования Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ объективных критериев правильности толкования указанных норм не существует.

В заключение следует отметить, что толкование является основным способом преодоления пробелов в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. Указанный способ характеризуется тем, что с помощью толкования, которое осуществляется Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ, устраняется возможность двоякого применения конкретной уголовно-процессуальной нормы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Анисимова, А. В. Понятие, виды и значение толкования норм уголовно-процессуального права // Наука и научный потенциал — основа устойчивого инновационного развития общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — Москва, 2019. — С. 102–105.*
2. *Материалы уголовного дела № 231435***, расследуемого в ОД ОП № 9 Управления МВД России по г. Уфе.*
3. *Овчинникова, Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России: монография. — Москва, 2018. — 165 с.*
4. *Петухов, Е. Н. Технико-коррекционное толкование отдельных норм уголовно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2017. — № 15–1. — С. 137–139.*
5. *Постановление Ленинского районного суда г. Оренбург от 22 мая 2019 г. по делу № 10–23/2019 в отношении К. — URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 25.01.2020).*
6. *Стрекалов, А. Е. Уголовно-процессуальная норма как объект официального толкования / А. Е. Стрекалов, А. Г. Цветков // Проблемы права: теория и практика. — 2019. — № 46. — С. 255–265.*
7. *Фролова, Е. Д. Решения конституционного суда Российской Федерации в сфере регулирования уголовного судопроизводства / Е. Д. Фролова, И. В. Васильев, И. И. Кузнецов // Черные дыры в российском законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 39–42.*

BRIEF

INTERPRETATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A WAY TO OVERCOME GAPS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Galimov E. E.,
Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Bokov V. V.,
Ufa Training School specialist dog handlers of theMinistry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Abstract. *The article focuses on the problem of interpretation of criminal procedural norms by law enforcement officers in criminal proceedings. The analysis of scientific research by other authors, judicial practice on the affected problem is carried out. The authors conclude that in some cases, when interpreting criminal procedural norms, it is necessary to deviate from the rule of literal adherence to a normative prescription, since one cannot limit oneself only to the formal definiteness of the prescription, but should take into account the principles of law, the systemic nature of norms, common sense.*

Key words: *criminal procedural norms; errors in the framework of law enforcement; participants in criminal proceedings; interpretation of criminal procedural norms; the Constitutional Court of the Russian Federation; the Supreme Court of the Russian Federation; citizens' appeal.*

Об обязательности участия прокурора при рассмотрении уголовных дел в общих судах Российской империи

Горбачев В. П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Донецкая областная коллегия адвокатов, г. Донецк, Россия,
e-mail: gorvp58@mail.ru

УДК 343.163 «18/19»

Аннотация. *В результате судебной реформы 1864 года в Российской империи поддержание обвинения в суде стало новой функцией прокуратуры. В связи с этим в данной статье проанализирован вопрос об обязательности участия прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел.*

Ключевые слова: *судебная реформа 1864 г.; общие суды; прокурор; обвинение; судебное рассмотрение уголовных дел.*

В истории Российской империи одной из самых кардинальных реформ была судебная реформа 1864 года, которая коренным образом изменила судебную систему, прокуратуру и уголовное судопроизводство.

Авторы судебной реформы решили ввести в уголовный процесс новый принцип состязательности сторон, при котором обязанность доказывания вины подсудимого возлагалась на обвинителя. Для этого необходимо было создать отсутствовавший ранее институт государственных обвинителей, который составители судебных уставов заимствовали из европейского судопроизводства. Поэтому возник вопрос, на кого возложить обязанности

обвинения в суде [5, с. 122]. Несмотря на высказанные сомнения в возможности возложения этих обязанностей на существовавших тогда губернских прокуроров и стряпчих, в результате реформы государственное обвинение всё же было возложено на прокуратуру, и как следствие этого, был изменен сам характер участия прокурора в суде. По замечанию А. Ф. Кони, вместо прежнего молчаливого «блюстителя закона» появился прокурор-обвинитель [5, с. 300]. А Н. В. Муравьев отмечал, что, оставаясь «стражем закона», прокурор из слабого «истца о делах безгласных» превратился в сильного государственного обвинителя [9, с. 438]. Поддержание обвинения в суде стало новой функций прокуратуры (неточным является утверждение Р. В. Савуляка о том, что «функция поддержания государственного обвинения сводилась к тому, что прокурор при передаче ему дела лично составлял обвинительное заключение, после чего направлял дело в суд» [12, с. 190, 192]. Указанные действия составляли стадию предания суду. А поддержание обвинения осуществлялось уже в суде).

После проведения реформы поддержание прокуратурой обвинения в общих судах стало обязательным, кроме дел частного обвинения, которые могли прекращаться в связи с примирением сторон и по которым обвинение перед судом возлагалось исключительно на частных обвинителей (в связи с этим требуют уточнения утверждения некоторых исследователей о том, что в общих судах прокуратура поддерживала обвинение по всем уголовным делам [6, с. 156; 7, с. 59; 15, с. 86] и что прокурор участвовал в заседаниях суда по своему усмотрению [4, с. 19]). Участие прокуратуры в судебном рассмотрении дел частного обвинения Сенат признавал нарушением и отменял состоявшиеся приговоры [1, с. 237].

Однако в военном и морском ведомствах, в военно-окружных и военно-морских судах прокуратура поддерживала обвинение по всем уголовным делам, в том числе и по делам частного об-

винения, по которым дополнительно могли принимать участие и частные обвинители. Исключение было предусмотрено только по делам о крушениях или повреждениях судов. Все дела этой категории управляющим морским министерством направлялись в суд независимо от установления состава преступления. По таким делам военно-морские прокуроры обвинительные акты не составляли и в суде государственное обвинение не поддерживали. Участие в судебном следствии и прениях сторон вместо прокурора принимал один из временных членов военно-морского суда или специально назначенный для этого флотский офицер; он же при наличии оснований поддерживал обвинение. А участие военно-морского прокурора в суде ограничивалось только наблюдением за исполнением форм и обрядов судопроизводства и за правильным применением закона [11, с. 702–704]. После завершения прений сторон прокурор давал заключение о применении закона к делу. Кроме того, за прокурором сохранялось право кассационного протеста.

Присутствие государственного обвинителя было одним из условий для открытия судебного заседания. Если он не прибыл к назначенному сроку, то председательствующий не имел право открыть судебное заседание, а должен был или отложить его или о неявке обвинителя сообщить прокурору суда для его замены другим работником прокуратуры [13, с. 159–160].

Рассмотрение дела без участия прокурора было существенным нарушением закона. В таких случаях состоявшиеся приговоры Сенат отменял [1, с. 237]. Если прокурор по каким-либо причинам уходил из судебного заседания, однако заменял себя другим работником прокуратуры, то заседание не прерывалось. Если же замены не было, то заседание не могло продолжаться (неточным является утверждение Ю. А. Калинкина о том, что «отлучка прокурора не прерывала судебного заседания, так как он мог попросить принять участие вместо

него в заседании суда другого прокурорского работника, либо своего товарища» [3, с. 101]). Это положение в одном случае было использовано как средство противодействия незаконному, с точки зрения чиновника прокуратуры, решению суда. 6 ноября 1909 г. в С.-Петербургском окружном суде по одному из дел подсудимый избрал себе защитником женщину, окончившую юридический факультет. Против этого возразил товарищ прокурора Г. П. Ненарокомов, так как ранее таких примеров в судебной практике не было. Однако суд допустил женщину к защите подсудимого. Тогда товарищ прокурора, назвав определение суда явно незаконным, отказался участвовать в судебном заседании и демонстративно удалился из зала суда, сорвав таким образом рассмотрение дела. Это было беспрецедентное событие, и в прессе оно было иронично названо как «первый урок законности со стороны прокуратуры» в данном вопросе» [8, стлб. 1532].

Обвинителями в суде обычно выступали товарищи прокуроров окружных судов и помощники военных и военно-морских прокуроров. А прокуроры поддерживали обвинение по наиболее важным делам. Инструкции прокуроров судебных палат ориентировали на то, чтобы поддержание обвинения в суде прокуроры (необоснованным является утверждение Ю. А. Калинкина о том, что прокурор для участия в судебном процессе в качестве обвинителя назначался в распорядительном заседании окружного суда по предложению его председателя из числа штатного прокурора окружного суда либо его товарищей по уездам [3, с. 129, 145]) возлагали преимущественно на тех товарищей прокурора, которые осуществляли наблюдение за предварительным следствием и составляли обвинительные акты. А министр юстиции рекомендовал, чтобы поддержание обвинения в суде, по возможности, возлагалось на того, кто по данному делу составил обвинительный акт [10, с. 15]. Однако на практи-

ке нередко обвинительные акты составляли одни, а обвинение в суде поддерживали другие работники прокуратуры [14, с. 230–231]. В военно-окружных судах обвинение поддерживали те помощники прокурора, которые дали заключение по делу. Если же предание суду было осуществлено без производства предварительного следствия, то обвинение поддерживал тот помощник, который подписал обвинительный акт [2, с. 53].

Таким образом, в гражданском ведомстве участие чинов прокуратуры в рассмотрении уголовных дел в общих судах было обязательным, кроме дел частного обвинения, а в военном и морском ведомствах их участие в военных и военно-морских судах было обязательным по всем уголовным делам без исключения. Рассмотрение судом дел без участия чинов прокуратуры, а также их участие в рассмотрении общими судами дел частного обвинения являлось нарушением закона и влекло отмену состоявшихся приговоров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Алфавитный сборник тезисов Уголовного кассационного и Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената 1874–1886 / сост. А. А. Орлов. — Самара: тип. И. И. Новикова, 1888. 450 с.*
2. *Инструкция военно-прокурорскому надзору военно-окружных судов (утв. приказом Военного министра от 19 октября 1890 г. № 258) // Военный сборник. — 1891. — № 1. — Отд. 2. — С. 49–69.*
3. *Калинкин, Ю. А. Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи. — Москва: Юрлитинформ, 2009. — 208 с.*
4. *Клочков, В. Г. Історія прокуратури України: монографія. 3-тє вид., перероб. і доп. — Київ: НТВ «Правник», 2004. — 246 с.*
5. *Кони, А. Ф. Собрание сочинений. — [в 8 т.]. — Т. 4. — Москва: Юрид. лит., 1967. — 544 с.*

6. *Левчук, Ю. М. Київська судова палата в державному механізмі Російської імперії (1880–1917): історико-правове дослідження: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Луцьк, 2017. — 215 с.*
7. *Логачева, Н. В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. История и политология. — 2010. — Вып. 5 (85). — С. 57–62.*
8. *Люблинский, П. И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. — 1915. — № 21. — Стлб. 1532.*
9. *Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. — Москва: Университетская тип., 1889. — 562 с.*
10. *Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. — Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1896. — 118 с.*
11. *Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 / сост. под руководством К. А. Манна. — Ч. 2. — Санкт-Петербург: тип. Морского министерства, 1880. — XI. — 995 с.*
12. *Савуляк, Р. В. Реорганізація органів прокуратури за судовою реформою 1864 року в Україні: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Львів, 2010. — 237 с.*
13. *Сборник циркуляров и инструкций министерства юстиции. С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. — Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1878. — 1018 с.*
14. *Случевский, В. Об ограничении прав защиты по вызову свидетелей // Журнал министерства юстиции. — 1916. — № 1. — С. 205–232.*
15. *Халиулин, А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 3 (82). — С. 85–95.*

BRIEF

ON THE MANDATORY PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN THE COMMON COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Gorbachev V. P.,
Candidate of Legal Sciences, Docent, Donetsk Regional Bar Association, Donetsk, DPR, Russia

Abstract. *As a result of the judicial reform of 1864 in the Russian Empire, maintaining the prosecution in court became a new function of the Prosecutor's Office. In this regard, the question of the mandatory participation of the prosecutor in the judicial review of criminal cases is analyzed.*

Key words: *judicial reform of 1864; common courts; prosecutor; prosecution; judicial review of criminal cases.*

К вопросу об обеспечении прав участников уголовного процесса при назначении и производстве судебной экспертизы

Задаянная О. И.,
старший преподаватель,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи. Россия, e-mail: alpiyskaya61@mail.ru

УДК 343.148

Аннотация. *Автором в работе анализируются актуальные вопросы, возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз на стадии предварительного расследования, а также изложены предложения, направленные на устранение выявленных проблем.*

Ключевые слова: *права человека; участники уголовного судопроизводства; судебная экспертиза; назначение судебной экспертизы; производство судебной экспертизы; заключение эксперта.*

Судебная экспертиза — это средство доказывания, позволяющее получить сведения о фактах, имеющих значение для дела ввиду того, что при проведении исследований применяются современные достижения науки и техники, основанные на средствах и методах, «проверенных» в различных областях человеческого знания. Эти достижения применяются для познания обстоятельств, подлежащих доказыванию, с учетом криминалистических и процессуальных позиций [1].

Во введенном в действие в 2002 году УПК РФ не предусматривалось использование заключения и показания эксперта как источников доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

Возможность назначения и проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела у следствия появилась в 2013 г. после принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Внесены изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которыми лицо, осуществляющее предварительное расследование, в целях проверки сообщения о преступлении вправе назначить судебную экспертизу и принять участие в её производстве.

В настоящее время законодатель разрешил вопрос о возможности проведения экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

В этом были заинтересованы как органы следствия, так и другие участники, вовлекаемые в сферу уголовного судопроизводства в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Однако остались неурегулированными иные вопросы при назначении и производстве судебной экспертизы, которые связаны с обеспечением прав и законных интересов указанных лиц.

При внесении изменений в ч. 1 ст. 144 УПК и ч. 4 ст. 195 УПК РФ законодатель упустил из виду то обстоятельство, что на этапе проверки сообщения о преступлении далеко не всегда установлен подозреваемый, и может не быть обвиняемого. Соответственно, УПК РФ не учитывает в этой части права лиц, находящихся в соответствующем статусе, установленные ст. 198 УПК РФ (Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы).

Это касается права на проведение дополнительных и повторных экспертиз после возбуждения уголовного дела, когда эксперт использовал методики, предусматривающие уничтожение объектов, представленных на исследование.

Также не урегулированы вопросы обеспечения прав потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы.

Таким образом, тема правового разрешения вопроса обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы является актуальной на сегодняшний день.

В соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза в отношении потерпевшего за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 ст. 196 настоящего Кодекса, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Данное требование не отвечает публичному характеру назначения уголовного судопроизводства, поскольку препятствует расследованию тяжких и особо тяжких преступлений.

Например, нельзя провести экспертизу против воли потерпевшей и её родителей по делу об изнасиловании несовершеннолетней.

Фактически личные интересы, связанные с нежеланием придавать огласку случившемуся, противоречат интересам общества и государства по установлению события преступления и изобличению лица, его совершившего.

Особое значение имеет обеспечение прав подозреваемого в ходе назначения судебной экспертизы, обусловленное необходимостью ознакомления защитника и его подзащитного с постановлением следователя, разъяснения прав, установленных ч. 1 ст. 198 УПК РФ, составления протокола, подписываемого следователем и лицами, участвующими в этом процессуальном действии.

Частые нарушения прав подозреваемого и обвиняемого в период назначения и производства экспертизы связаны с получением информации о проведенной экспертизе, когда следователь знакомит их с постановлением о назначении экспертизы и разъясняет права уже после получения заключения эксперта.

В связи с отсутствием в законе требования об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы до начала её проведения, формально такие действия могут не считаться нарушением.

Однако такая позиция следователя на стадии предварительного расследования нарушает права обвиняемого и его защитника на этапе назначения экспертизы и противоречит ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Мы согласны с мнением ученых-процессуалистов и практических работников, указывающих на необходимость ознакомления подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы до начала её проведения [2].

Если с постановлением о назначении судебной экспертизы следователь знакомит уже после её производства, защитник может отразить этот факт в протоколе об ознакомлении, указав, какие действия следует осуществить для устранения допущенных нарушений (например, поставить дополнительные вопросы).

Изложенное относится и к реализации такого права подозреваемого и обвиняемого, как присутствие при производстве экспертизы и дача объяснений эксперту. Возможность присутствовать при проведении следственного действия появляется лишь тогда, когда лицо своевременно уведомлено о месте и времени его проведения.

Инициатива назначения экспертизы может исходить от заинтересованных лиц с целью получения заключения, которое послужит следователю поводом для назначения судебной экспертизы, либо в качестве альтернативного заключения эксперта составит конкуренцию заключению судебного эксперта. Такие экспертизы на практике, в ряде научных публикаций, законах и подзаконных актах называют «независимыми». Но, совершенно очевидно, что если существуют экспертизы «независимые», то по логике, другие экспертизы будут являться «зависимыми», а это противоречит как уголовно-процессуальному законодательству, так и ст. 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В целях обеспечения достоверности и объективности результатов судебно-экспертных исследований законодателем закреплен принцип независимости эксперта, сочетающийся с принципом состязательности, заключающимся в дифференциации уголовно-процессуальных функций. Однако, как считает ряд процессуалистов, деятельность сотрудников территориальных экспертно-криминалистических подразделений МВД и Следственного комитета не может в полной мере считаться независимой, так как они находятся в служебной зависимости от руководителей данных подразделений [4, с. 16].

Поэтому вполне обоснованно выглядит предложение об употреблении термина «альтернативная экспертиза» вместо «независимая экспертиза» [3]. Введение термина «альтернативная экспертиза» исключит противопоставление негосударственной экспертизы (под которой чаще всего и подразумевают «независимую экспертизу») — государственной. Альтернатива — это «необходимость выбора одного из двух (или нескольких) возможных решений», что наиболее точно отражает суть данной экспертизы — ведь заинтересованный участник процесса может выбрать и государственное, и негосударственное

экспертное учреждение для производства экспертизы или обратиться к частному эксперту в качестве альтернативы судебному эксперту, назначенному органом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Полагаем, что в перечень прав участников процесса при назначении экспертизы, предусмотренный ст. 198 УПК РФ, необходимо ввести новеллу о возможности ходатайствовать о производстве альтернативной экспертизы с приглашением своего эксперта.

Важным аспектом обеспечения прав участников уголовного судопроизводства является процедура своевременного ознакомления с заключением эксперта.

Ввиду того, что в ч. 1 ст. 206 (Предъявление заключения эксперта) отсутствует требование о сроках ознакомления потерпевшего, его представителя, подозреваемого, обвиняемого, его защитника с результатами экспертизы, на практике эта процедура может быть осуществлена по окончании предварительного следствия. В связи с этим представляется целесообразным, дополнить данную статью указанием на необходимость ознакомления всех заинтересованных лиц с заключением эксперта в срок не позднее трех суток с момента получения его следователем.

Существующая практика ознакомления с заключением эксперта не соответствует назначению уголовного судопроизводства в части обеспечения прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и поэтому суду, прокурору, следователю надлежит обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться, а защитнику — осуществлять свои профессиональные обязанности по защите.

Также следует обратить внимание на умаление прав участников со стороны защиты, обусловленное производством судебной экспертизы без участия подозреваемого, обвиняемого и защитника, которые вправе присутствовать при проведении су-

дебной экспертизы и давать объяснения эксперту с разрешения следователя (п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Соблюдение этого права вызвано необходимостью повышения качества производства судебной экспертизы.

Обеспечение прав участников уголовного процесса связано с соблюдением разумного срока назначения и проведения экспертизы. Затягивание сроков обусловлено несвоевременным назначением экспертиз и выбором экспертных учреждений, чрезмерной продолжительностью проведения экспертиз, отсутствием контроля за сроком их производства и несвоевременным представлением образцов для сравнительного исследования.

Государственные органы и должностные лица, обладающие полномочиями в сфере уголовного судопроизводства, обязаны осуществлять контроль за принятием разумных мер в связи с назначением и обеспечением проведения судебных экспертиз, так как несоблюдение установленного порядка ведет к нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, соблюдение прав участников уголовного процесса на этапе подготовки и проведения судебной экспертизы на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства может быть обеспечено лишь при полной информированности заинтересованных лиц, их своевременном ознакомлении со всеми процессуальными документами, касающимися назначения экспертизы и результатов исследования.

Полагаем, что предложенные дополнения позволят ликвидировать противоречия в законодательной регламентации, возникающие из-за нормативной неопределенности, заполнят пробелы в праве и будут способствовать эффективному использованию экспертных заключений в качестве доказательств по проводимым проверкам на различных стадиях уголовного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Белоковыльский, М. С. Участие адвоката в проверке и оценке допустимости заключения эксперта в уголовном процессе: анализ соблюдения требований закона на этапах производства судебной экспертизы и оформления заключения эксперта / М. С. Белоковыльский // Адвокат. — 2010. — № 9. — С. 18–23.*
2. *Иванов, А. В. Основные нарушения прав человека при назначении и производстве судебных экспертиз на досудебной стадии / А. В. Иванов // Адвокат. — 2015. — № 10. — С. 35–46.*
3. *Зайцева, Е. А. К слову о несудебной экспертизе / Е. А. Зайцева, В. И. Внуков // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2009. — № 1 (8). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-slovu-o-nesudebnoy-ekspertize (дата обращения: 09.04.2023).*
4. *Калиновский, К. Б. К вопросу о независимости судебного эксперта / К. Б. Калиновский, В. В. Конин // Эксперт-криминалист. — 2020. — № 1. — С. 15–18.*

BRIEF

INTERPRETATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A WAY TO OVERCOME GAPS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zadayannaya O. I.,
Senior Lecturer
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *The author analyzes topical issues of arising during the appointment and production of forensic examinations at the stage of prelimi-*

nary investigation, as well as proposals were made aimed at eliminating the identified problems.

Key words: *human rights; participants in criminal proceedings; forensic examination; appointment of a forensic examination; forensic examination; expert opinion.*

Проблемы реализации права человека и гражданина на судебную защиту

Зауторова Э. В.,
доктор педагогических наук, профессор,
ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Россия;
НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия,
e-mail: elvira-song@mail.ru

УДК 342

Аннотация. *В современной России в настоящее время возникает немало проблем, которые связаны с нарушениями конституционных прав и свобод человека и гражданина. Особенно это касается судебной защиты, что формирует негативное отношение к деятельности судов. В связи с этим тема реализации права человека на судебную защиту сегодня нуждается в дальнейшем обсуждении и рассмотрении, исследовании и обосновании с различных позиций.*

Ключевые слова: *Конституция России; правосудие; права и свободы граждан; право на судебную защиту; проблемы реализации права.*

Как известно, согласно основному закону страны, в Российской Федерации не могут появляться и утверждаться законодательные акты, способствующие умалению или отмене прав и свобод личности. Права человека, как общественное явление, содержатся в конституции любого государства. Современная Конституция нашего государства — это конституция демократического правового государства. В этом документе из-

ложены все основные права и свободы человека и гражданина, которые соответствуют положениям главных международно-правовых документов.

Четко построенная система положений и норм Конституции России позволяет говорить о том, что нормы определения прав и свобод человека и гражданина подкрепляются гарантиями, как их защиты, так и реализации. Вместе с тем отмечается большое количество проблем в данной области. Причинами можно назвать, в первую очередь, правовую необразованность, низкий уровень культуры российских граждан. Люди не только не знают своих прав, свобод и обязанностей, и поэтому зачастую не могут защитить себя и своих близких от действий по нарушению этих прав, но порой они просто не желают отстаивать свое законное право. Граждане в своем большинстве не уверены и пассивны в правовой сфере деятельности и выбирают путь «молчаливого согласия», а не активную защиту собственных прав и свобод.

Вместе с тем в нашем государстве создана вполне достаточная и эффективная законодательная база, пока не идеальная, но вполне функциональная. Но вот с практической реализацией правовых норм в повседневной жизни в нашем государстве пока имеются значительные проблемы. Прежде всего, это касается основного права каждого человека — права на жизнь [1]. Работа над совершенствованием правовых механизмов по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина проводится достаточно системно, она отражается в доктрине конституционного права, включающей совокупность конституционных установлений, научных воззрений, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, и постепенно ведет к качественным позитивным изменениям в обеспечении гарантий прав каждого на государственную, в первую очередь судебную, защиту [4]. Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае за 2022 г., сказано:

«как бы ни складывалась ситуация, уполномоченные должны быть вне политики, достигать взаимопонимания и готовности идти навстречу друг другу, ведь их первостепенная задача — восстановление нарушенных прав граждан» [3].

В 2022 году в адрес Уполномоченного по правам человека по Краснодарскому краю поступило 3201 обращение, что на 2,5% больше, чем в 2021 году (3122), отметим, что в обращениях граждан, государственных и общественных организаций поднимались следующие вопросы:

— проблема обманутых дольщиков (из бюджета региона на восстановление прав дольщиков на 2022 и 2023 гг. предусмотрено 2,5 млрд рублей, в том числе взносы в Фонд развития территорий и др.);

— рассмотрение исков прокурора города об изъятии земельных участков, образованных в границах ранее учтенных земель федеральной собственности (почти 11 тыс. арестованных в рамках уголовного дела земельных участков ранее входили в состав земель Сочинского национального парка, а значит, являются собственностью Российской Федерации и др.);

— вопросы, касающиеся особенностей работы компаний-монополий, которые не выполняют обязательства по повышению качества предоставляемых услуг (это вызывает справедливое негодование у граждан, бессильных самостоятельно добиться изменений и др.);

— экологическая проблематика (просьбы о прекращении работы полигона, принимающего мусор из Новороссийска и Геленджика; аварии на Федоровском гидроузле, расположенном на реке Кубань и др.) и т. д.

Работа с жалобами и обращениями граждан всегда была и остается одним из приоритетных направлений деятельности Уполномоченного. На основе наиболее злободневных жалоб был подготовлен ряд тематических докладов с рекомендациями

по устранению выявленных проблем. Много жалоб, поступивших к Уполномоченному в масштабах России, касалась уголовного процесса (30%), жилищных прав и сферы ЖКХ (16%), уголовно-исполнительного производства (14%), социального страхования и обеспечения (5%), военной службы (4%), миграции и вопросов гражданства (4%). По вопросам соблюдения либо восстановления всех иных прав доля обращений составила 27% [2] и т. д.

Однако среди основных средств, призванных гарантировать права и свободы человека и гражданина, особое место занимает право граждан защищать свои права, свободы и законные интересы в судебном порядке. Вместе с тем в условиях неэффективной судебной системы в обществе всё в большей степени возрастает потребность в совершенствовании деятельности судебных органов, качественном кадровом обеспечении российских судов [6]. Судебная власть, основной функцией которой является осуществление правосудия, несет конституционную ответственность за соблюдение прав и свобод человека в стране. Право на судебную защиту закреплено в ст. 46 Конституции РФ.

Так, анализ обращений, поступивших в адрес Уполномоченного, показывает, что проблема реализации права на судебную защиту продолжает оставаться актуальной для нашего общества. Однако не все граждане могут в должной мере воспользоваться реализацией этого права. Причины различны: загруженность судов, недостаток правовых знаний у граждан для оформления необходимых документов при обращении в суд, длительное рассмотрение дел (как судами первой инстанции, так и судами апелляционной, кассационной инстанций), неудовлетворенность принятыми решениями, другие факторы [3].

Так, несмотря на принятие ФЗ «Об исполнительном производстве», исполнение судебных решений остается значимой проблемой. Данный нормативно-правовой акт содержит достаточный потенциал для решения этой проблемы, однако фактическая

практика применения полномочий, которыми наделены судебные приставы, должным образом еще не выработана [6].

Важной проблемой выступает доступность права на судебную защиту, оказание бесплатной юридической помощи при отсутствии стандартов ее оказания, механизмов контроля за исполнением, а также недостаточное финансирование и т. д. Вследствие этого гражданам оказывается некачественная помощь, навязываются платные юридические услуги, есть случаи мошенничества недобросовестных юристов — например, в связи с отсутствием денежных средств у человека на оплату государственной пошлины и адвокатов (чем более квалифицирован специалист — тем дороже его услуги) и др. Государством хоть и обеспечена сама возможность защищать свои права в суде, а также различного рода гарантии этой защиты, но процедура реализации данного права бывает слишком сложна для обычного гражданина [6]. При этом предоставленные государством возможности зависят от материального положения сторон: лица, не обладающие достаточным материальным состоянием, имеют небольшие шансы за защиту своих прав в судебном порядке.

Вследствие этого часто создаются условия, не реализующие конституционные гарантии судебной защиты. В связи с этим может даже блокироваться право на доступ человека к правосудию. Всё это тормозит развитие этого важнейшего социально-правового института. Выходом в этом отношении может выступать выдвигаемая Минюстом России инициатива по созданию государственных юридических бюро.

Так же как и в предыдущие годы, граждане чаще всего выражают несогласие с судебными решениями, просят дать им правовую оценку и оказать содействие в их отмене. Большое количество обращений касается несвоевременной подготовки мотивированных решений, протоколов судебных заседаний, нарушения сроков их направления участникам процесса. Всё это становится

причиной затягивания сроков подачи апелляционных и кассационных жалоб (так, скажем, много обращений касаются оказания содействия в получении копий приговора и протокола судебного заседания и др. — гражданам приходится неоднократно обращаться к председателю суда по этим вопросам). Несоблюдение сроков рассмотрения дел в судах приводит к ущемлению прав и законных интересов граждан.

Жалобы граждан часто касаются и вопросов несоблюдения процессуальных прав стороны защиты (рассмотрение дела судом в отсутствие участвующих в деле лиц, не извещенных о времени и месте судебного заседания, отсутствие протокола судебного заседания, нарушение правил о тайне совещания судей и др.).

Также большое количество жалоб касается необъективности оценки доказательств. В обращениях подсудимые в основном указывали, что собранные следствием и оцениваемые судом доказательства являются неполными, носят обвинительный характер. Есть обоснованные претензии граждан о чрезмерной суровости вынесенного приговора и назначенного наказания, а также в связи с отказом в удовлетворении ходатайств о приобщении к делу представленных оправдательных доказательств, которые судом были отклонены.

Указанные обстоятельства фактически формируют негативное отношение населения к деятельности судов. Так, согласно опросу фонда «Общественное мнение», положительно оценивают деятельность российских судов и судей 32% опрошенных, в то время как 34% считают, что суды часто выносят несправедливые решения и приговоры [5]. Всё это указывает на то, что существует большое количество проблем в защите и реализации прав и свобод граждан нашей страны.

Вместе с тем необходимо отметить наметившуюся тенденцию на смягчение наказания судами. Так, в 2021 году категория преступления изменена судом на менее тяжкую в отношении 6,8 тыс.

человек, что на 55% превышает показатель 2020 г. (4,4 тыс.). При этом в 87% случаях были учтены обстоятельства, смягчающие наказание [2] и т. д.

В связи с этим необходимо проводить работу по разъяснению прав, обязанностей и ответственности лиц, повышать правовую культуру населения, вести просветительскую работу по изучению законодательства («презумпция знания закона»), разъяснять заявителям порядок обжалования, при необходимости оказывать содействие, проводить консультации, разрешать юридические проблемы реализации права на доступ к правосудию. Важна перестройка работы судов, четкое выполнение всех обязательств перед человеком и гражданином.

Укрепление законности и соблюдение прав и свобод человека и гражданина напрямую связаны с развитием судебной системы. Это служит условием дальнейшего развития гражданского общества и правового государства, воплощения в жизнь конституционных основ правового статуса личности, укрепление и обеспечение конституционной защиты которого возможны лишь в «системе взаимодействия государства и гражданина».

Таким образом, в Российской Федерации есть закрепленное на законодательном уровне право граждан на судебную защиту своих прав и свобод, однако в настоящее время существует еще множество проблем, которые государству предстоит решить для обеспечения равной для всех без исключения граждан возможности защищать свои права и законные интересы в суде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Грехов, А. С. Проблемы по защите конституционных прав и свобод в современной России: доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год / А. С. Грехов, В. А. Орлов // Современные научные исследования и разработки. — 2018. — № 12. — С. 39–41.*

2. *Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. — URL* https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4–883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975–49d0–86ddc9ac917436fe/0447a931–4bc9–4ce6-ae92-b32f8d741412.pdf *(дата обращения: 17.03.2023).*
3. *Доклад Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае за 2022 г. — URL. https://kubanombudsman.org/wp-content/uploads/Doklad-2022.pdf (дата обращения: 16.03.2023).*
4. *Корнилова, И. А. Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / И. А. Корнилова // Молодой ученый. — 2021. — № 39 (381). — С. 116–120.*
5. *О судах и судьях: Справедливы ли российские суды, и чем они руководствуются в своей работе? — URL. https://fom.ru/Bezopasnost-i-/10551 (дата обращения: 15.01.2023).*
6. *Свистов, А. Д. Проблемы реализации прав граждан на судебную защиту в Российской Федерации / А. Д. Свистов // Молодой ученый. — 2023. — № 8 (455). — С. 180–182.*

BRIEF

PROBLEMS OF REALIZATION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS FOR JUDICIAL PROTECTION

Zautorova E. V.,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia;
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

Abstract. *In modern Russia, there are currently many problems that are associated with violations of the constitutional rights and freedoms of man*

and citizen. This is especially true of judicial protection, which forms a negative attitude to the activities of the courts. In this regard, the topic of the realization of the human right to judicial protection today needs further discussion and consideration, research and justification from various positions.

Key words: *the Constitution of Russia; justice; rights and freedoms of citizens; the right to judicial protection; problems of realization of the right.*

Отдельные проблемы производства дознания по очевидным преступлениям

Иванов И. В.,
преподаватель,
Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия,
e-mail: posqwer@mail.ru

Галимов Э. Э.,
старший преподаватель,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Россия,
e-mail: erikkgalimov@mail.ru

УДК 343.13

Аннотация. *В статье авторами дан короткий анализ производства дознания по очевидным преступлениям, отмечены мнения других авторов по затронутой проблеме. На основе проведенного исследования авторами ставится вопрос о необходимости пересмотра существующей системы предварительного расследования и обосновывается необходимость задуматься о введении протокольной формы осуществления предварительного расследования.*

Ключевые слова: *уголовное дело; уголовный процесс; дознание по очевидным преступлениям; дознание в сокращенной форме; доказательства; упрощенное производство; протокольная форма осуществления предварительного расследования.*

Одной из дискуссионных проблем в рамках отечественного уголовного процесса, всегда являлась проблема осуществления дознания по очевидным преступлениям. Соответственно, в рамках уголовно-процессуальных исследований неоднократно поднимался вопрос включения в структуру предварительного расследования отдельной специальной формы, которая бы отвечала определенным требованиям, в том числе очевидности совершенных преступлений. Необходимо кратко охарактеризовать развитие законодательства о рассматриваемом вопросе. Так, в рамках первоначальной трактовки законодателя дознание предполагало расследование уголовных дел, которые возбуждены в отношении конкретного лица, а также, что их расследование завершится в срок, который не превышает 25 суток. В случае если указанные условия отсутствовали, проводилось предварительное следствие. В 2007 году законодатель счел такой порядок не эффективным и ликвидировал необходимость очевидности преступления для расследования его в форме дознания, одновременно увеличив его срок до 30 суток. Параллельно с указанными изменениями в УПК РФ была введена процедура уведомления о преступлении. Через 6 лет, в 2013 году, УПК РФ был дополнен процедурой осуществления дознания в сокращенной форме.

Итак, введение института дознания в сокращенной форме стало еще одной попыткой законодателя произвести упрощение расследования уголовных дел, по которым должно производиться дознание. Отметим, что целями введения рассматриваемой формы дознания являлись, как и первоначально, экономия материальных и физиологических ресурсов, которые затрачиваются на производство по уголовным делам. Также целью было исключить из деятельности дознания негативные аспекты, связанные с затягиванием процессуальных сроков.

Отдельные авторы сразу начали предполагать, что законодатель пытается ввести третью форму предварительного рассле-

дования, которую в дальнейшем переименует в ускоренное производство. Вместе с тем необходимость введения сокращенной формы дознания была также обусловлена тем, чтобы уместить процедуру дознания по уголовному делу в максимально короткие сроки, что способствовало бы невозможности пользоваться достаточным временем для уничтожения доказательств и иных имеющих значение для дела данных заинтересованными лицами с целью повлиять на результат уголовного преследования.

Итак, в положениях части 1 статьи 226.6 УПК РФ законодатель предусмотрел срок, в который должно быть окончено дознание в сокращенной форме. Указанный срок составляет 15 суток и исчисляется с момента вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до направления материалов уголовного дела прокурору. Законодателем также устанавливается и срок продления дознания в сокращенной форме, который составляет 20 суток. Такое право принадлежит прокурору.

Шипунова О. В. отмечает, что продление сроков сокращенного дознания обычно связывается с тем, что, когда участники знакомятся с материалами дела, а также с обвинительным постановлением, они вносят большое количество ходатайств, рассмотрение которых является невозможным в установленные УПК РФ сроки. Соответственно, дознаватель ставит перед прокурором вопрос о продлении срока, установленного для дознания в сокращенной форме [10, с. 247].

Необходимость продления срока объективно связана с тем, что при ознакомлении с материалами дела и обвинительным постановлением заинтересованные лица внесли такое количество ходатайств, удовлетворение которых явно выходит за рамки оставшихся двух суток, установленных законодателем на данном этапе. Именно по этой причине, понимая необходимость производства большого количества следственных и процессуальных

действий, дознаватель настаивает перед прокурором на продлении срока дознания до 20 суток.

В научной литературе существует мнение, что обычная и сокращенная формы дознания сильно не отличаются друг от друга, в том числе и по срокам. Упор делается именно на возможность продления сокращенного дознания. Более того, исследователи отмечают, что нет разницы и в предмете. То есть дознание в сокращенной форме производится по тем же составам преступлений, что и дознание в обычной форме [3, с. 194].

По нашему мнению, самым важным условием проведения дознания в сокращенной форме является то, что подозреваемый признал свою вину по совершенному преступлению, а также нанесенный преступлением вред. Также подозреваемый должен согласиться со всеми доводами, указанными в постановлении о возбуждении уголовного дела. Соответственно, речь может идти и об очевидности преступления, так как применение сокращенной формы дознания в рамках неустановленных лиц является невозможным.

Для наглядности приведем пример. Так, дознавателем группы дознания отдела Министерства внутренних дел РФ по Мелеузовскому району 12 сентября 2019 года было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ. В ходе осуществления дознания подозреваемый В. заявил ходатайство о рассмотрении возможности производства дознания в сокращенной форме. Учитывая, что обстоятельства, которые бы могли исключать такую возможность, отсутствовали, ходатайство было удовлетворено. Дознание в сокращенной форме по указанному примеру было окончено 21 сентября 2019 года, то есть общий срок составил 9 суток. По рассматриваемому примеру обвинительное постановление утверждено 24 сентября 2019 года, после чего направлено суд. Приговором мирового судьи через 34 дня В. был признан виновным в совер-

шении преступления, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ, с назначением наказания в виде штрафа в размере десять тысяч рублей [6].

Указанный пример наглядно демонстрирует целесообразность рассматриваемой формы предварительного расследования в форме дознания.

Как отмечается отдельными авторами, еще одной существенной проблемой сокращенного дознания является то, что в рамках доказательств по делу могут использоваться сведения, не отвечающие требованиям допустимости, а также право дознавателя не осуществлять проверку доказательств, в случае если они не оспариваются подозреваемым. Представляется некорректным и отнесение к доказательствам фактических данных, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно–процессуальным законом.

Так, требования относимости и достоверности еще возможно использовать для оценки непроцессуальной информации, однако основное конституционное требование допустимости в рассматриваемом случае невозможно, поскольку оно всегда предполагает законодательную регламентацию порядка получения информации из предусмотренного законом источника [10, с. 11]. В уголовно-процессуальной литературе ведутся споры о порядке признания доказательств недопустимыми. Существующий в настоящее время процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств необходимо модернизировать. Так, дознаватели не пользуются таким правом. Вместе с тем с ходатайствами об исключении доказательств к ним также никто из участников не обращается. Указанное положение дел связано с тем, что сторона защиты оставляет такие ходатайства на судебное заседание с целью осуществления более деятельной защиты. В связи с этим существует необходимость детальной проработки

процессуального механизма исключения недопустимых доказательств. Одним из таких шагов, который касается деятельности органов дознания, могло бы стать наделение прокурора полномочием по исключению недопустимых доказательств в рамках производства дознания. Такой шаг повысил бы эффективность собирания доказательств, а также минимизировал различные нарушения в рамках этого процесса.

Исмагилов Р. А. в своей научной статье также обращает внимание на проблему исследования доказательств в рамках сокращенной формы дознания. Он подчеркивает, что отсутствие обязательности исследования доказательств дознавателем при согласии обвиняемого с обвинением в рамках сокращенной формы дознания может привести к необоснованному обвинению лица, а также получения им судимости. По его мнению, сокращенная форма дознания преследует только принцип разумного срока, а остальные принципы игнорирует [4, с. 153]. Необходимо согласиться с мнением Исмагилова Р. А., так как признание своей вины обвиняемым, без сомнения, является ключевым доказательством, однако, чтобы исключить самооговор необходимо осуществлять детальную проверку доказательств, а также производить их сопоставление между собой, что может отсутствовать в рамках дознания в сокращенной форме. Указанной точки зрения придерживается и Савинов В. Е., который отмечает, что указанное положение дел в рамках дознания в сокращенной форме не отвечает принципу презумпции невиновности. В связи с этим данная форма дознания неизбежно влечет ущемление различных прав подозреваемого и его защитника, что является следствием серьезных нарушений прав личности [8, с. 37].

Заслуживает внимания и точка зрения, в соответствии с которой дознание должно осуществляться как укороченная форма предварительного следствия. В связи с этим Хисматуллин И. Г. предлагает ликвидировать упрощенную форму дознания

и изменить обычную форму таким образом, чтобы полученная форма отвечала критериям укороченной формы расследования, установив разумный срок [9, с. 129].

Отдельные авторы предлагают решить обозначенную выше проблему с помощью ужесточения норм о дознании в сокращенной форме, а именно введения запрета на подачу ходатайства с целью отказа от рассматриваемой формы дознания [5, с. 117].

Отдельные авторы утверждают, что дознание в сокращенной форме необходимо ликвидировать, так как плюсов от такой формы гораздо меньше, чем минусов, что подтверждается практикой [1, с. 55]. Среди минусов дознания в сокращенной форме, кроме уже названных, Васильева Л. М. усматривает, что наличие согласия потерпевшего на расследование уголовного дела в форме дознания в сокращенной форме ограничивает процессуальную самостоятельность дознавателя, так как оно исходит, по сути, лишь от одного участника уголовного судопроизводства. Таким образом, осуществление дознания по очевидным преступлениям целесообразно осуществлять в форме сокращенного дознания. Однако для реализации указанного предложения необходимо разрешить ряд дискуссионных вопросов.

Первая такая проблема связана с возможностью осуществления рассматриваемой формы дознания по очевидным преступлениям только в случае, если нет оснований невозможности его производства. Таким образом, для внедрения процедуры сокращенного дознания по очевидным преступлениям существует необходимость наличия факторов, а именно — ходатайства лица, которое совершило преступление, а также отсутствие оснований невозможности производства дознания в сокращенной форме. Более того, большая часть лиц, совершивших очевидные преступления, которые подают ходатайства о производстве сокращенного дознания, отчетливо понимают, что в случае назначения им наказания, оно не будет более одной второй максимального

срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Соответственно, следующим барьером обязательности сокращенной формы дознания по очевидным преступлениям являются непосредственные основания его невозможности. Среди них: несовершеннолетие подозреваемого, наличие оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера, подозреваемый относится к категории особых субъектов, совершено также преступление, по которому предусмотрено предварительное следствие, отсутствие у подозреваемого знания языка уголовного судопроизводства, а также возражения потерпевшего.

Отметим, что указанный перечень достаточно широк, что препятствует внедрению обязательного дознания в сокращенной форме по очевидным преступлениям. Если рассуждать о первом основании, которое касается несовершеннолетия подозреваемого, то его исключение не будет способствовать реализации отдельных прав несовершеннолетнего подозреваемого. То же самое касается и иных оснований, которые призваны обеспечить реализацию отдельных принципов уголовного судопроизводства. Вместе с тем вызывает вопрос основание, связанное с возражениями потерпевшего. Таким образом, для реализации указанного предложения, а именно — внедрения обязательности осуществления сокращенного дознания по очевидным преступлениям, требуется пересмотр имеющихся оснований, которые исключают возможность производства дознания в сокращенной форме.

Следующей проблемой, которую необходимо отметить в рамках настоящего исследования является проблема доказывания по очевидным преступлениям. Как уже было выяснено, по очевидным преступлениям целесообразнее производить дознание в сокращенной форме. В связи с этим у дознавателя появляется возможность не осуществлять доказывание в соответствии с по-

ложениями ст. 73 УПК РФ, а использовать положение ст. 226.5 УПК РФ, которая предусматривает особенности дознания в сокращенном виде. Так, на основании положений указанной статьи дознаватель вправе собирать доказательства только в том объеме, который, по его мнению, является достаточным для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, законодатель для устранения ненужных процессуальных действий исключил необходимость осуществлять доказывание в рамках сокращенной формы по перечню, установленному ст. 73 УПК РФ.

Необходимо отметить, что в литературе существуют мнения о нецелесообразности указанной специальной нормы, которая касается осуществления доказывания в рамках сокращенного дознания. Исследователи связывают такую нецелесообразность с тем, что теряется смысл всего уголовного судопроизводства, в том числе осуществления всей процедуры доказывания [7, с. 69].

По нашему мнению, указанное положение дел имеет двоякую сущность. С одной стороны, УПК РФ определяет необходимые элементы, которые подлежат доказыванию, с другой стороны, в рамках сокращенного дознания разрешается отойти от обязательного перечня таких элементов, возлагая достаточность их определения на дознавателя. Считаем, что, с точки зрения реализации принципов уголовного судопроизводства, это не выдерживает никакой критики, а вот с точки зрения дифференциации, сокращения издержек, а также оперативности уголовного судопроизводства может иметь место.

Решение указанной коллизии может заключаться или в изменении нормы 226.5 УПК РФ, вплоть до ее отмены или нормы ст. 73 УПК РФ, где необходимо предусматривать исключения доказывания по установленным элементам. По нашему мнению, указанная проблема еще раз подчеркивает необходимость пере-

смотра существующей системы предварительного расследования и наводит на мысль о введении протокольной формы осуществления предварительного расследования.

В заключение отметим, что в случае возбуждения уголовного дела по очевидному преступлению, при условии, что преступление подпадает под юрисдикцию дознания, существует необходимость его расследования в рамках специального порядка. На сегодняшний день в качестве такого специального порядка может выступать процедура сокращенного дознания. Однако для реализации такой процедуры по всем очевидным преступлениям недостаточно тех норм, которые закреплены в положениях гл. 32.1 УПК РФ. Отсюда вытекает ряд определенных проблем. Так, для внедрения процедуры сокращенного дознания по очевидным преступлениям существует необходимость наличия факторов, а именно — ходатайства лица, которое совершило преступление, а также отсутствие оснований невозможности производства дознания в сокращенной форме. С учетом приведенных рассуждений нет возможности использовать указанную форму во всех случаях расследования очевидных преступлений, когда подозреваемый ходатайствует о таком производстве. К примеру, это касается случаев, когда отсутствует согласие потерпевшего. Следующей проблемой является проблема доказывания в рамках расследования по очевидным преступлениям. Так, осуществление дознания в сокращенной форме, в том числе по очевидным преступлениям, предполагает возможность не осуществлять полный комплекс доказывания обстоятельств, которые перечислены в положениях ст. 73 УПК РФ, что обусловлено положениями ст. 226.5 УПК РФ. Во-первых, налицо коллизия норм, которые касаются осуществления доказывания; во-вторых, в случае осуществления полного доказывания по очевидным преступлениям теряется смысл упрощенного производства. Единственным выходом, который видится в сложившейся ситуации, является необходимость пересмотра

существующей системы предварительного расследования и необходимость задуматься о введении протокольной формы осуществления предварительного расследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Васильева, Л. М. Плюсы и минусы существования дознания в сокращенной форме // Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. — 2019. — С. 55–57.*
2. *Гришин, А. И. К проблеме доказывания по уголовным делам с сокращенной формой дознания // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы IV Всероссийской научно–практической конференции. — 2017. — С. 9–13.*
3. *Журавлева, Н. М. К вопросу о содержании «сокращенного» дознания как формы предварительного расследования // Современное уголовно–процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно–практической конференции. К 300-летию российской полиции и 100–летию советской милиции. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. — Орел, 2017. — С. 192–195.*
4. *Исмагилов, Р. А. Некоторые проблемы производства дознания в сокращенной форме // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2019. — № 38. — С. 152–156.*
5. *Колесников, К. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме / К. В. Колесников, В. А. Облицов, Ф. В. Юрастов // Эпомен. — 2019. — № 26. — С. 116–122.*
6. *Материалы уголовного дела в отношении В. № 514135436 от 12 сентября 2019 г., возбужденного ОМВД России по Мелеузовскому району.*

7. Мелащенко, А. А. Получение объяснений в стадии возбуждения уголовного дела как средство доказывания (применительно к сокращенной форме дознания) // Актуальные вопросы уголовного судопроизводства: сборник статей Криминалистического форума. — 2018. — С. 68–76.
8. Савинов, В. Е. Предмет и производство доказывания дознания в сокращенной форме // Международный студенческий научный вестник. — 2019. — № 3. С. 35–39.
9. Хисматуллин И. Г. Является ли дознание упрощенной формой расследования? // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции/под общей редакцией Е. П. Ткачевой. — Москва, 2017. — С. 127–130.
10. Шипунова, О. В. Продление сроков при расследовании уголовных дел в сокращенной форме дознания // Современные научные исследования и разработки. — 2017. — № 2 (10). — С. 446–447.

BRIEF

SEPARATE PROBLEMS OF THE INVESTIGATION OF OBVIOUS CRIMES

Ivanov I. V.,
teacher, Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Galimov E. E.,
senior lecturer, Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Abstract. *In the article, the authors give a short analysis of the investigation of obvious crimes, the opinions of other authors on the problem raised*

are noted. Based on the conducted research, the authors raise the question of the need to revise the existing system of preliminary investigation and the need to think about the introduction of a protocol form of preliminary investigation.

Key words: *criminal case; criminal process; inquiry into obvious crimes; inquiry in abbreviated form; evidence; simplified proceedings; protocol form of preliminary investigation.*

Концепция суверенитета и её реализация в условиях современной России

Толмачева Е. Н.,
адвокат, Сахалинская адвокатская палата,
г. Южно-Сахалинск, Россия, e-mail: entolmacheva@bk.ru

УДК 342.3

Аннотация. *В статье анализируется концепция суверенитета в историческом аспекте, акцентируя внимание на условиях формирования идеи суверенитета Ж. Боденом в период гражданских войн на почве религиозных разногласий преимущественно за престол и титул короля Франции во второй половине XVI века. Автором рассматриваются историко-правовые основы суверенитета народов России в результате дарования Николаем II жителям территории Российской империи, на которую распространялся личный суверенитет императора, гражданских свобод; сложения им с себя верховной власти и образования в последующем Союзного государства на основе реализации права народов на самоопределение.*

Ключевые слова: *суверенитет; Жан Боден; император; Российская империя; Союз Советских Социалистических Республик; право народов на самоопределение.*

О понятии суверенитета как важной категории международного права, о его месте и роли в системе знаний известно из дошедших до нас трудов французского юриста, политика и философа Жана Бодена. Элементы теории

суверенитета существовали в юридической мысли и до Ж. Бодена, но именно в произведениях этого мыслителя — «Метод легкого познания истории» (1566 г.) и «Шесть книг о Республике» (1576 г.) — впервые описана природа данного правового явления и сформулированы его признаки.

В российском правоведении интерес к творчеству Ж. Бодена проявляется не только в связи с его влиянием на концепцию государственного суверенитета, но и в контексте формирования теории федерализма. Его труды рассматриваются также в рамках истории политических и правовых учений Франции второй половины XVI века. Так, И. В. Кривушин и Е. С. Кривушина отмечают, что повышенный интерес к наследию Бодена в научных кругах других стран в XX–XXI вв. объясняется задачей поиска решения проблем, проистекающих из прошлого мирового сообщества — двух мировых войн и их последствий (деколонизации, распада старых империй, возникновения новых государств и надгосударственных образований) [6, с. 29–30].

Формирование концепции суверенитета и соответствующей отрасли знаний необходимо рассматривать с учетом исторических событий: во второй половине XVI века бушевали гражданские войны на почве религиозных разногласий преимущественно за престол и титул короля Франции [8, с. 186; 4, с. 7, 14]. Начиная с конца XII и начала XIII вв., в Западной Европе происходит трансформация феодальных королевств через сословную монархию в абсолютную. Импульсом такого преобразования явилось «возрождение римской государственной идеи», которая, по мнению П. Н. Ардашева, «не могла родиться, она могла лишь возродиться» [1, с. 6]. Связано это, в свою очередь, с возрождением римского права; возобновление этого процесса произошло в «болонской школе правоведения (Болонья, Северная Италия), из которой возник в XII в. первый университет» [1, с. 6].

О важности учета исторических событий говорит и сам Ж. Боден, объясняя применение сравнительного метода исследования в изучении истории права. Отметим отношение Ж. Бодена к римскому праву: хотя он и обращался к источникам римского права, ссылок на которые больше всего содержится в книге I, главе 8 «О суверенитете», но всеобщим, универсальным законом, или, как его еще называли, положительным, «самим Богом внушенным», римское право не считал. Он отстаивал необходимость систематизации разрозненных законов древних народов (персов, греков, египтян, евреев, испанцев, англичан и других), которые заняли бы свое место рядом с законами римлян. Всеобщее начало в праве есть «вечная истина», которая раскрывается в различных сводах положительных законов [19, с. 14, 15].

Обособляя королевские семьи Франции в форме наделения монарха абсолютной божественной (верховной) властью и доказывая её преемственность, поскольку король «не получает свою власть ни от папы, ни от архиепископа Реймсского, ни от народа, но лишь от одного Бога» [4, с. 144], Ж. Боден боролся за свободу от зависимости папы римского, а также выступал за самостоятельность права (правотворчества, правоприменения) формирующейся суверенной Французской Республики.

В вопросе о суверенитете Боден отделяет себя от предшественников, употребляя в латинском варианте словосочетание summum imperium: «Мы обращаемся, наконец, к определению суверенной власти, в котором заключается принцип республики. Аристотель называл его верховной властью или верховным авторитетом, итальянцы — сеньория и мы — суверенитетом, тогда как латины использовали термин «верховное могущество» и «верховный авторитет» [4, с. 89]. При этом императором являлся военачальник, в период Римской республики — тот, кто не был до назначения императором магистратом, позже понятие «император» превратилось в титул [3, с. 147]. В словаре Академии Рос-

сийской XVIII в. империя — это пространство земли, управляемое государем, имеющим титул императора [18, с. 296]. Ученые предлагают различные трактовки понятия «империя», которое формируется как взаимодействие монархической власти, региональных несуверенных образований и надэтнического состава населения [11, с. 22].

Термин «imperium» неоднократно становился предметом дискуссий. Так, средневековые легисты, заботясь о восстановлении римского права в пользу империи и папы, проявляли интерес к римскому праву с практической целью. Особо острым являлся вопрос об обладании gladii potestas («правом меча» — правом жизни и смерти): магистратами или императором. Боден выступал здесь в пользу императора, объясняя это тем, что применять закон — карать или миловать — имеет право только обладатель gladii potestas [3, с. 418], судьи-магистраты должны подчиняться закону, имея лишь административные полномочия [4, с. 91–92]. «Боден меняет представление о gladii potestas. По словам Б. Барре-Крижеля, право меча превращается в право безопасности» [4, с. 93]. Полемизируя, но не критикуя предшественников и мыслителей своего времени, Боден идее imperium придает новую форму как абсолютной (божественной) власти монарха-суверена.

Боден выделяет пять основных признаков суверенитета. Первый — «это власть давать закон всем в общем и каждому в отдельности» [4, с. 94]. Своим законом суверен объявляет войну и заключает мир, в чем проявляется его величие и второй признак. Третий признак заключается в «назначении главных офисье — магистратов. Это означает, что магистрат обязан своей властью не воле народа или Сената, а только лишь воле суверенного государя» [4, с. 94]. Четвертым признаком является право суда в последней, высшей, инстанции для всех магистратов и граждан. Боден считал, что только суверен мог изменить закон, скорректировав тем самым решение суда [4, с. 95]. Величие суверена

наиболее всего выражается во власти приговаривать к смерти и даровать жизнь тем, кто заслуживает смерти — это пятый признак [4, с. 95; 5, с. 151–152].

Таким образом, признаки суверенитета — это характеристики imperium — делают вывод авторы монографии «В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена» Г. И. Баязитова и Д. С. Митюрёва [4, с. 95].

Понятие суверенитета он «объясняет, в первую очередь, через понятие господства верховной, суверенной власти и подчинения суверенному государю» [4, с. 68]. Верховную власть суверена, в свою очередь, Боден объясняет через господствующую патриархальную теорию как основу уклада семейного быта и отношений членов семьи, преобладавшую в средние века [4, с. 60, 71].

По существу, взаимные отношения между членами семьи во главе с отцом (патриархом), между главами семей в пользу общих интересов, между главами семей и носителем суверенитета — есть разные формы проявления взаимной устойчивой связи совместно, сообща проживающих в коллективе человек. Эту взаимную устойчивую связь с точки зрения функционирования сообщества, именуемого государством, можно назвать властью, публичной властью.

Устойчивую связь Боден усматривает не только между людьми — он называет её «непрерывной гармонической связью» [4, с. 175], связывающей крайности неразрывными узами, между «землей и глиняным камнем; между землей и металлами», «между камнями и растениями», «между растениями и животными» «между земными и водными животными» «между водными и млекопитающими», «зверями и человеком» [4, с. 175–176]. Подобно тому, как организована природа, должно быть устроено и государство, в котором первое место отведено суверену.

Для Бодена государство — Вселенная, подобие которой он пытается показать познающему читателю через призму совмест-

ной гармонической связи в форме государства. Выстраивая иерархию взаимоотношений по образу природы с целью достижения всеобщего блага, Боден воплотил идею вселенской гармонии «как выход из сложной политической ситуации» [4, с. 159].

Однако идея Бодена об абсолютной власти короля была реализована далеко от описанного им идеала универсального государства. Начатые Генрихом IV преобразования, поддержанные Боденом, в числе которых значились снижение платежей с населения в пользу казны короля, собирание вокруг королевской сеньории (домена) земель генерал-губернаторств путем выкупа, а ранее — наследования короной выморочных «фьефов», были доведены в XVIII в. Людовиком XIV до абсолютного почитания и поклонения титулу императора в лице короля Франции, возведя его в культ короля как наместника Бога на земле [1, с. 101, 111–112, 166, 168, 170–173].

Итак, нужен авторитет личности, которая проводит божественные законы, принимая волевые решения, распространяющие свою силу на подданных, что является верховной властью. Проявление верховной власти суверена прослеживается в издаваемых им документах.

Обращаясь к документам периода Российской империи, например, к Акту Соединенной Американской компании, подписанному императором Павлом I, мы обнаруживаем прямое указание, по чьей воле, от имени кого и с какой целью создавалась Российско-Американская компания — именем Бога, Всемогущего Творца, под покровительством Высочайшего Его Императорского Величества с целью просвещения американских и островных народов в познании истинного Бога [7, с. 1–2]. В Акте отречения Николая II мы видим, что Николай II ссылался на волю Бога. В Заявлении Великого князя Михаила Александровича предложение с просьбой подчиниться Временному правительству начинается со слов «Посему, призывая благословение божие, прошу

всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству…» [17, с. 126–127].

Короли, императоры строили свои королевства, империи, получая, на первый взгляд, символичную власть в виде восхождения на престол и скипетра, которому подвластны земли (например, упоминание об этом содержится в указе Её Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской Екатерины II об учреждении Таврической области и присоединении к Империи полуострова Крыма, данного Сенату 2 февраля 1784 г. [16, с. 17–18]).

Суверены, управляя территориями от имени Бога, распространяли влияние своей личности и одновременно цивилизацию на земли и жителей, проживающих на них.

Как самостоятельное явление суверенитет носит абстрактный характер, но всегда выражается в гармонической связи его носителей, которые взаимодействуют друг с другом. В настоящее время выделяют суверенитет внутригосударственный (суверенитет отдельных субъектов и областей), государственный (суверенность центральной власти, независимость её решений), и межгосударственный (независимость от воздействия других государств). При этом *суверенитет* государственный связан с межгосударственным, то есть внутренняя самодостаточность верховной власти позволяет выступать наравне с другими субъектами международных отношений, что закреплено в Уставе Организации Объединенных Наций как принцип суверенного равенства государств [15].

Концепция суверенитета претерпела изменения, сохранив свое значение как связь с личностью одного человека, который незримой верховной властью, силой и могуществом обеспечивает безопасность своим подданным, до суверенитета государства, распространяющегося на сообщество человек. В данном случае речь идет о народном суверенитете, о котором размышлял и Ж. Боден [4, с. 148, 149].

В части 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации 1993 года провозглашено, что носителем суверенитета является многонациональный народ, но положений о правовых основах возникновения суверенитета Конституция РФ не содержит. Вместе с тем, народный суверенитет в России имеет историко-правовое обоснование.

В Российской империи суверенитетом обладал император. Титулом императора Всероссийского был наделен впервые Петр Алексеевич Романов (Петр I) 22 октября 1721 г.; этот статус включал по обычаю, проистекавшему от славянских князей, перечисление земель, входивших во владения Царя и Самодержца Всероссийского [12, с. 64–67]. Впоследствии титул императора передавался по наследству, последним носителем титула, как известно, был Николай Александрович Романов (Николай II).

17 октября 1905 г. Высочайшим манифестом об усовершенствовании государственного порядка Николай II даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, предоставил возможность привлечь к участию в Государственной думе те классы населения, которые были лишены избирательных прав [17, с. 41].

На основании указанного Манифеста и Манифеста от 20 февраля 1906 г. о порядке участия выборных от народа в делах законодательства 23 апреля 1906 г. Николаем II высочайше утверждены основные государственные законы [17, с. 44–52], которые в современном правовом контексте можно назвать конституцией. Согласно п. 7 основных государственных законов государь император осуществлял законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственною думой, то есть единая личная власть была распределена. В п. 10 основных государственных законов установлено, что власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства

Российского. В управлении верховном власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

17 февраля 1917 г. Николай II сложил с себя верховную власть и отрекся от престола государства Российского [17, с. 122–123], передав наследие брату — Великому князю Михаилу Александровичу и, благословив его на вступление на престол государства Российского. Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. от восприятия верховной власти отказался вплоть до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского [17, с. 126–127]. 1 сентября 1917 г. Временным правительством Россия была провозглашена республикой и в соответствующем постановлении объявлено, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский [17, с. 127–129].

Таким образом, Временным правительством были выполнены требования Великого князя Михаила Александровича, форма правления была изменена с монархической на республиканскую.

Однако представители революционного движения, издав Декрет II Всероссийского съезда Советов 8 ноября 1917 г. [9, с. 9], учредили временное рабочее и крестьянское правительство для управления страной, которое именовалось Советом Народных Комиссаров (далее — СНК), до созыва Учредительного собрания; было провозглашено, что вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары бывшего Временного правительства отстранялись от власти, председатели Советов должны были сноситься непосредственно с Революционным правительством [9, с. 14].

15 ноября 1917 г. СНК в Декларации прав народов России положил в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России такие начала, как *равенство* и *суверенность* народов России, право народов России на свободное самоопределение,

вплоть до отделения и образования самостоятельного государства [9, с. 19–20]. Ранее в Декрете о мире временное рабочее и крестьянское правительство призывало к немедленному миру без аннексий и контрибуций. При этом аннексией считалось «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено…» [9, с. 9–11].

Нагнетавшаяся внутри- и внешнеполитическими событиями революционная ситуация требовала смены формы организации совместной жизни народов России, то есть государственного устройства. Распустив Учредительное собрание, отражавшее старое соотношение классовых сил в стране, сложившееся до Октябрьской революции [9, с. 42–43], III Всероссийский съезд Советов 25 января 1918 г. объявил Россию Республикой Советов, учрежденной на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик [9, с. 44–46], из наименования верховной власти (правительства) было исключено слово «Временное» [9, с. 49–50]. Позже правовое основание учреждения Российской Советской Республики зафиксировано в Конституции (Основном законе), принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. [9, с. 76–87].

Провозгласив равенство и суверенность народов России, Советы основывались на факте дарования Николаем II основ гражданской свободы жителям территории Российской империи, на которую распространялся личный суверенитет императора, сложении им верховной власти и отречении от престола государства Российского. Тем самым произошла передача жителям Российской империи верховной власти императора Всероссийского. Отныне, овладев статусом суверена, жители России имели (и имеют!) право самостоятельно определять правила совместной жизни без какого бы то ни было вмешательства со стороны

сторонних держав. Так было положено начало реализации права народов России на свободное самоопределение.

Таким образом, в результате революционных преобразований была учреждена Российская Советская Республика как федерация советских национальных республик в пределах территории, относящейся к Российской империи, учредителями которой выступили носители верховной власти императора Всероссийского, обладающие правом народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Процесс самоопределения происходил путем признания такого права народов России и независимости республик органами Российской Советской Республики в ответ на их запросы. Провозглашая установление советской власти, Советы республик распространяли действие декретов Российской Советской Республики, признавая тем самым верховенство и действие формируемого российского советского права на своей территории, являющейся частью территории России, упоминаемой также как Российская Федерация.

В Манифесте об установлении советской власти в Латвии указывается: «За нами стоит Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, с которой и впредь мы остаемся тесно связанными не только внешними узами» и выражается намерение быть составной частью Союза Социалистических Республик, с учетом вступления в силу всех декретов РСФСР об обеспечении рабочего класса [9, с. 100–101]. Декретом СНК РСФСР от 22 декабря 1918 г. признавалась независимость Советской республики Латвии [9, с. 102]. В этот же день была признана независимость Литовской Советской республики [9, с. 102], 7 декабря — независимость Эстонской Советской республики [9, с. 95–96].

Манифест об установлении Советской власти в Литве гласит: «Строя нашу новую жизнь на тех же началах, которые положены в основу Российской Социалистической Федеративной Совет-

ской Республики, мы впредь будем итти рука об руку с Советской Россией…», «заработная плата постепенно повышается до норм, принятых в Советской России» [9, с. 98].

Высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (далее — ВЦИК) — подтверждалось признание СНК РСФСР независимости Эстонии, Литвы, Латвии. При этом ВЦИК, основываясь на принципе действительного самоопределения трудовых масс, отмечает: «… на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи» [9, с. 103].

В отношении Белорусской Социалистической Советской Республики аналогичного содержания постановление было издано Президиумом ВЦИК [9, с. 108]. I Белорусский съезд Советов, признавая «необходимость установления тесных экономических и политических связей со своим старшим братом — Российской Советской Республикой,.. », в Декларации об установлении тесной федеративной связи между Советской Белоруссией и РСФСР указывает на «тесную связь и зависимость, существующую между рабочими и крестьянами всех частей бывшей Российской империи» [9, с. 109]. Именем народа партийными и профсоюзными организациями 1 августа 1920 г. принята Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) [9, с. 125–127].

Подтверждая право на самоопределение за всеми нациями, 17 декабря 1917 г. СНК признал независимость украинского народа, народную Украинскую Республику, ее право отделиться от России или вступить в переговоры с Российской Республикой о федеративных отношениях [9, с. 32–33]. 25 декабря I Всеукраинский съезд Советов объявил Украину республикой Советов, распро-

странив на ее территорию все декреты и распоряжения правительства Российской Федерации, включая декрет земле [9, с. 33–34]. В марте 1919 г. III съезд Советов Украинской ССР, приняв Конституцию республики, заявил о решении войти в состав Единой Международной Социалистической Советской Республики и о политическом объединении с другими социалистическими Республиками. IV съезд Советов УССР в постановлении 20 мая 1920 г., направляя представителей Советской Украины для участия во ВЦИК, заявил: «… сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики…» [9, с. 123].

Ранее, 1 июня 1919 г., с целью объединения военной организации, Советов народного хозяйства, финансов, железнодорожного хозяйства, комиссариатов труда республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма ВЦИК издал Декрет об избрании комиссии для ведения переговоров [9, с. 119].

В Союзном договоре между РСФСР и Хорезмийской Советской Народной Республикой (ХСНР) от 13 сентября 1920 г. РСФСР признает самостоятельность и независимость ХСНР, отказываясь на вечные времена от прав, которые были установлены российским царизмом, передавая все принадлежащие Российской Республике и российским государственным учреждениям земли, водные пространства, городские участки, строения, заводы, фабрики, расположенные в пределах ХСНР, считая уничтоженными соглашения о концессиях и правах на землю и воду (ст. 1, 3, 4). В ст. 9 указывается, что территории ханства Хивинского входят в состав ХСНР в случае изъявления на то согласия свободно опрошенных трудящихся в аннексированных с 1872 г. районах [9, с. 128–129]. Аналогичные положения в части собственности, расположенной в пределах Бухарского ханства, содержал Союзный договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой от 4 марта 1921 г. [9, с. 145–149].

Между Азербайджанской Социалистической Советской Республикой и РСФСР 30 сентября 1920 г. был подписан договор о военно-экономическом союзе [9, с. 132–133]. 19 мая 1921 г. I Азербайджанским съездом Советов была утверждена Конституция [9, с. 149–161].

29 ноября 1920 г. Революционным комитетом Армении провозглашена Социалистическая Советская Республика Армения [9, с. 134–135] и 2 февраля 1922 г. I съездом Советов ССР Армении была принята Конституция [9, с. 163–172].

28 декабря 1920 г. между РСФСР и УССР, а 16 января 1921 г. между РСФСР и ССБР были подписаны договоры, согласно которым создавались объединенные народные комиссариаты РСФСР и УССР, РСФСР и ССБР, входящие в состав СНК РСФСР. Руководство и контроль объединенных комиссариатов осуществлялись через Всероссийские съезды Советов депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев [9, с. 142, 143].

21 мая 1921 г. между РСФСР и Грузинской ССР был подписан Союзный рабоче-крестьянский договор [9, с. 161–162], а 28 февраля 1922 г. I съездом Советов ССР Грузии была принята Конституция [9, с. 174–189].

24 января 1922 г. Президиум ЦИК ССР Белоруссии постановил, что все постановления и распоряжения объединенных народных комиссариатов по договору с РСФСР от 16 января 1921 г., а также других центральных учреждений РСФСР обязательны для Белоруссии при условии их опубликования в соответствующем порядке, тем самым признавая верховенство правовых актов РСФСР [9, с. 100–162].

12 марта 1922 г. между Азербайджаном, Арменией и Грузией заключается Союзный договор Закавказских Социалистических Советских Республик, признавая при этом суверенность каждой из республик [10, с. 189–190]. I Закавказским съездом Советов принята Конституция Закавказской Социалистической Федера-

тивной Советской Республики (ЗСФСР), где отражена приверженность образовать Союз Советских Социалистических Республик [9, с. 195–202].

Важное значение имело соглашение «О передаче РСФСР представительства советских республик на Общеевропейской экономической конференции», подписанное 22 февраля 1922 г. По данному соглашению советские социалистические республики (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Украина), Бухарская Народная Советская Республика, Хорезмская Советская Республика и Дальне-Восточная Республика передавали свои права в области внешних сношений делегации РСФСР на Генуэзской конференции с правом от их имени заключать международные договоры и соглашения [9, с. 172–174]. Тем самым республики признавали верховенство РСФСР в международных отношениях.

Согласно положениям конституций советских республик устанавливалась единая конструкция советской власти: высшей властью являются съезды рабочих, крестьянских и красноармейских (и матросских — в Конституции ЗСФСР) депутатов республик (съезды Советов), в период между съездами Советов — центральные исполнительные комитеты; общее управление делами советских республик принадлежит республиканским советам народных комиссаров.

В манифестах, декларациях о независимости республик, союзных договорах, конституциях отменялось право частной собственности на земли, средства производства, торговые предприятия, средства сообщения, банки; это и другое имущество объявлялось достоянием трудового народа (в Белоруссии, Грузии), собственностью всего рабочего народа (в Литве), государственной собственностью и передавалось безвозмездно трудящимся для обработки, их коллективам и советским хозяйствам (в Армении), передавалось в ведение Советов (в Латвии), признавалось собственностью республики (в ХСНР).

Принадлежность территории советских республик к бывшей Российской империи упоминается в союзных договорах РСФСР с Грузинской ССР, с ССБР, с УССР.

Политическое, экономическое, военное братское сотрудничество народов советских республик привело к объявлению 26 декабря 1922 г. X Всероссийским Съездом Советов своевременности объединения РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР в Союз Советских Социалистических Республик с сохранением права свободного выхода из Союза [9, с. 208–209].

В ходе гражданской войны (1918–1920 гг.) на территории Российской империи образовались самостоятельные суверенные государства и 30 декабря 1922 г. представители четырех вышеуказанных советских республик подписали Договор об образовании СССР, который действителен по настоящее время [10, с. 215–217]. В преамбуле Договора прямо указано, что республики объединяются в одно союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик. 9 января 1924 г. II съездом Советов Союза ССР был принят Основной закон (Конституция), который утвердил образование Союза ССР и включал в себя текст Декларации и Договора об образовании СССР [9, с. 225–236].

В последующем Союз ССР претерпевал изменения в составе. Территория РСФСР в Средней Азии была частично поделена, но, руководствуясь правом народов на самоопределение, путем подписания мирных договоров, межевания земель, преобразования народных республик в социалистические, народы России объединились в Союзе ССР, в составе которого к 1989 г. находилось 15 советских республик.

Таким образом, Советы Российской Республики, рискуя оказаться раздробленными, но руководствуясь справедливым правом народов на самоопределение, фактически реализовали его, принимая решение об образовании советских республик представителями трудящихся, крестьян, красноармейцев, матросов в

манифестах; в декларациях выражали добровольное стремление войти в состав единого Союза на территории бывшей Российской империи.

Упоминание в вышеприведенных документах слов «Россия», «РСФСР», «Российская Советская Республика», «Российская Федерация» признавалось равнозначным, поэтому Российская Федерация имеет исторические границы в пределах не только Союза ССР, но и Российской империи.

Разграничение компетенции между Союзом и союзными республиками, то есть передача части полномочий союзным органам является ограничением суверенитета, что прямо установлено в ст. 3 главы второй Договора об образовании СССР [9, с. 228]. Суверенитет республик был опосредованным через суверенитет Союза Советских Социалистических Республик и подразумевал независимость союзных республик от внешних лиц, суверенные права которых охраняет Союз.

Независимость советских республик в период формирования Союза ССР отлична от провозглашения независимости в период с 1989 по 1992 гг.

Статья 72 Конституции СССР 1977 г. предусматривала возможность выхода советских республик из Союза, а Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» устанавливал порядок принятия решения о выходе: путем проведения референдума *(народного голосования)* [13], то есть на основании решения носителей суверенитета. Помимо этого, в ст. 5 Конституции СССР 1977 г. установлено, что наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум).

Референдумы о выходе из состава СССР в советских республиках не проводились. В отсутствие таких референдумов и вопреки результатам Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. о

сохранении Союза ССР как *обновленной* федерации *равноправных суверенных республик* [14], высшие должностные лица республик СССР в период с 1989 по 1992 гг. принимали декларации о независимости республик.

По мнению Шахрая С. М., прозвучавшем в докладе «Невыученные уроки распада СССР: вызов историкам» в пленарном заседании VI Московской юридической недели 22 ноября 2016 г. [2, с. 11], Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. перестал действовать вовсе, поскольку в Конституции СССР 1977 г. он как таковой отсутствует, тогда как в ранее действовавших Конституциях 1924 г. и 1936 г. договор являлся их составной частью. Поэтому при выходе из Союза ССР в 1989–1992 гг. высшие должностные лица советских республик принимали декларации об их независимости.

Восстанавливая «полный» суверенитет путем принятия деклараций о независимости до выхода из Союза, республики тем самым заявляли, что прекращают подчинение верховенству Конституции СССР и выступают в международных отношениях самостоятельно. Однако восстановление суверенитета без проведения референдума, то есть без учета мнения учредителей — носителей суверенитета, противоречит закону Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I, юридически республики находятся в составе Союза ССР.

При этом следует иметь в виду, что власть Советов образована в результате революции, тогда как Николай II в 1905 году положил начало преобразованию верховной власти самодержца путем проведения реформ на основе выборов, допустив к ним всех жителей территории, на которую распространялся его личный суверенитет.

Вместе с тем Советы национализировали частные банки [9, с. 34]; предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным круп-

ным предпринимателям [9, с. 51–52, 62]; внешнюю торговлю [9, с. 68–72], а также имущество императора Николая II, императриц Александры и Марии Федоровны и всех членов российского императорского дома [9, с. 88]; аннулировали государственные займы [9, с. 52]; отменили собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы [9, с. 53–54, с. 62], объявив перечисленные и иные объекты всенародным достоянием [9, с. 11–14].

В результате передачи верховной власти самодержца — императора Всероссийского его подданным и обращения Советами в собственность всех жителей территории Российской империи (ставшей Российской Республикой и впоследствии Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой) объектов движимого и недвижимого имущества, земель, недр, воды, леса и живых сил природы, жители территории Российской империи получили статус держателя, обладающего личным суверенитетом.

Правовыми последствиями такой передачи верховной власти является следующее.

Поскольку союзные республики образованы на территории Российской империи, поскольку Советский Союз — единое неделимое государство, обладающее суверенитетом на основании суверенитета его жителей на всей территории Союза ССР, то декларативное провозглашение независимости и выход союзных республик из состава СССР не предполагает переход общенародной собственности Союза ССР республикам как самостоятельным субъектам прав.

В результате правовых тонкостей перехода верховной власти от императора всем жителям Российской империи, ставших носителями суверенитета, учредивших СССР и приобретших с Союзом правовую связь (права гражданства), последние владеют всем движимым, недвижимым имуществом, землями, недрами, водами, лесами и живыми силами природы в границах СССР, что было провозглашено в статьях 10, 11 Конституции СССР 1977 г. [10].

Однако в силу отсутствия упоминания собственника перечисленного достояния в Конституции РФ, в уставных документах субъектов Федерации и муниципальных образований, реализовать владение и пользование как права держателей верховной власти в полной мере в настоящее время невозможно [20, с. 175].

Таким образом, изложенные правовые основы суверенитета жителей территории Российской империи и впоследствии Союза ССР, в юрисдикции Российской Федерации ограничены и не нашли отражения в Конституции 1993 года. С целью восполнения указанного пробела, отражающего идею Ж. Бодена о гармонических взаимоотношениях по образу природы, что было реализовано Советами, необходимо обсуждение указанной проблематики не только в научном сообществе, но и с жителями стран в границах СССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ардашев, П. Н. Абсолютная монархия на Западе. — Санкт-Петербург: Изд. Акц. общ. «Брокгауз-Ефронъ», 1902.*
2. *Арзуманова, Л. Л. Итоги VI Московской юридической недели (XI Кутафинские чтения и XVII Ежегодная международная научно-практическая конференция юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1.*
3. *Барташок М. Римское право (понятия, термины, определения) / пер. с чешск. — Москва: Юрид. лит., 1989.*
4. *Баязитова, Г. И. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена / Г. И. Баязитова, Д. С. Митюрёва: монография. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012.*
5. *Боден, Ж. Метод легкого познания истории / пер. М. С. Бобковой. — Москва: Наука, 2000.*

6. *Боден, Ж. Метод легкого чтения историй. — [в 3 т.]; пер. с лат.; науч. ст., коммент., сост. указ. Кривушина И. В. и Кривушиной Е. С. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.*
7. *Историческое обозрение российско-американской компании и действия ея до настоящего времени. Часть 1. Составил П. Тихменев. — Санкт-Петербург: изд. типографии Э. Ваймара, 1861.*
8. *История политических и правовых учений: учебник для вузов/под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — [4-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Норма, 2004.*
9. *История Советской Конституции: сборник документов: 1917–1957 / АН СССР, Ин-т права им. А. Я. Вышинского; отв. ред. Д. А. Гайдуков, В. Ф. Коток, С. Л. Ронин. — Москва: Изд-во АН СССР, 1957.*
10. *Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 (в ред. Закона СССР от 21.12.1989 № 974-I) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.*
11. *Красняков, Н. И. Интеграция этносов и регионов в единое политико-правовое пространство: к характеристике научной категории «империя» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2009. — Вып. 9.*
12. *Лакиер, А. История титула государей России // Журнал Мин. нар. просв. — 1847. — № 10–11.*
13. *О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР: закон СССР от 03.07.1990. № 1409-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 15. — Ст. 252.*
14. *Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года: постановление Верховного Совета СССР от 21.03.1991 г. № 2041-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 13. — Ст. 350.*
15. *Определение «суверенитет» [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. — [сайт]. — URL: http://bse.sci-lib.com/article107296.html (дата обращения: 30.04.2023).*
16. *Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. С 1784 по 1788. От № 15902 до 16738. — Санкт-Петербург: Типография Вто-*

рого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

17. *Российское законодательство X–XX веков. — [в 9 т.]. — Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О. И. Чистяков. — Москва: Юрид. лит., 1994.*
18. *Словарь Академии Российской. Ч. III. От З. до М. — Санкт-Петербург, 1792.*
19. *Стоянов, А. Н. Этюды по всеобщей истории права (из лекций, читанных в 1884 г.) // Записки Императ. Харьк. Универ. — 1894. — IV вып. ч. неоффиц.*
20. *Толмачева, Е. Н. Государственно-правовая форма России конца XX–начала XXI вв. через призму трансформации правоотношений государственной (общенародной) собственности: сб. статей конференции IV Сочинские юридические чтения / отв. ред. И. А. Иванников, А. Н. Ратьков. — Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2022.*

BRIEF

THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY ND ITS IMPLEMENTATION IN MODERN CONDITIONS OF RUSSIA

Tolmacheva E. N.,
Lawyer, Sakhalin Law Chamber,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

Abstract. *The article analyzes the concept of sovereignty in a historical aspect, focusing on the conditions for the formation of the idea of sovereignty by J. Bodin during the civil wars on the basis of religious differences, mainly for the throne and title of King of France in the second half of the 16th century. The historical and legal foundations of the sovereignty of the peoples of Russia are considered as a result of Nicholas II granting the inhabitants*

of the territory of the Russian Empire, which was subject to the personal sovereignty of the emperor, civil liberties, the resignation of supreme power and the subsequent formation of the Union State, realizing the right of peoples to self-determination.

Key words: *sovereignty; Jean Bodin; emperor; Russian Empire; Union SSR; the right of peoples to self-determination.*

Аналогия как способ преодоления пробелов в уголовном судопроизводстве

Чембарисов Т. И.,
Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России, г. Уфа, Россия, e-mail: Timaufa@yandex.ru

Галимов Э. Э.,
старший преподаватель, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, e-mail: erikkgalimov@mail.ru

УДК 343.13

Аннотация. *В статье авторами рассматривается вопрос применения аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве, отмечены условия применения аналогии. Проведен анализ научных исследований других авторов по затронутой проблеме. Авторами делается вывод о том, что для повышения эффективности борьбы с пробелами в УПК РФ, необходимо законодательно закрепить институт аналогии в структуре УПК РФ.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; институт аналогии; уголовно-процессуальный закон; аналогия закона; уголовно-процессуальное право; аналогия права; преодоление пробелов.*

Как отмечает В. В. Шаршаков, аналогия давно представляет собой обособленный институт. Ее значение, как одного из способов восполнения пробелов в уголовно-правовом законодательстве, сложно переоценить. В. В. Шарша-

ков предлагает законодательно закрепить аналогию в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, что будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства [5, с. 246].

Рассматривая аналогию, А. А. Барыгина и И. В. Федорова отмечают, что отсутствие законодательного закрепления аналогии в рамках уголовно-процессуального законодательства нисколько не мешает правоприменителю ею пользоваться. Вместе с тем, по мнению указанных авторов, возможность использования аналогии закона возможна только в случае, если не ухудшается правовое положение участников уголовного судопроизводства [1, с. 538].

Итак, правовая природа аналогии закона обуславливается неполнотой законодательного регулирования. Соответственно, аналогия закона возможна только в том случае, если законодатель не урегулировал конкретное общественное отношение, но в то же время существует норма, которая регламентирует сходные общественные отношения. Отдельные авторы предлагают ассоциировать аналогию закона как последствие имеющегося в законодательстве пробела, таким образом, указывая на то, что аналогия не может создавать пробел, а является лишь способом его преодоления [3, с. 91].

В различных отраслях права существуют нормы, которые либо запрещают аналогию закона, либо ее разрешают. Так, в гражданском праве, а именно в положениях ст. 6 ГК РФ отмечено: «В случаях, когда отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла граждан-

ского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» [2].

В положениях ст. 3 УК РФ прямо закреплен запрет применения аналогии закона. Таким образом, анализ показывает, что ст. 3 УК РФ — это единственная норма, которая содержит в себе прямой запрет на применение аналогии закона. Указанная позиция законодателя основана на том, чтобы не допустить создания условий для произвольного толкования уголовного закона, что может повлечь необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности.

В рамках уголовно-процессуального законодательства отсутствует норма, которая разрешает или запрещает аналогию закона. В связи с этим в уголовно-процессуальной науке мнения ученых относительно возможности применения аналогии закона в уголовно-процессуальном праве разделились. Одни ученые утверждают, что запрет применения аналогии закона в рамках материальной отрасли свидетельствует о наличии запрета и в рамках уголовного процесса. Другие ученые настаивают на возможности применения аналогии закона в рамках уголовно-процессуального права.

Н. О. Овчинникова полагает, что применение института аналогии в рамках уголовного судопроизводства нельзя рассматривать как нарушение его принципов и неправильное применение норм уголовно-процессуального права. При условии законодательной регламентации пределов применения аналогии и участников уголовного судопроизводства, уполномоченных на ее применение, данный способ преодоления пробелов принесет положительные результаты [4, с. 161].

По нашему мнению, на сегодняшний день, когда уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм о возможности применения аналогии закона или права в рамках уголовного судопроизводства, существуют большие риски в процессе

использования аналогии закона или права в рамках правоприменения в плане получения негативной оценки деятельности со стороны вышестоящих инстанций, а также риск отмены принятого решения ввиду его необоснованности.

Вместе с тем в процессе правоприменения необходимо учитывать, что аналогия закона и права есть исключительные средства преодоления пробелов в праве, требующие соблюдения ряда условий для правильного их применения. В общей теории права исследователи выделяют несколько условий.

Для того чтобы применить аналогию права, необходимо:

— установить, что данная жизненная ситуация имеет юридический характер и требует правового решения;

— убедиться, что в законодательстве отсутствует конкретная норма права, призванная регулировать подобные случаи;

— отыскать в законодательстве норму, регулирующую сходный случай, и на ее основе решить дело (аналогия закона), а при отсутствии таковой опереться на общие принципы права и на его основе решить дело (аналогия права);

— в решении по делу дать мотивированное объяснение причин применения к данному случаю аналогии закона или аналогии права [5, с. 247].

Необходимо отметить, что суд или иной правоприменительный орган, применяя институт аналогии, сначала должен попытаться найти сходные нормы в нормативных актах той же отрасли права, и только в случае отсутствия таковой возможно обращение к нормам другой отрасли права или законодательства в целом.

Разумеется, перечисленные выше условия являются общими для всех отраслей права. Применение института аналогии в отдельно взятой отрасли права должно быть конкретизировано требованиями и обстоятельствами, исходя из специфики рассматриваемых общественных отношений.

На наш взгляд, аналогия все-таки является инструментом, созданным искусственно с целью преодоления пробелов в праве. Только законодатель уполномочен установить дозволение или запрет на применение аналогии в той или иной отрасли права.

Таким образом, в рамках рассматриваемой проблемы преодоления пробелов в рамках уголовно-процессуального права путем применения аналогии права или закона необходимо легальное закрепление указанной процедуры в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Исходя из изложенного, считаем возможным согласиться с Н. О. Овчинниковой в том, что условиями применения аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве являются:

— наличие действительного пробела в системе норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения;

— применение аналогии надлежащим субъектом;

— ориентация на сходные правоотношения, урегулированные нормами УПК РФ;

— строгое соблюдение принципов уголовного судопроизводства;

— недопущение ограничения или ущемления прав и интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве [4, с. 174].

Только указанные составляющие способны реализовать условия применения аналогии закона или права в рамках уголовного судопроизводства, в совокупности с прямым указанием законодателя в положениях УПК РФ на такую возможность.

Применение аналогии не должно увеличивать или уменьшать объем прав и обязанностей участников процесса и влечь выполнение не принадлежащих им функций. Случаи применения аналогии должны быть однотипными, непосредственно предусмотренными применяемым законом. Следует убедиться также в том, что подлежащие регулированию обстоятельства на-

ходятся в сфере общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

До настоящего времени спорными являются вопросы о круге лиц, которых следует наделить правом на применение аналогии в уголовном судопроизводстве, и об объеме их полномочий.

В науке уголовного процесса существует мнение о том, что применение аналогии должно находиться в исключительной компетенции суда, так как это позволит предотвратить произвольное применение аналогии или ее применение в личных интересах. Но тогда возникает вопрос о том, каким образом нужно будет действовать органам предварительного расследования и прокурору, если при производстве по уголовному делу они столкнутся с пробелом закона, который можно преодолеть только при помощи аналогии: возбудить перед судом ходатайство о применении аналогии или вообще не предпринимать никаких действий?

Таким образом, в уголовно-процессуальном праве допустимо применение как аналогии права, так и аналогии закона. В случае отсутствия нормы, регулирующей возникшие в ходе уголовного судопроизводства отношения, применяется норма уголовно-процессуального права, регулирующая сходные правоотношения (аналогия закона). В случае же невозможности применения аналогии закона ввиду отсутствия соответствующей уголовно-процессуальной нормы, для урегулирования возникающих правоотношений могут применяться общие начала уголовно-процессуального права, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, которые являются составной частью национального законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство.

Отсутствие специальных систематизированных норм об аналогии в уголовно-процессуальном законе не свидетельствует о ее недопустимости. Возможность применения данного института

при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности закреплена в правовых позициях Конституционного Суда России, сформулированных им в рамках конституционного контроля за соответствием норм УПК РФ Основному закону государства.

Хотя применение права (закона) по аналогии не ликвидирует пробел (он лишь однократно преодолевается в каждом конкретном случае), правовое обеспечение данного института в рамках УПК РФ в значительной степени поможет преодолению пробелов в данной отрасли российского законодательства, способствуя его более эффективному применению.

В заключение следует указать, что в рамках способов преодоления пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве нужно рассматривать институт аналогии закона или аналогии права. Вместе с тем, когда речь идет об аналогии закона, следует для преодоления пробела в уголовно-процессуальном праве использовать сходную норму УПК РФ, а с точки зрения применения аналогии права — сходную норму смежной отрасли права. Необходимо иметь в виду, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует разрешительная норма на применение аналогии закона или права в рамках уголовно-процессуальной деятельности. В некоторых случаях преодоление пробелов законодательства с использованием аналогии может привести к отмене отдельных решений, принятых на основе аналогии. Кроме того, закон никоим образом не регламентирует субъектный состав, который вправе пользоваться рассматриваемым способом преодоления пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве. Таким образом, для повышения эффективности борьбы с пробелами в уголовно-процессуальном плане необходимо законодательно закрепить институт аналогии в структуре УПК РФ. Однако необходимо иметь в виду, что рассматриваемый институт не поможет устранить пробел, а только лишь поспособствует его преодолению в каждом конкретном случае.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Барыгина, А. А. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве / А. А. Барыгина, И. В. Федорова // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 1. — С. 536–543.*
2. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.*
3. *Кононенко, В. И. Аналогия в уголовном процессе // Российское правосудие. — 2018. — № 12. — С. 89–94.*
4. *Овчинникова, Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России: монография. — Москва, 2018. — 198 с.*
5. *Шаршаков, В. В. Аналогия закона и права как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Студенческие научные достижения: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза, 2019. — С. 245–249.*

BRIEF

ANALOGY AS A WAY TO OVERCOME GAPS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Chembarisov T. I.,
Ufa Training School specialist dog handlers of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Galimov E. E.,
Senior lecturer, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Abstract. *In the article, the authors consider the issue of the application of the analogy of law and analogy of law in criminal proceedings, the condi-*

tions for the application of analogy are noted. The analysis of scientific research by other authors on the affected problem is carried out. The authors conclude that in order to improve the effectiveness of combating gaps in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it is necessary to legislate the institution of analogy in the structure of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: *criminal proceedings; institute of analogy; criminal procedure law; analogy of law; criminal procedure law; analogy of law; overcoming gaps.*

Понятие и содержание оперативно-розыскного преследования личности

Чупилкин Ю. Б.,
кандидат юридических наук, доцент,
ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: yury.chupilkin@gmail.com

УДК 343.98

Аннотация. *В статье автором дано понятие и содержание оперативно-розыскного преследования личности. Обозначены отличия оперативно-розыскного от уголовного преследования личности.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскное преследование; оперативно-розыскные мероприятия; ОРД; уголовное преследование.*

Категория «оперативно-розыскное преследование» (далее — ОРП) как одно из направлений оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) выделена и введена в оборот в научных исследованиях, проведенных О. Д. Жуком, применительно к членам различных организованных преступных групп. О. Д. Жук наделяет ОРП рядом признаков:

— проведение в отношении конкретной личности, с использованием принципа «от лица — к преступлению»;

— обладание специфическими целями, заключающимися в том, чтобы результаты ОРП в дальнейшем использовать в ходе уголовного преследования данного лица при доказывании его

виновности, чтобы привлечь его к уголовной ответственности [1, с. 18, 19–20].

Рассматриваемая категория ОРП не получила закрепления в законодательстве и широкого употребления в правовой науке. Вызвано это тем, что в научном сообществе нет единства взглядов по вопросу о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной видов правоохранительной деятельности.

Одни ученые в своих работах придерживаются мнения о том, что ОРД органов дознания по установлению события преступления и оснований к возбуждению уголовного дела является началом уголовного преследования личности [2, с. 222; 3, с. 34; 4, с. 8; 5, с. 24]. Так, А. В. Федотовым обращается внимание на то, что терминологическое словосочетание «уголовное преследование» по своему содержанию означает «идти по следу», а это является показателем того, что оно включает в себя и оперативно-розыскное содержание [6, с. 21].

В. А. Лазарева отмечает, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий (оперативного эксперимента и проверочной закупки) в отношении личности следует учитывать, что ОРМ направлены на выявление и установление фактов и обстоятельств, изобличающих лицо в преступной деятельности, поэтому проведение ОРМ следует рассматривать как уголовное преследованию [7, с. 73].

По мнению С. В. Зуева, уголовное преследование личности начинается с того момента, когда оперативно-розыскные органы в отношении определенного лица или лиц, готовящих, совершающих или совершивших преступления, заводят дела оперативного учета. Т. е. уголовное преследование может осуществляться не только в отношении лиц, фактически подозреваемых в совершении преступления, но и в отношении тех лиц, которые находятся в оперативной разработке, как лица, в отношении которых имеются основания полагать, что они занимаются преступной деятельностью [8, с. 28].

Ряд ученых придерживаются противоположного мнения, которое заключается в том, что ОРД — это не процессуальная деятельность, поэтому она не может рассматриваться, как разновидность уголовного преследования личности [9, с. 6; 10 с. 52–53; 11, с. 41].

Данная позиция подтверждается следующими аргументами. Во-первых, ОРД является самостоятельной отраслью российского права, регламентированной ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее также — ФЗ Об ОРД) и рядом нормативно-правовых актов гласного и негласного характера, предусматривающих процедурный механизм проведения оперативно-розыскных мероприятий. Во-вторых, ОРМ не могут проводиться в отношении неопределенного круга лиц и должны быть проведены только в отношении конкретной личности, заподозренной в преступной деятельности. Это положение нашло подтверждение в решениях ЕСПЧ (например см.: Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России»).

В-третьих, проведение ОРМ допускается строго в определенных целях. Так, А. Е. Чечетин специально обращает внимание на тот факт, что обязательным признаком ОРМ является нацеленность на выявление фактических данных, которые необходимы для решения задач ОРД [12, с. 67]. В-четвертых, помимо целевого назначения, начало и окончание проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретной личности ограничены разумными сроками.

В УПК РФ также не предусмотрен процессуальный порядок представления результатов ОРД. В статье 89 УПК РФ, определяющей использование в доказывании результатов ОРД, говорится лишь о том, что в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Позиция законодателя о том, что уголовное преследование начинается только после того, когда будет реализовано процессуаль-

ное решение о приобретении статуса подозреваемого или обвиняемого (п. 22 ст. 5 УПК РФ) разделяется рядом ученых [13, с. 9; 14 с. 7].

Вместе с тем позиция высших судебных органов заключается в том, что моментом начала уголовного преследования в отношении лица является производство одного из процессуальных действий, которые предусмотрены частью первой 1^1 статьи 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым [15; 16; 17].

Определить начало уголовного преследования бывает довольно сложно. Особенно это касается стадии возбуждения уголовного дела, когда имеет место фактическое задержание и доставление лица в правоохранительный орган. Например, в результате разбирательства и проверки факта задержания может быть принято решение об освобождении личности, о применении к ней административного преследования, о принесении личности извинений в связи с допущенными ошибками сотрудников правоохранительных органов, что не повлечет уголовного преследования. Ситуация в виде фактического задержания и доставление в правоохранительный орган должна рассматриваться как начало фактического уголовного преследования, требующего разбирательства, проверки и принятия решения в течение трех часов с момента доставления (ст. 92 УПК РФ).

В качестве основного критерия, позволяющего разграничить уголовное преследование и оперативно-розыскное, следует рассматривать уголовно-процессуальные правоотношения, которые служат основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Это поможет в ряде случаев определить начало уголовного преследования личности. В качестве такого основания следует рассматривать отдельное поручение следователя (дознавателя) на производство ОРМ, поскольку между следователем (дознавателем) и органом дознания в лице оперативно-розыскного

органа наступают уголовно-процессуальные отношения. Так, если основанием для проведения ОРМ является отдельное поручение следователя или дознавателя, то имеются все данные для того, чтобы проводимые ОРМ рассматривать, как разновидность уголовно-процессуального преследования личности, поскольку начинают действовать уголовно-процессуальные отношения между следователем (дознавателем) и органом дознания в лице оперативно-розыскного органа.

Если же ОРМ в отношении личности проводятся по инициативе оперативно-розыскных органов до возбуждения уголовного дела, то их следует рассматривать, в качестве самостоятельного оперативно-розыскного преследования личности. Поэтому представляется правильным, что оперативно-розыскное преследование должно рассматриваться в качестве самостоятельного направления оперативно-розыскной деятельности.

Нормативное закрепление целей ОРД акцентирует внимание на защите от преступных посягательств (ст. 1 ФЗ Об ОРД), что позволяет многим ученым и практикам рассматривать возможность использования результатов ОРД только в уголовном судопроизводстве. Однако такое утверждение представляется дискуссионным, поскольку ФЗ Об ОРД регулирует деятельность не только по раскрытию преступлений, но и по их выявлению и предупреждению, а также по проведению проверок в отношении определенного круга лиц при решении вопроса об их трудоустройстве. Соответственно, если выявленные противоправные нарушения не подпадают под признаки преступления, а в них усматриваются административные проступки, то результаты ОРД могут являться основанием для привлечения лиц, совершивших правонарушение, к административной ответственности.

Результаты ОРД могут быть также переданы и в налоговый орган в целях использования полномочий по контрольно-надзорной деятельности за соблюдением законодательства о на-

логах и сборах, для реализации полномочий по представлению государственных интересов в делах о банкротстве, а также при государственной регистрации юридических лиц [18].

Более того, учеными в научной литературе справедливо отмечается, что ряд норм ФЗ Об ОРД, в частности, ч. 2 и 3 ст. 7, ст. 8.1 определяют порядок проведения ОРМ, не связанных с решением уголовно-процессуальных задач [19, с. 44; 20, с. 37; 21, с. 23]. Если в результате проводимых ОРМ, лица, планирующие совершение преступлений, откажутся от своего умысла на совершение преступлений, то оперативно-розыскными подразделениями будут все-таки выполнены цели и задачи ОРД по предупреждению преступлений и, соответственно, отпадет необходимость подвергать таких лиц уголовному преследованию.

Помимо использования результатов ОРД в уголовном и оперативно-розыскном процессах, представляются вполне обоснованными мнения ученых о необходимости выделения дополнительных направлений по использованию результатов ОРД: 1) при принятии административных (управленческих) решений; 2) при реализации отдельных полномочий налоговых органов; 3) в рамках арбитражного судопроизводства.

Содержание понятия «оперативно-розыскное преследование» является более узким по отношению к «результатам ОРД», поскольку представляет собой сведения, полученные в результате проведенных ОРМ об источниках и фактах, указывающих на признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления конкретным лицом, которые могут быть использованы в ходе дальнейшего уголовного преследования.

Под оперативно-розыскным преследованием предлагается понимать деятельность специально уполномоченных на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» субъектов, осуществляемую в отношении заподозренного в совершении противоправной деятельности лица с целью выявления, предупреждения

и раскрытия правонарушений. Оперативно-розыскное преследование личности носит целенаправленный характер, чтобы проверить причастность конкретного лица к преступной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами: современные проблемы теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Москва, 2004. — 376 с.*
2. *Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе // Известия вузов. Правоведение. — 2000. — № 3. — С. 221–222.*
3. *Досанов, Р. К. Уголовное преследование (по законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2004. — 216 с.*
4. *Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Нижний Новгород, 2004. — 193 с.*
5. *Королев, Г. Н. Начальный момент уголовного преследования // Законность. — 2005. — № 5. — С. 22–24.*
6. *Федотов, А. В. Сущность и содержание понятия «уголовное преследование» в современном российском уголовно-процессуальном праве // История государства и права. — 2009. — № 2. — С. 19–22.*
7. *Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. — [3-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Юрайт, 2017. — 233 с.*
8. *Зуев, С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами*

(преступными организациями): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Москва, 2010. — 447 с.

9. *Чувилев, А. А. Оперативно-розыскное право. — Москва, 1999. — 80 с.*
10. *Халиулин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы). диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.09 / Халиулин А. Г. — Москва, 1997. — 261 с.*
11. *Шманатова, В. Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Самара, 2004. — 237 с.*
12. *Чечетин, А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. — 232 с.*
13. *Григоренко, И. И. Механизм реализации уголовного преследования в российском судопроизводстве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Воронеж. 2006. — 237 с.*
14. *Шишкина, Е. В. Институт уголовного преследования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Волгоград. 2008. — 215 с.*
15. *Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»//СПС «Гарант».*
16. *Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» // СПС «Гарант».*
17. *Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права*

на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «Гарант».

18. *Приказ МВД России и ФНС от 29 мая 2017 г. № 317/ММВ-7–2/481@ «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налоговому органу» // СПС «Гарант».*
19. *Гусев, В. А. Становление и перспективы развития оперативно-розыскной отрасли права // История государства и права. — 2010. — № 14. — С. 40–44;*
20. *Кузнецов, Е. В. Предпосылки, обусловливающие формирование отрасли оперативно-розыскного права» // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2013. — № 4 (67). — С. 28–38;*
21. *Гирько, С. И. О правоотношениях, процедурах и оперативно-разыскном праве / С. И. Гирько, В. Ф. Луговик, В. А. Гусев // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 4 (44). — С. 19–25.*

BRIEF

THE CONCEPT AND CONTENT OF OPERATIONAL–INVESTIGATIVE PROSECUTION OF A PERSON

Chupilkin Y. B.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
IURIU RANEPA under the President of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *In the article, the author gives the concept and content of operational-investigative persecution of a person. The differences between operational-investigative and criminal prosecution of an individual are indicated.*

Key words: *operational-search prosecution; operational-search measures; ORD; criminal prosecution.*

Организационно-правовые проблемы участия инвалидов в избирательном процессе

Уваров А. А.,
доктор юридических наук, профессор,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: uvarov.al@mai.ru

УДК 342.8

Аннотация. *Участие граждан-инвалидов в выборах обусловлено мешающими им полноценно реализовать это политическое право дефектами здоровья. Обязанность государства посредством законодательного регулирования и необходимых организационных мер создать им условия максимально нейтрализующие физические препятствия на пути к реализации этого права. Автор анализирует меры направленные на оказание содействия избирателям-инвалидам, отмечая необходимость более дифференцированного и полного воплощения интересов граждан с ограниченными физическими возможностями в избирательном процессе.*

Ключевые слова: *избиратели; инвалиды; гарантии избирательных прав.*

Конституционно-правовой статус гражданина в любом демократическом государстве неотъемлем от его права свободно и на равноправной основе участвовать в формировании выборных органов власти этого государства. Однако порой существуют естественные, связанные с инвалидностью того

или иного гражданина ограничения, не позволяющие ему в полной мере и самостоятельно реализовать это право. Легальное определение дефиниции «инвалид», закреплено в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Согласно статье 1 данного закона инвалидом признается «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты». Согласно статистическим данным, в России насчитывается более 12 млн граждан с инвалидностью, из них более 10 млн являются избирателями. Исходя из того, что активным избирательным правом в Российской Федерации обладает около 100 млн граждан, можно утверждать, что каждый десятый избиратель — гражданин с инвалидностью. Данная группа относится к незащищенным слоям населения, которые пользуются активным и пассивным избирательным правом [3, с. 37]. Таким образом, актуальность вопроса обеспечения надлежащих условий для голосования лиц с ограниченными возможностями в России не вызывает сомнений [2, с. 234]. На законодательном уровне этот вопрос привлек особое внимание после подписания Конвенции о правах инвалидов (Нью-Йорк, 13 декабря 2006 г.) В связи с этим законом от 14.06.2011 г. № 143-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — ФЗ № 67). Данные изменения касались требований о представлении избирательным комиссиям сведений о численности инвалидов, о возможности и порядке заполнения заявления о выдвижении инвалида в качестве кандидата на выборную должность другим лицом, об информировании инвалидов по зрению о выборах с применением рельефно-точечного шрифта Брайля, о специаль-

ных трафаретах для самостоятельного заполнения инвалидами по зрению избирательных бюллетеней, о предоставлении права расписаться за полученный бюллетень и заполнить его по просьбе избирателя-инвалида с помощью другого лица и др.

Наиболее полным, системообразующим правовым актом в данной сфере является постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 29.07.2020 № 262/1933–7 «О рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» (далее — Рекомендации). Обращает на себя внимание то, что согласно п. 1.4. Рекомендаций в период подготовки и проведения выборов особенности деятельности избирательных комиссий связаны только со следующими категориями инвалидов: слепые и слабовидящие; глухие; слепоглухие; с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Так, в соответствии с пунктом 16^1 ст. 20 ФЗ № 67 сведения о численности на соответствующей территории избирателей, являющихся инвалидами, включая инвалидов, использующих кресла-коляски и собак-проводников, по группам инвалидности и следующим видам стойких расстройств функций организма: зрения (слепые и слабовидящие), слуха (глухие), опорно-двигательного аппарата (лица, имеющие значительно выраженные нарушения функций верхних конечностей или нижних конечностей) представляются по состоянию на 1 января и 1 июля каждого года в течение соответствующего месяца Пенсионным фондом Российской Федерации на основании сведений федерального реестра инвалидов. Даже на основе вышеперечисленных правовых актов можно отметить, что вопросам об избирательных правах инвалидов уделено существенное внимание с учетом гарантий, закрепленных в международных договорах [1, с. 82]. Однако для не владеющих специальными знаниями в области медицины людей не совсем понятно, охватывается ли вышеперечисленными категориями

инвалидности все группы людей с ограниченными возможностями в силу дефектов здоровья, которые препятствуют их участию в избирательном процессе? В этой связи представляется целесообразным обратиться в Минздравсоцразвития РФ с предложением разработать перечень заболеваний, связанных с инвалидностью, препятствующих реализации их прав по самостоятельному голосованию на выборах органов власти. Ограничение участия инвалидов в голосовании может быть обусловлено как нарушением двигательных функций организма, так и пороками их воли. Если в первом случае можно выработать для подтверждения воли таких избирателей перечень соответствующих конклюдентных действий, то при пороках воли (невозможность уяснить смысл обращения или адекватно отразить по нему свою волю) нарушается один из главных принципов свободы волеизъявления избирателей. Последние де-факто лишены возможности участия в выборах, несмотря на то, что де-юре они числятся как дееспособные граждане, поэтому всякое организационно-техническое содействие в обеспечение голосования таких избирателей со стороны других посторонних лиц не может быть оценено иначе как фальсификация воли лица, от имени которого производится голосование (в данном случае под фальсификацией понимается и отсутствие воли «голосующего» лица, а точнее, — замена ее на волю лица, его представляющего).

Другой не менее важный вопрос участия инвалидов в избирательном процессе связан с местом их голосования (в помещении избирательной комиссии, или в помещении постоянного (временного) проживания). Международная конвенция о правах инвалидов декларирует принцип полного и эффективного вовлечения и включения инвалидов в общество (п. «с» ст. 3), а на государство-участника возлагается обязанность обеспечения условий «разумного приспособления», т. е., когда это нужно в конкретном случае, создание необходимых и подходящих мо-

дификаций и корректив, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод (ст. 2). В развитие и в целях обеспечения этих положений Рекомендации Центризбиркома РФ содержат такие предписания: «Комиссиям при оборудовании избирательных участков и помещений для голосования следует учитывать, что инвалиды участвуют в выборах на равных условиях с иными гражданами, однако для них необходимо создавать специальные условия, позволяющие им реализовывать свои права в полном объеме. Для наибольшей интеграции избирателей, являющихся инвалидами, в общественно-политическую жизнь избирательным комиссиям следует учитывать, что личное посещение инвалидами помещений для голосования избирательных участков должно быть приоритетным при выборе реализации ими активного избирательного права в день голосования» (п. 8.1). С этой целью и были внесены уже упомянутые выше поправки 2011 г. в ФЗ № 67. Особое внимание при этом уделено инвалидам по зрению и инвалидам, пользующимся креслами-колясками, для которых оборудуются специальные кабины для тайного голосования, приспособленные для голосования этих инвалидов вместе с сопровождающими, в том числе средства оптической коррекции (лупы, лупы с подсветкой и др.), дополнительное освещение, стулья. Разумеется, основная нагрузка по обеспечению прав избирателей-инвалидов возлагается на избирательные комиссии которые могут оказывать консультативную, юридическую помощь избирателям с инвалидностью, используя возможности общественных «горячих линий», связи с избирателями, в том числе средств факсимильной, мобильной связи и интернет-ресурсов избирательных комиссий; при этом привлекать для данной работы представителей общественных организаций инвалидов, волонтеров (п. 7.2 Рекомендаций). Избирательным объединениям,

кандидатам, участвующим в выборах, рекомендовано обращать особое внимание на информационную работу с избирателями, являющимися инвалидами, и изготавливать: для слепых избирателей — агитационные материалы в аудиоформате, в том числе в режиме радиовещания, печатные агитационные материалы крупным шрифтом и/или шрифтом Брайля; для глухих избирателей — агитационные материалы (видеоролики) с субтитрами и/или сурдопереводом (п. 7.8).

Конечно, возможности адаптировать волю избирателя-инвалида на избирательном участке в день голосования достаточно велики. Но даже при условии, что соответствующие избирательные комиссии или общественные организации (волонтеры) возьмут на себя обязанности по сопровождению маломобильных инвалидов на избирательный участок и обратно,— не будет ли более гуманно дать возможность голосовать им в своем помещении по месту жительства (пребывания)? Согласно п. 10.3 Рекомендаций избиратели, являющиеся инвалидами, не имеющие возможности прибыть в помещение для голосования, в соответствие со ст. 66 ФЗ № 67 имеют право обратиться в участковую избирательную комиссию с письменным заявлением, в том числе поданным с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», или устным обращением (в том числе переданным при содействии других лиц) о предоставлении им возможности проголосовать вне помещения для голосования. При этом заявление (устное обращение) может быть передано в комиссию по просьбе избирателя другим лицом (например, родственником, соседом, работником органа социальной защиты населения, волонтером, а если избиратель находится в организации, осуществляющей стационарное социальное обслуживание,— через работников этой организации) (п. 11.3).

Несомненно, практика проведения выборов в органы власти, в том числе и по вопросу участия в них избирателей-инвалидов, ставит всё новые вопросы, которые могут и не содержать ответов в действующих нормативных актах и разъяснениях к ним. В этой связи многие такие вопросы решаются с использованием различных форм взаимодействия вовлеченных в избирательный процесс структур. Так, в пункте 1.20 Плана работы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, утвержденного Постановлением ЦИК РФ от 21.12.2022 № 104/817–8, указано, что ЦИК РФ взаимодействует с общероссийскими общественными организациями инвалидов по вопросам обеспечения избирательных прав граждан с инвалидностью. Кроме того, перед каждыми выборами составляется новый план мероприятий по созданию условий для реализации избирательных прав инвалидов, предусматривающий взаимодействие избирательных комиссий с органами социальной защиты населения, общественными и волонтерскими организациями при решении данных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Босова, Е. Н. Международные избирательные стандарты и их значение для развития российского избирательного законодательства / Е. Н. Босова // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 1. — С. 79–85.*
2. *Сенникова, Д. В. Проблемы обеспечения активного избирательного права граждан с инвалидностью в субъектах Российской Федерации / Д. В. Сенникова // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 450. — С. 234–240.*
3. *Явлиева, Т. В. Анализ деятельности избирательных комиссий по реализации избирательных прав инвалидов / Т. В. Явлиева, К. А. Разумова, С. В. Разумов // Новый университет. Серия «Экономика и право». — 2016. — № 8. — С. 37–40.*

BRIEF

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF DISABLED PEOPLE IN THE ELECTORAL PROCESS

Uvarov A. A.,
Doctor of Law, Professor,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *The participation of citizens with disabilities in elections is due to health defects that prevent them from fully exercising this political right. It is the duty of the State, through legislative regulation and necessary organizational measures, to create conditions for them that neutralize physical obstacles to the realization of this right as much as possible. The author analyzes measures aimed at assisting disabled voters, noting the need for a more differentiated and complete embodiment of the interests of citizens with disabilities in the electoral process.*

Key words: *voters; disabled people; guarantees of electoral rights.*

Правовой статус личности: некоторые вопросы понятийного аппарата

Шеленга Н. А.,
кандидат юридических наук,
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье,
e-mail: shelenga_n@mail.ru

УДК 340.12

Аннотация. *В статье проводится анализ отдельных терминов и терминологических оборотов, составляющих понятийный аппарат современной концепции правового статуса личности, демонстрируются различные научные подходы к определению положения человека в обществе и государстве. Признавая важность расширения и обогащения теории правового статуса личности, автор приходит к выводу о тождественности и взаимозаменяемости используемых понятий, которые можно в одинаковой степени использовать исходя из контекста и стилистической предпочтительности.*

Ключевые слова: *понятийный аппарат; правовой статус личности; правовое положение; правовое состояние; правовой модус; правосубъектность; правовая идентификация.*

Теория правового статуса личности как аккумулирующая, собирательная категория представляет собой самостоятельную и относительно замкнутую систему знаний, которая обладает своим понятийным аппаратом, позволяющим

провести анализ предмета исследования на ее собственном языке с помощью специфических понятий и определений. Вместе с тем собственный, обладающий определенным своеобразием научный инструментарий, присущий любой теоретической концепции, должен представлять собой непротиворечивую систему, которая способна адекватно отражать предмет познания. Каждый термин фиксируется определенным словом или же группой слов, называемых понятиями или терминологическими оборотами. Для современной юридической науки развитие и совершенствование ее понятийного аппарата является одной из значимых задач, которая сводится к его обогащению, уточнению, конкретизации, замене устаревающих понятий новыми. Сегодня мы можем говорить о новом витке развития теории правового статуса личности и формирования ее категориального аппарата, связанного с формированием и утверждением правовой государственности и подлинно демократических режимов властвования.

Представители юридической науки предлагают различные определения термина «правовой статус личности»: это юридически закрепленная позиция индивида в обществе, в основе которой лежит фактический социальный статус, то есть действительное положение человека в конкретной системе общественных отношений [20, с. 263]; совокупность свобод и прав, ответственности и обязанностей личности, устанавливающая правовое положение в обществе [1, с. 570].

В научных источниках одновременно с термином «правовой статус» часто используется понятие «правовое положение». В теории права выделяют три основных подхода к вопросу о соотношении указанных понятий.

Первый подход основан на признании нетождественности терминов «правовой статус» и «правовое положение», которые соотносятся как часть и целое. Основателем данного подхода выступает профессор Н. В. Витрук, который включил в термин

«правовой статус личности» следующие структурные элементы: юридические свободы и права; законные интересы; юридические обязанности, признаваемые государством [2, с. 38]. Указанные элементы вместе с гражданством, юридическими гарантиями и правосубъектностью образуют еще более широкое понятие — «правовое положение личности». Именно поэтому правовой статус рассматривается как более узкое понятие, поглощаемое более широким — правовым положением личности.

Такой позиции придерживается и В. А. Патюлин, который наряду с правовом статусом выделяет правовое положение как юридически закрепленное фактическое положение личности в обществе и государстве [3, с. 120]. Также сторонником подобного подхода выступает В. А. Кучинский, который дополняет понятие «правовое положение» элементом юридической ответственности [9, с. 115]. Ю. С. Новикова, разделяя эту позицию, отмечает, что термин «правовой статус» не в состоянии вобрать в себя абсолютно всю полноту и разнообразие позиций субъектов в правовой среде, а также отразить его всевозможные проявления и формы. Довольно часто категория «правовой статус» становится недостаточной для наиболее четкого отражения всех конкретных связей лица с иными субъектами [13, с. 13]. Высказывается и мнение, что «правовое положение» следует рассматривать в качестве суммы общего правового статуса и любого другого, например, специального или отраслевого [14, с. 291].

Второй подход согласуется с первым с той лишь разницей, что в понятие «правовой статус личности» включены только права и обязанности. Эту позицию разделяет Е. А. Лукашева. Тем не менее, если правовой статус Е. А. Лукашева определяет в качестве совокупности прав, обязанностей и свобод, то в термин «правовое положение личности» она предлагает включить дополнительные элементы, такие как гражданство, общая правоспособность, юридическая ответственность и гарантии. В науч-

ной литературе высказывается мнение, что выделяемые Е. А. Лукашевой дополнительные элементы, в том числе гражданство, могут служить основанием существования различных статусов индивидуальных субъектов, а система гарантий неоправданно выведена за пределы правового статуса в связи с тем, что реализация личностью принадлежащих ей прав и свобод возможна только при наличии определенных гарантий, которые устанавливает государство [18, с. 25–26].

Третий подход основывается на том, что категории «правовой статус» и «правовое положение» личности признаются идентичными; кроме того, отсутствует строгое деление на «дополнительные» и «основные» элементные составы юридической конструкции правового положения индивида. Представителем данного подхода является Л. Д. Воеводин. Он полагает, что для выяснения действительной структуры правового положения (статуса) человека нужно избрать правильный термин, которым, по его мнению, является: «… закрепленное правом положение личности в государстве и обществе, то есть в производстве, управлении государственными и общественными делами, а также в духовной сфере жизни [4, с. 32]».

Сторонником третьего подхода выступает и Н. И. Матузов, который полагает, что необоснованно различать понятия «правовой статус» и «правовое положение» личности; в этом, на его взгляд, нет никакой практической или теоретической необходимости. Таким образом, он ставит в один ряд правовой статус и правовое положение личности, и рассматривает их в качестве совокупности, в которую входят правосубъектность, гражданство, права и обязанности, их гарантии, общие правоотношения, юридическая ответственность и другие элементы [11, с. 189–204]. В то же время он считает бесспорным и то, что сердцевину правового статуса личности наполняют права, законные интересы и обязанности в их совокупности. Поэтому он утверждает, что

в современных развитых странах все жители являются полноправными субъектами права, а их правовой статус строится в результате объединения полного набора юридического инструментария, который находится в распоряжении официальной власти.

Будучи сторонником такой позиции, В. М. Корнуков в то же время подчеркивает, что «… при всей убедительности доводов исследователей в пользу разделения терминов «правовое положение» и «правовой статус» и даже некоторой уместности этого, такое решение может осложнить понимание самой сути вопроса [8, с. 16]».

Мы разделяем позицию авторов третьего подхода относительно семантической равнозначности вышеуказанных понятий, которая, на наш взгляд, наиболее верна и убедительна, однако считаем необходимым включать в само понятие правового статуса (положения) как основные, так и дополнительные элементы.

Для обеспечения этимологической точности стоит обратиться к энциклопедическим источникам, в которых указывается, что «*status*» в переводе с латинского означает «положение» или «состояние». В связи с этим напрашивается вывод, что рассматриваемые понятия идентичны, а попытки их разделения выглядят искусственно. По крайней мере, нормативные правовые акты национального и международного характера не проводят между ними какого-либо различия и употребляют их как синонимы. Эти понятия вполне взаимозаменяемы. Так, исходя из стилистической предпочтительности и контекста, можно употреблять и то, и другое словосочетание. Верно утверждение Н. И. Матузова, что «различать следует не правовой статус и правовое положение одного и того же человека, а правовой статус (положение) различных лиц или организаций [20, с. 263]».

Относительно новым и дискуссионным понятием в юридической науке является категория «правовое состояние личности». Комплексное исследование данной категории проведено В. В. Груздевым в работе «Правовое состояние личности: история,

теория, практика» [6]. Рецензируя данный научный труд, доктор юридических наук В. Б. Романовская отмечает, что автором предпринята попытка теоретического исследования такого малоизученного феномена правовой действительности как правовое состояние личности с целью обоснования тех признаков правового состояния, которые позволяют не только обогатить, но в определенных аспектах и изменить знания о нем [17, с. 320].

В. В. Груздев определяет правовое состояние личности как «установленные нормами права или предусмотренные в правовых моделях юридически значимые естественные или нормативные свойства (система свойств) человека в определенной момент или период времени, обуславливающие возникновение и (или) изменение или возможность возникновения и (или) изменения правовой ситуации [6, с. 140]».

Несколько иное понятие правового состояния предлагает Ю. С. Новикова, которая определяет его как обусловленную социально-культурными устоями жизни и деятельности общества разновидность социального состояния, представляющую собой один из способов юридического бытия субъектов, объектов или деятельности общественных организаций в конкретный момент времени и в фиксированном пространстве, закрепленную в порядке, установленном законом. Главной отличительной чертой правового состояния в сравнении с правовым статусом выступает то, что носителями первого могут быть не только люди (что характерно для правового статуса), но и объекты права, в том числе общественные процессы и отношения. Объединяющим же признаком является то, что оба этих критерия характеризуют правовое положение человека (или организации) в обществе, являются отражением комплекса его правовых возможностей и связей [13, с.12].

Вопрос о соотношении понятий «правовой статус» и «правовое состояние» является спорным в юридической науке. Не все

правоведы разделяют мнение о необходимости различения указанных понятий, считая их идентичными. Тем не менее есть сторонники и другой позиции. Доказывая нетождественность понятий «правовой статус» и «правовое состояние», Ю. С. Новикова отмечает следующее: «Правовой статус равен у всех субъектов. Правовое состояние субъектов отражает совокупность реальных связей, а также реальные права и обязанности, поэтому и является неравным в своем содержании для конкретных лиц и, более того, он постоянно меняется, находится в динамике даже для одного субъекта в разных условиях. Правовой статус гражданина равен для всех лиц, которые признаны государством в качестве таковых, в то время как правовое состояние гражданства данных лиц будет не одинаковым в случае, если, например, один — находится на территории государства, другой — выехал за рубеж, а третий — не достиг еще совершеннолетия и т. д. [13, с. 13]».

По утверждению Ю. С. Новиковой, правовой статус определяет границы необходимого и возможного поведения личности, определяет меру пользования дозволенными духовными или материальными благами через указание прав, обязанностей или законных интересов на всех уровнях общественных отношений, а правовое состояние субъекта выступает их конкретным проявлением. Следовательно, обладая правовым статусом, человек выступает как абстрактный носитель прав и обязанностей, предусмотренных законодательством, а правовое состояние характеризует его как реального участника правовых связей и отношений. Поэтому правовой статус является юридически закрепленным правовым положением субъекта, то есть его правами и юридическими обязанностями, отраженными в нормах права и находящихся в статическом состоянии, а правовое состояние проявляет себя в качестве фактического правового положения субъекта, то есть прав и обязанностей в динамике, находящихся у субъекта в реальности. Правовое состояние есть отражение

степени реализации, функционирования комплекса внешних условий и факторов, в которых правовой статус, собственно, реализуется, а также направленности и степени удовлетворения потребностей и интересов носителя этого статуса.

Д. Н. Горшунов провел грамматическое толкование терминов «правовое положение», «правовое состояние» и «правовой статус», после чего вывел следующее: «правовой статус предполагает статику правового состояния, а правовое положение характеризует динамику правового состояния субъекта. Если же сравнивать категории «правовой статус» и «правовое положение», то последнее является более общим понятием и включает в себя статическую сторону — правовой статус и динамическую сторону — правовое действие, позволяющее субъектам права взаимодействовать в рамках определенных отношений [5, с. 40–41]».

Спорным является и вопрос о структуре правового состояния. Проблема осложняется разностью подходов к определению носителей правового состояния: то ли это только человек, то ли это и общественные отношения, и объекты права. Так, О. В. Семенова говорит о том, что «правовое состояние — это сложная собирательная категория, отражающая весь комплекс связей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми. Структуру этого понятия составляют следующие элементы: правовые нормы, правосубъектность, основные права и обязанности, законные интересы, гражданство, юридическая ответственность, правовые принципы, правоотношения [19, с. 199]».

В свою очередь Ю. С. Новикова отмечает, что «структура правового состояния будет различной в зависимости от того, какую роль оно выполняет в механизме правового регулирования:

— если это правовое состояние-отношение (например, состояние гражданства), то его структура традиционно будет включать субъекты, объекты и содержание в виде субъективных прав и юридических обязанностей его участников;

— если перед нами правовое состояние-свойство (например, нетрудоспособность), то в его структуру будет входить сам субъект-носитель правового состояния и те права и обязанности, которые у него возникли в связи с установлением данного правового состояния;

— если исследовать структуру юридического факта-состояния (например, состояние в браке), то она будет включать первоначальный юридический факт (событие или деяние), который привел к возникновению правового состояния, а также собственно правовое состояние-свойство или отношение, которое в дальнейшем установилось и существует продолжительное время в качестве самостоятельного юридического факта [13, с. 12–13]».

Еще один термин, который можно встретить в юридической лексике при характеристике взаимоотношений личности, общества и государства, — правовой модус. Это словосочетание использует В. А. Патюлин при употреблении понятий «правовой статус» и «правовое положение». Правовой модус он определяет как «совокупность норм объективного права, закрепляющих права и обязанности субъектов, принадлежащих к определенным социальным группам, обособленным по каким-либо признакам [15, с. 28]».

Понятие «правовой модус» использует и В. Я. Неказаков, синонимируя его с термином «правовая идентификация». По его мнению, как исходное (ведущее) ключевое звено (подсистему) конструкции общего правового статуса индивида стоит рассматривать ее правовое положение (своего рода «модус») в демократическом конституционном государстве. Он утверждает: «Идентифицировав личность в качестве наделенного разумом биосоциального индивида, мы пошагово определяем его правовое положение (то есть юридическую связь) от условно никакого до крепчайшего на территории его местонахождения, и здесь имеется в виду международно закрепленный принцип призна-

ния правосубъектности за каждым гражданином, в какой бы пространственной точке земного шара (или даже Космоса) он не был. Правовой статус личности, в отношении которой презюмируется правосубъектность независимо от места ее нахождения, собственно говоря, и означает возможность и способность пользоваться свободами, приобретать права и нести обязанности, а также отвечать за свои действия перед другими людьми и обществом (в случае нарушения их прав и свобод, неучастия в реализации социальных обязанностей etc). Однако совокупный объем (диапазон) этих прав, свобод и обязанностей все же существенным образом предопределяется той самой правовой идентификацией (социально-правовым модусом) Человека по отношению к себе подобным». И тут же В. Я. Неказаков отмечает: «Конечно, есть некая искусственность в разделении правовой идентификации человека и совокупности его прав, свобод и обязанностей, но без этого методологического приема невозможно обеспечить их подлинного единства в системной концепции общего (равно как и индивидуального) правового статуса личности [12, с. 29]».

В юридической науке отношение к понятию «правовой модус» неоднозначное. Так, Н. И. Матузов оценивает его как неудачный, не вполне «элегантный» стилистически и избыточный [11, с. 194]. Н. В. Витрук считает более оправданным и уместным употребление термина «специальный правовой статус» [2, с.187]. В то же время Р. П. Мананкова, наоборот, поддерживает использование этого понятия, указывая на то, что правовой модус в наибольшей степени отражает межотраслевые права и обязанности граждан, а его применение только обогащает небогатый понятий аппарат [10, с. 17]. В литературе предлагалось свести соотношение категорий «правовой статус» и «правовой модус» к соотношению по типу «общего» и «особенного» [16, с. 88].

На необходимость введения в понятийный аппарат юридической науки дефиниции «правовой модус» настаивает Е. А. Ка-

питонова, предлагая рассматривать его как «новый термин, означающий сочетание предусмотренных законом обязанностей, ответственности и ограничений прав и свобод конкретного человека, посредством которых гарантируется его правомерное поведение [7, с. 38]». Признавая конкурентность понятий правового модуса и правового статуса, Е. А. Капитонова выявляет между ними определенные сходства и различия. Общим для рассматриваемых понятий автор называет юридическое закрепление и гарантированность государством, взаимосвязь с общественно-политическим строем, определение границ поведения субъекта. Критериями разграничения исследуемых терминов называются структура, подходы к определению понятия, значение в праве, уровень обобщения и этапы юридизации человеческого бытия. Структурно правовой модус включает в себя, в первую очередь, ограничения прав и ответственность, тогда как эти элементы не всегда входят в конструкцию правового статуса или, по крайней мере, не рассматриваются как основные. В определении понятия правового модуса основной акцент ставится на обязанностях, а ядром правового статуса выступают права и свободы. Назначение правового модуса Е. А. Капитонова видит в создании гарантий надлежащего поведения человека в обществе, то есть в определении меры несвободы лица, в отличие от правового статуса, который, наоборот, является мерой свободы человека. Что касается уровня обобщения, то правовой статус выступает более обобщенной категорией, нежели правовой модус, который подразумевает конкретику. И, наконец, антропологически понятие правового модуса личности имеет более глубокие корни, чем понятие правового статуса.

Таким образом, проведя анализ терминов и терминологических оборотов, составляющих понятийный аппарат современной концепции правового статуса личности, необходимо отметить следующее.

1. При всем многообразии и разности подходов к соотношению понятий «правовой статус» и «правовое положение», убедительности суждений сторонников этих подходов, следует согласиться с позицией тех правоведов, которые отождествляют эти понятия, устраняя путаницу и излишнюю неразбериху в соотношении указанных терминов. Нет никакой теоретической и практической значимости разделять рассматриваемые понятия. «Статус» — это слово латинского происхождения, соответствующее русскоязычному «положение», «состояние». Полисемичность термина «правовой статус» не способствует его четкому восприятию и анализу сущности, отвлекает от получения истинного знания.

2. В научном обороте при характеристике правового статуса личности используются различные термины. Относительно новым и дискуссионным является понятие «правовое состояние личности». Сторонники позиции разделения правового статуса и правового состояния личности указывают, что статус определяет границы возможного и необходимого поведения личности, определяет меру пользования конкретными материальными или духовными благами через указание прав, обязанностей или законных интересов во всех областях общественных отношений, а правовое состояние субъекта — это их конкретное проявление. Обладая правовым статусом, человек выступает как абстрактный носитель прав и обязанностей, а правовое состояние характеризует его как реального участника правовых отношений. Поэтому правовой статус — это юридически закрепленное правовое положение, а правовое состояние — это фактическое правовое положение, т. е. права и обязанности в динамике, которыми субъект обладает в реальности. Вряд ли с такими доводами можно согласиться, так как правовой статус всегда отражает и юридическое, и фактическое положение лица. Человек обладает правами и обязанностями в статике, как носитель правового статуса, и в дина-

мике, вступая в конкретные правоотношения для удовлетворения своих потребностей и интересов.

3. Еще один термин, который можно встретить в юридической лексике, — правовой модус, который определяется как совокупность норм объективного права, закрепляющих права и обязанности субъектов, принадлежащих к определенным социальным группам, обособленным по каким-либо признакам. Модус идентифицирует человека в обществе, поэтому зачастую термин «правовой модус» синонимируется с «правовой идентификацией». В юридической науке сложилось неоднозначное отношение к этому термину. Одни правоведы приветствуют появление нового термина в условиях небогатого понятийного аппарата, отмечая его точность и полноту, считая его оптимальным видом правовой информации о межотраслевых правах и обязанностях граждан, другие предлагают свести соотношение категорий «правовой статус» и «правовой модус» к соотношению по типу «общего» и «особенного», третья группа ученых оценивает его как неудачный, не вполне «элегантный» и избыточный. Надо признать, что термин «правовой модус» недостаточно прижился и пока не нашел широкого признания в научной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Венгеров, А. Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. — Москва: Омега-Л, 2017. — 607 с. — ISBN 978–5-370–00856–6.*
2. *Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. — Москва: Наука, 1979. — 229 с.*
3. *Витрук, Н. В. Рецензия на монографию Матузова Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. В. Витрук, В. А. Патюлин // Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 117–120.*

4. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, Норма, Инфра-М, 1997. — 304 с.
5. Горшунов, Д. Н. Некоторые аспекты соотношения понятий «правовое состояние», «правовое положение», «правовой статус» субъектов правовых отношений // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Межд. науч.-теорет. конференции. — [в 2 ч.]. — Санкт-Петербург, 2006. — Ч. 1. — С. 36–42. — ISBN 5–86429–057–5.
6. Груздев, В. В. Правовое состояние личности: история, теория, практика / под ред. С. А. Комарова. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 476 с. — ISBN 978–5-7591–1226–6.
7. Капитонова, Е. А. К вопросу о соотношении понятий «правовой статус» и «правовой модус личности» // Образование. Наука. Научные кадры. — 2019. — № 3. — С. 38–40.
8. Корнуков, В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — 179 с.
9. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право. — Москва: Юридическая литература, 1978. — 208 с.
10. Мананкова, Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. — Томск: Изд-во Том.ун-та, 1991. — 232 с. — ISBN 5–7511–0257–6.
11. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. — 292 с.
12. Неказаков, В. Я. Системная концепция правового статуса личности (человека и гражданина) // Бизнес в законе. — 2013. — № 2. — С. 28–34. — ISSN 1816–921X.
13. Новикова, Ю. С. Некоторые вопросы разграничения понятий «правовое состояние» и «правовой статус» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2013. — № 3. — С. 12–14. — ISSN 1991–9778.
14. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — Москва: Юрист, 2001. — 520 с. — ISBN 5–7357–0123–1.

15. Патюлин, В. А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. — 1971. — № 6. — С. 24–32.
16. Ровный, В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. — 1998. — № 4. — С. 86–88. — ISSN 0132–0769.
17. Романовская, В. Б. Новое исследование по теории правового состояния личности (рец. на кн. Груздева В. В. «Правовое состояние личности: история, теория, практика») / под ред. С. А. Комарова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2011. — № 5–6. — С. 320–321.
18. Самарина, Е. С. Категория «правовой статус личности» в теоретико-правовой науке // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 2. — С. 24–30. — ISSN 1813–6230.
19. Семенова О. В. Некоторые аспекты локального нормотворчества в связи с определением правового состояния личности // Материалы VII Международной научно-теоретической конференции «Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ»: в 2 ч. — Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2006. — С. 196–199. — ISBN 5–86429–057–5.
20. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — Москва: Юристъ, 2001. — 776 с. — ISBN 5–7975–0269–0.

BRIEF

LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL: SOME QUESTIONS OF THE CONCEPTUAL APPARATUS

Shelenga N. A.,
Candidate of Legal Sciences, Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol, Pridnestrovie

Abstract. *The article analyzes individual terms and terminological turns that make up the conceptual apparatus of the modern concept of the le-*

gal status of an individual, demonstrates various scientific approaches to determining the position of a person in society and the state. Recognizing the importance of expanding and enriching the theory of the legal status of the individual, the author comes to the conclusion about the identity and interchangeability of the concepts used, which can be equally used based on context and stylistic preference.

Key words: *conceptual apparatus; legal status of a person; legal position; legal condition; legal mode; legal personality; legal identification.*

Выход Российской Федерации из Совета Европы: причины и последствия

Фарои Т. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: tfaroi@mail.ru

УДК 341/342:34.05

Аннотация. *В статье показан процесс выхода России из Совета Европы, его причины и возможные результаты. Основное внимание уделено денонсации Европейской конвенции по правам человека и иных конвенций, выходу из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. По мнению автора, Россия возвращает, таким образом, суверенитет в судебной сфере. Раскрыты основные направления дискуссии российских юристов по данному вопросу.*

Ключевые слова: *Российская Федерация; Совет Европы; Европейские конвенции; права человека; судебная система; денонсация; суверенитет; дискуссия.*

В 2022 году был сделан ряд шагов к восстановлению и реализации государственного суверенитета Российской Федерации, причем эти шаги коснулись и судебной сферы. В предлагаемой статье показаны мотивы решения и меры по выходу России из Совета Европы (СЕ) и из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а также основные направления дискуссии российских юристов по данной про-

блеме. 10 марта 2022 г. Министерство иностранных дел (МИД) России распространило заявление, в котором говорилось, что РФ больше не планирует участвовать в Совете Европы. Совет Европы — это старейшая межправительственная организация региона, основанная в 1949 г. и провозгласившая своей целью сотрудничество в области прав человека и демократического развития. Российская Федерация стала членом СЕ в 1996 г. В заявлении МИД РФ названы причины, по которым было принято решение выйти из организации после 28 лет членства в ней. В дипломатическом ведомстве подчеркнули, что недружественные России страны ЕС и НАТО, злоупотребляя имеющимся у них абсолютным большинством в Комитете министров Совета Европы (КМСЕ), долгое время вели «линию на разрушение Совета Европы и общего гуманитарно-правового пространства». Объявлено, что «Россия не будет участвовать в превращении натовцами и послушно следующим за ними ЕС старейшей европейской организации в очередную площадку для заклинаний о западном превосходстве и самолюбования» [1].

Более резко высказался вице-спикер Государственной Думы, глава российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) П. О. Толстой: «Совет Европы из важнейшей международной площадки для равноправного диалога давно превратился в марионеточную структуру, используемую для продвижения оголтелой русофобии». П. О. Толстой напомнил, что российская сторона пыталась «говорить о правах человека: о правах русских на Украине, о праве жителей Донбасса на жизнь без обстрелов, о правах крымчан на свободный выбор и на доступ к воде», но все эти призывы к диалогу были проигнорированы. Заявление МИД РФ не означало, что Россия прекратила свое участие в Совете Европы немедленно. Для этого прописана достаточно долгая процедура. «Выход из СЕ осуществляется на основании статьи 7 устава СЕ по инициативе государства-члена, когда

оно официально уведомляет об этом генсека СЕ. Прекращение членства наступает в конце текущего финансового года, если уведомление сделано в течение первых девяти месяцев этого года», — объяснил вице-спикер Совета Федерации К. И. Косачев [1].

Таким образом, РФ формально оставалась членом СЕ до конца 2022 г. Выход из Совета Европы подразумевает и выход РФ из всех его механизмов. Это значит, что Россия должна была также отказаться, например, от Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), которая вместе с уставом СЕ подлежала денонсации. «Но это не освобождает страну от ее обязательств по ЕКПЧ в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу», — заявил К. И. Косачев.

Принятое решение было закреплено и конкретизировано в Постановлении Правительства РФ от 28 июня 2022 г. № 1155 «О прекращении участия Российской Федерации в частичных и расширенных частичных соглашениях Совета Европы» [2].

Приведем краткие сведения о данной организации. Совет Европы (англ. Council of Europe, фр. Conseil de l'Europe) — это международная организация, провозгласившая целью содействие сотрудничеству между её членами в области стандартов права, прав и свобод человека и гражданина, демократического развития, законности и культурного взаимодействия. В настоящее время в нее входят 46 государств. Совет Европы не относится к системе Европейского союза, объединяющего только 27 государств. В отличие от Евросоюза, СЕ не может издавать обязательные законы, но обладает полномочиями по обеспечению соблюдения отдельных международных соглашений, заключенных европейскими государствами по различным темам. Одним из самых значительных достижений Совета Европы считается разработка и принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Основное отличие конвенции

от множества других договоров, посвященных правам человека, состоит в том, что существует реально действующий механизм защиты этих прав. Любой гражданин или житель страны Совета Европы, полагающий, что его свободы ущемляют, имеет возможность обратиться в Европейский суд по правам человека [3].

Обратимся к тексту преамбулы устава СЕ: «Правительства Королевства Бельгии, Королевства Дании, Французской Республики, Ирландской Республики, Итальянской Республики, Великого Герцогства Люксембург, Королевства Нидерландов, Королевства Норвегии, Королевства Швеции и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, убежденные, что укрепление мира, основанного на справедливости и международном сотрудничестве, отвечает жизненной необходимости сохранения человеческого общества и цивилизации, вновь утверждая свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства Права, лежащих в основе любой истинной демократии, убежденные, что для поддержания и дальнейшего осуществления этих идеалов и в интересах социального и экономического прогресса необходимо более тесное единство между всеми европейскими странами, разделяющими эти взгляды, считая, что в ответ на ясно выраженные устремления своих народов необходимо без промедления создать организацию, которая сблизила бы европейские государства в более тесный союз, основываясь на этом, приняли решение учредить Совет Европы, состоящий из Комитета представителей правительств и Консультативной Ассамблеи, и с этой целью приняли настоящий Устав» [3].

Обращает на себя внимание исключительно обтекаемый характер формулировок, их откровенная декларативность, полное отсутствие конкретики. Изначально было обеспечено пространство для сколь угодно широких трактовок. Можно возразить, что

вряд ли конкретика уместна в преамбуле документа, однако ее не больше и в его главах. Приведем часть ст. 1 Главы 1:

«a. Целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу.

Эта цель будет достигаться усилиями органов Совета Европы посредством рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключения соглашений и проведения совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях, равно как и путем поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод» [3].

Как видим, формулировки целей СЕ изначально носили пафосный и откровенно пропагандистский характер.

Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» закрепил правовой аспект решения о прекращении членства России в Совете Европы от 16 марта 2022 г. Предусмотрен выход РФ из 21 международного договора СЕ. В их числе Устав Совета Европы от 5 мая 1949 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., Хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. и Социальная хартия от 3 мая 1996 г. [4].

Обратим внимание, что законодательства большинства стран, в том числе таких великих держав, как США и КНР, полностью исключают вмешательство международных организаций в работу их судебных систем, в вынесение и исполнение их решений [5; 6].

Уже первый сигнал МИД РФ о выходе России из Совета Европы дал старт дискуссии отечественных юристов о целесообразности такого шага. На ее характер сильно влияют идеологические

установки, культивировавшиеся в РФ последние 30 лет. В соответствии с ними Россия в 1917 году сошла с магистрального пути развития мировой цивилизации, однако после распада СССР она вернулась на этот путь и вошла в семью европейских народов — в «общеевропейский дом». Неолиберальный глобальный капитализм является правильным, идеальным и окончательным экономическим и общественным строем. Поэтому Россия должна прилежно усваивать «универсальные европейские ценности демократии и прав человека».

Вместе с тем 2022 год показал, что российское общество тяжело и медленно пробуждается от сладостного сна. Понимание того, что так, как было в последние 30 лет, уже не будет, еще не преобладает. Сообщество российских юристов здесь не исключение, особенно его верхние слои, основательно приобщившиеся к «либеральным западным ценностям». Причем начавшаяся дискуссия это подтверждает, хотя мнения высказываются и самые разные. Весной 2022 года у многих юристов сохранялись иллюзии, что до реального выхода РФ из СЕ дело все-таки не дойдет.

Так, доцент кафедры конституционного права Российского государственного университета правосудия О. Н. Кряжкова в марте 2022 года оценивала вероятность выхода РФ из Совета Европы как реальную [7]. По ее мнению, почва для этого готовилась давно: сначала поправки 2015 г. в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые наделили КС правом разрешать не исполнять решения ЕСПЧ, затем изменения в Конституцию 2020 г., закрепившие возможность неисполнения решений межгосударственных органов (в том числе ЕСПЧ) в ст. 79 Основного закона. «Так что выход России из Совета Европы скорее возможен, чем невозможен», — констатировала О. Н. Кряжкова. Она полагает, что россияне не потеряют основные права, закрепленные в Конвенции Совета Европы: «Во второй главе нашей Конституции закреплены фактически те же права, что и в Конвенции.

Формулировки могут различаться, но суть одна… Решения ЕСПЧ исполнялись не только в части выплат, но и в части изменения законодательства. Возможно, не в той степени, в какой нам бы хотелось, но нельзя сказать, что этого не было вообще» [8].

Более пессимистично на возможные последствия смотрит доцент факультета права НИУ ВШЭ М. А. Филатова: «Боюсь, что в случае выхода РФ из Совета Европы имплементированные в российское законодательство положения Конвенции постепенно девальвируются». При выходе России из Совета Европы (СЕ) страна выпадет из структуры диалога, предупреждал главный редактор российского научно-аналитического журнала «Бюллетень ЕСПЧ» Ю. Ю. Берестнев. В свою очередь, партнер «Дювернуа Лигал» А. Арбузов предположил, что от выхода РФ из СЕ больше пострадает сама эта организация, а также ее члены. С уходом России, которая де-факто контролирует огромное постсоветское пространство, западные страны лишатся еще одной консультативной площадки для обсуждения возникающих с этим регионом вопросов, что не может не сказаться на статусе Совета Европы, уверен А. Арбузов [8].

Мнения юристов о том, кто пострадает больше — Россия или Совет Европы, весной 2022 г. были разными, но никто не сомневался, что выход страны из СЕ каким-то образом отразится на рядовых гражданах.

В июне 2022 года Госдума приняла закон о выходе из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Предусмотрено, что решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не будут исполняться в РФ. К тому же, постановления ЕСПЧ больше не считаются основанием для пересмотра актов российских судов. Все выплаты будут проводиться до конца 2022 г., но в рублях и только на счета в российских банках [9; 10].

Российская Федерация окончательно перестала быть стороной Европейской конвенции по правам человека 16 сентября

2022 г. «Граждане РФ потеряли право, предусмотренное ч. 3 ст. 46 Конституции,— обращаться в межгосударственные органы за защитой нарушенных прав и свобод»,— констатирует советник председателя Регионсервис В. Агапов.

О положительном влиянии Европейского суда на правовую систему России говорят многие юристы. Так, в декабре 2022 года на X Всероссийском съезде судей председатель КС В. Д. Зорькин обратил внимание на важную роль ЕСПЧ для становления защиты прав и свобод в РФ. Однако он добавил, что в последние годы усилилась политизация данного органа.

ЕСПЧ рассматривал дела по нарушению прав человека внутри страны, когда государство либо не желало, либо было неспособно защитить граждан, отмечает старший партнер «Адвокатское бюро ZKS» А. Гривцов. Поэтому после выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ правосудие стало более закрытым. Об этом свидетельствуют и поправки к УПК: из кодекса исключили положения, согласно которым, постановления ЕСПЧ были основанием для отмены вступивших в законную силу судебных решений (ФЗ от 11.06.2022 № 180). Взамен этого появилось новое основание: признание КС нормативного акта не соответствующим Конституции.

По мнению А. Агапова [11], главная отрицательная сторона ЕСПЧ –выборочная и необоснованно вольная интерпретация формулировок Европейской конвенции по правам человека. А. В. Кнутова [12] подчеркивает, что реальная эффективность от большинства жалоб в ЕСПЧ в последние годы не была очевидной. Немало заявлений подавалось на незаконное ограничение свободы, но по ним производство стало очень медленным. С другой стороны, жалобы по политически окрашенным делам получали невероятное ускорение: до нескольких месяцев или даже быстрее. Такой подход сформировал негативное отношение в российских судах к ссылкам на практику Страсбургского суда. В этом есть доля ответственности самого Европейского суда. Ведь

по делам о заключении под стражу ссылки на ЕСПЧ не давали никакой реальной пользы. «Судье было безразлично, что ЕСПЧ через пять-шесть лет вынесет уже после приговора по существу. А политически окрашенные решения сразу вызывали отторжение, и на этом фоне правовая аргументация тускнела и теряла свою убедительность», — отметила В. Кнутова [10].

С 28 февраля 2023 года вступил в силу Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». Их перечень приведен выше. Выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ вызвал живой отклик и в адвокатском сообществе. Экспертов «Адвокатской газеты» интересует вопрос, как отказ от международных стандартов может повлиять на правовые стандарты защиты прав человека в РФ. В Федеральной палате адвокатов (ФПА) распространено мнение, что значимые положения Европейской конвенции и иных актов Совета Европы последовательно имплементированы в российское законодательство, многие прецедентные решения ЕСПЧ повлияли на эволюцию законодательного регулирования, а качество российского законодательства на настоящий момент обеспечивает возможность защиты прав и свобод человека [13].

Адвокат Второй Нижегородской коллегии адвокатов А. А. Матасов отметил, что новый закон закрепил давно ожидаемые изменения: «Российские власти считают, что для России международные договоры Совета Европы не действуют с момента выхода из него. Теперь РФ последовательно расставляет все точки над “i” — оформляет выход в письменном виде. И заодно отказывается финансировать работу аппарата Европейского Суда по правам человека, в котором остались нерассмотренными тысячи жалоб против России», — констатировал эксперт. А. А. Матасов негативно оценил отказ от международных стандартов защиты прав человека: «Принцип “исцели себя сам” слабо работает. Государство самостоятельно не желает защищать граждан от собствен-

ных нарушений». По его мнению, ЕСПЧ помогал поддерживать эту защиту на более высоком уровне, чем национальное правосудие. Например, именно с решениями ЕСПЧ связано появление в российском праве институтов компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства и за нарушение условий содержания заключенных. Адвокат также заметил, что прекращение действия договоров Совета Европы не повлечет мгновенную деградацию права, а Россия остается участником иных договоров, прежде всего, под эгидой ООН. Вместе с тем, А. А. Матасов предположил, что «всё международное право постепенно девальвируется для нашего правоприменителя» [13].

Адвокат Центра международной защиты прав человека С. А. Князькин придерживается мнения, что прекращение членства России в Совете Европы не влечет обязанности денонсировать европейские конвенции и хартии, которые Россия подписала ранее. «Полагаю, что такой шаг власти делают только для демонстрации противопоставления России странам Европы. Такая денонсация европейских конвенций разрушает правовое поле России, разрушает российские правовые стандарты, которые много лет были неразрывно связаны с нормами европейского права, были взаимосвязаны с нормами международного права через положения законов России в уголовном, гражданском и административном законодательстве», — предположил эксперт [13].

Адвокат Московского филиала Ростовской областной коллегии адвокатов «Советник» П. Н. Зубицкий полагает, что, с точки зрения законодательной техники, прекращение действия в отношении РФ указанных международных договоров является логичным и последовательным шагом: «До обсуждаемой инициативы президента складывалась противоречивая ситуация, в которой фактический выход России из Совета Европы приводил к непризнанию конкретных решений ЕСПЧ. Одновремен-

но в национальном законодательстве продолжали действовать нормы об обязательном применении таких международных договоров, а практика ЕСПЧ признавалась частью национального права. Очевидно, подобная ситуация не могла длиться долго, а противоречия должны были устранить, что мы и наблюдаем в данный момент» [13].

По мнению вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ О. В. Баулина, странным выглядело бы сохранение, либо возможность сохранения в отношении России правил, организационных и юрисдикционных процедур, предусмотренных международными договорами и актами Совета Европы, с учетом современной ситуации в Европе и отношения там к России: «Вопрос, многое ли мы утрачиваем после прекращения членства в СЕ и выхода из-под юрисдикции ЕСПЧ, обсуждался и еще долго будет обсуждаться юристами. Уверенно можно сказать: значимые положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, иных договоров Совета Европы последовательно имплементированы в российское законодательство, многие прецедентные решения ЕСПЧ не только нашли отражение в разъяснениях Верховного Суда РФ и судебной практике, но и повлекли изменение законодательного регулирования. Качество российского законодательства на настоящий период таково, что обеспечивает возможность защиты прав и свобод человека» [13].

В заключение выскажем ряд замечаний и предположений. Обратим внимание на распространенное среди отечественных юристов, особенно в адвокатском сообществе, мнение, что выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ отбросил страну по уровню защищенности прав и свобод граждан на 25 лет назад. Каков же при таком понимании критерий движения вперед — прогресса? Очевидно, что это максимальная реализация «общепринятых западных стандартов демократии, прав и свобод человека». При данном подходе игнорируется тот факт, что

эти стандарты давно превратились, частично или полностью, в фикцию или были ею изначально. Имеет право на существование и иное понимание движения вперед. Полагаем, что восстановление и осуществление государственного суверенитета России, в частности в судебной сфере, — это прогресс, движение вперед.

Отметим, что сразу после выхода РФ из-под юрисдикции ЕСПЧ на повестку дня рядом юристов был поставлен вопрос о создании замены ЕСПЧ. Предлагаются разные варианты: принятие Конвенции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по правам человека; создание Суда по правам человека в рамках СНГ или Евразийского экономического союза (ЕАЭС); придание полномочий суда по правам человека Конституционному суду РФ [10]. По-видимому, последний вариант не имеет смысла в силу специализированной миссии КС — вынесение решений о соответствии или несоответствии нормативно-правового акта Конституции РФ. Также крайне маловероятно согласие большинства стран ШОС и СНГ на создание наднационального судебного органа. Наиболее реальным вариантом представляется создание в Российской Федерации национального Высшего суда по правам человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Россия покидает Совет Европы. Что это значит, и из-за чего было принято такое решение? — 10 марта 2022. — URL: https://tass.ru/politika/14026531.*
2. *Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2022 № 1155 «О прекращении участия Российской Федерации в частичных и расширенных частичных соглашениях Совета Европы». — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207010042?ysclid=lepsp0xowt865268021.*

3. *Устав Совета Европы. — URL:* https://docs.cntd.ru/document/1901954?ysclid=lemxuvwnlu92137088.
4. *Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/?ysclid=lep vlzn3ls4945525.*
5. *Судебная система в США. — URL: http://amerikos.com/usa/judical-system-st.*
6. *Суды в Китае. — URL: http://china-lawyer.ru/sudy-v-kitae1.*
7. *Кряжкова Ольга // Закон.ru. — [сайт]. — URL: https://zakon.ru/olga_kr.*
8. *Климачева, К. Без ЕСПЧ и с «девальвированными» правами: чем грозит выход из Совета Европы? — 11 марта 2022. — URL: https://pravo.ru/story/239687.*
9. *Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11.06.2022 № 180-ФЗ (последняя редакция). — URL:* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069.
10. *Яшина, В. Десять месяцев спустя: как Россия живет без ЕСПЧ. — 13 января 2023 г. — URL:* https://pravo.ru/story/244313/#:~:text=%D0%A3%D0% B6%D0%B5%20%D0%B2%20 июне%20 Госдума%20 приняла, для%20 пересмотра%20 актов%20 российских%20 судов.
11. *Агапов Александр // Закон.ru. — [сайт]. — URL:* https://zakon.ru/agapov?ysclid=leo d10e1px68241376.
12. *Кнутова Варвара, партнер, адвокат «Сотби». — URL:* https://events.vedomosti.ru/speakers/knutova-varvara-7445?ysclid=leod7c4ww4632840385.
13. *Принят закон о прекращении действия международных договоров Совета Европы в отношении РФ // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. — 17 февраля 2023 г. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-o-prekrashchenii-deystviya-mezhdunarodnykh-dogovorov-soveta-evropy-v-otnoshenii-rf.*

BRIEF

WITHDRAWAL OF RUSSIAN FEDERATION FROM COUNCIL OF EUROPE: CAUSES AND CONSEQUENCES

Faroi T. V.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *Article shows the process of Russia's withdrawal from Council of Europe, its causes and possible results. The main attention is paid to the denunciation of European Convention on Human Rights and other conventions, withdrawal from the jurisdiction of European Court of Human Rights. According to the author, Russia thus returns sovereignty in the judicial sphere. The main directions of the discussion of Russian lawyers on this issue are revealed.*

Key words: *Russian Federation; Council of Europe; European Conventions; human rights; judicial system; denunciation; sovereignty; discussion.*

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Концепция оптимального устройства общества в идеологии современной социал-демократии и ее влияние на конституционно-правовое развитие зарубежных стран

Блинова М. А.,
кандидат исторических наук,
Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
г. Одинцово, Россия, e-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

УДК 340.15

Аннотация. *В статье рассматривается идеологическое влияние Социалистического интернационала на развитие конституционного законодательства в зарубежных странах в XX веке. Социалистический интернационал — одна из влиятельнейших международных организаций, включающая социал-демократические партии всего мира; она внесла существенный вклад в утверждение идеи социального государства и расширение социально-экономических прав человека.*

Ключевые слова: *Социалистический интернационал; Социнтерн; социал-демократия; социальное государство; социальные права человека; конституционное право.*

Проблема оптимального устройства общества волнует человечество с давних пор. К какому общественному идеалу следует стремиться, каким должен быть путь социального развития, устройство основных сфер общественной жизни ради достижения общественного блага? — эти вопросы будут беспокоить человечество и в дальнейшем. С глубокой древности многих философов и общественных деятелей волновал вопрос о справедливом общественном устройстве.

Исторически социал-демократия сыграла далеко не последнюю роль в отстаивании идей социальной справедливости. Истоки современной социал-демократии следует искать в рабочем движении XIX столетия, когда были образованы I и II Интернационалы, в рамках которых шли жаркие дискуссии о путях достижения справедливого общественного строя.

В настоящее время социал-демократическое движение представлено множеством партий социал-демократического толка из различных стран разных континентов. Социал-демократия имеет свою международную организацию — Социалистический интернационал (Социнтерн), принадлежность к которой до недавнего времени выступала своеобразным знаком качества, основанием отнесения той или иной партии к социал-демократическому движению.

Социалистический интернационал был образован после Второй мировой войны, в 1951 году, на учредительном конгрессе во Франкфурте-на-Майне. Тогда же был принят первый программный документ Социнтерна, отражающий основные принципы и цели социал-демократии — «Цели и задачи демократического социализма» [13, с. 10]. Значительная активизация политической

деятельности Социнтерна, а также активная идеологическая работа по осмыслению сущности социализма происходила в период, когда президентом Социнтерна в 1976 году стал выдающийся политик XX века — Вилли Брандт. В период президентства Вилли Брандта Социнтерн развил активную деятельность по привлечению новых партий-членов путем регулярной отправки миссий в различные регионы мира, создания различных комитетов, проведения встреч и т. д. Параллельно шла работа над выработкой нового программного документа, который будет отражать идеологические установки социал-демократического движения в условиях новых вызовов и задач. Работа растянулась на годы. Наконец, в 1989 году, когда уже начинались политические процессы, которые привели к развалу социалистического лагеря в Восточной Европе, на XVIII конгрессе Социнтерна была принята Декларации принципов Социалистического интернационала, которая и по настоящее время остается основным документом, содержащим идеологические установки современной социал-демократии.

Оптимальное общественное устройство, за утверждение которого выступают социал-демократы, носит название «демократического социализма». Само понятие предложил еще в конце XIX века английский драматург Бернард Шоу, далее оно утвердилось в идеологических установках социал-демократического движения в XX веке. Кроме того, данный термин позволял социал-демократам дистанцироваться от практики социалистического строительства, имевшей место в СССР и странах социалистического лагеря, которую социал-демократы критиковали за отсутствие демократии и попрание прав человека [13, с. 2].

Итак, демократический социализм в Декларации принципов 1989 года, провозглашенный в качестве цели современной социал-демократии [11, с. 154], выступает как общество, в котором будут реализованы принципы свободы, справедливости и равенства, солидарности [11, с. 154–155].

Свобода трактуется как право каждого человека действовать со своими личными целями и индивидуальными возможностями, свобода от политического принуждения [11, с. 154].

Справедливость и равенство взаимосвязаны между собой и предполагают отсутствие какой-либо дискриминации личности, обязательное равенство людей в правах и возможностях, чтобы каждый мог реализовать себя в жизни, что выступает непременным условием социального прогресса [11, с. 155].

Солидарность — выражение общности человечества, сострадание к жертвам несправедливости, неприятие крайнего индивидуализма, который ведет к разобщенности людей [11, с. 155].

Суть демократического социализма заключается в достижении подлинной демократии, которая выступает как единство политической, экономической и социальной демократии.

Политическая демократия — право свободного выбора политического строя, возможность смены власти мирными средствами на основе свободного волеизъявления граждан, гарантия прав личности и меньшинства, независимость судебной системы [11, с. 156]. Социал-демократия отстаивает недопустимость силового прихода к власти — напротив, только через выборы и расширение своего влияния в массах.

Социальная демократия — широкие социальные права человека: право на создание профсоюзов, на забастовку, социальное обеспечение для всех, защита матери и ребенка, забота о пожилых, право на образование и профподготовку, медицинскую помощь, право на достойное жилье в пригодном для жизни районе [11, с. 166]. В целом — право на достойную жизнь.

Экономическая демократия — регулируемая социальная рыночная экономика, общественный контроль за экономическими процессами, всеобщая занятость, справедливое распределение богатства в обществе. Если еще в 50-е годы XX века отдавали приоритет общественной собственности, то в Декла-

рации принципов 1989 года данному вопросу уже не уделяется столь пристального внимания, отметив, что форма собственности не гарантирует экономической справедливости и социальной демократии [11, с. 167]. Гораздо более принципиальным для социал-демократов являлось отношение к рынку. Здесь была высказана четкая приверженность рыночной экономике как средству реализации экономической демократии [11, с. 168]. Вместе с тем социал-демократы отнюдь не призывали полагаться на его всесилие. Рынок должен непременно регулироваться в интересах всего общества. Рынок должен служить людям. В принципе социал-демократы в своих программных документах, исходя из принципа справедливости, поднимали вопрос о необходимости более справедливого распределения богатства в обществе, правда, не поясняя каким путем этого можно достичь.

В Декларации принципов была поднята также проблема преодоления глобального неравенства между государствами Севера и Юга, путем предоставления экономической и технологической помощи развивающимся странам [11, с. 161, 175].

Важно отметить, что Социнтерн внес существенный вклад в продвижении концепции устойчивого развития или экологически сбалансированного развития, многие положения которой были изложены как в Декларации принципов, так и в других документах конгрессов Социнтерна [12, с. 228]. Данная концепция развития включала в себя три аспекта — экономический, экологический и социальный. Экономический аспект подразумевает акцент на оптимальном использовании ограниченных ресурсов, внедрении ресурсо- и энергосберегающих технологий, переработку и уничтожение отходов. Социальный аспект означает ориентацию на человека, поддержание социальной стабильности, человеческого капитала путем инвестиций в здравоохранение, образование, профессиональную подготовку и переподготовку.

В экологическом плане такое развитие должно быть направлено на обеспечение целостности и стабильности экосистем.

В общем, многие идеи, которые продвигала социал-демократия, нашли свое воплощение в конституционно-правовых нормах.

Можно заключить, что социал-демократия внесла весомый вклад в продвижение идеи социального государства. Уже в Веймарской конституции Германии 1919 года в ст. 162 содержалась формулировка о «минимуме социальных прав для трудящегося класса» [1].

После Второй мировой войны идея социального государства всё активнее пробивала себе дорогу в конституционном законодательстве послевоенной Европы. Так, в Конституции Италии закреплялся принцип социальной солидарности (ст. 2) [3, с. 200], право на социальное обеспечение (ст. 38) [3, с. 206]. Основной закон ФРГ 1949 г. в ст. 20 провозгласил Германию «демократическим и социальным федеральным государством» [4, с. 122]. Преамбула Конституции Франции 1946 года провозглашала ряд социальных прав граждан [2, с. 83]; а с 1958 г. в ст. 1 конституции закреплялось, что «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой» [5, с. 52]. Процессы демократизации, начавшиеся в некоторых странах после падения диктаторских режимов во второй половине XX века, также ознаменовались включением в конституции положений о социальном государстве. Ст. 1 Конституции Испании 1978 года закрепляла, что «Испания конституируется как правовое демократическое социальное государство» [6]. Положения ряда конституций включали развернутый перечень социально-экономических прав: право на труд, создание профсоюзов, право на забастовку, социальное обеспечение, право на охрану здоровья и др.

Не последнюю роль в утверждении принципов социального государства на законодательном уровне сыграли социал-демократические партии и движения, представленные как в зако-

нодательных, так и исполнительных органах власти. Так, например, в Учредительном собрании Франции, избранном для разработки нового проекта конституции в 1945 году, французские социалисты составляли вторую по численности фракцию после коммунистов. Испанские социал-демократы входили в состав избирательной коалиции Союза демократического центра, победа которого на выборах после смерти Ф. Франко способствовала демократизации страны. Не случайно XX век назвали «веком социал-демократии», и ее роль в утверждении социальных прав в законодательстве целого ряда стран, несомненно, была велика.

Влияние Социнтерна было значительным и на рубеже XX–XXI веков. Число партий-членов неуклонно росло, в том числе за счет партий социал-демократического толка, образовавшихся в странах Восточной Европы. В середине 90-х годов XX века в виду электоральных успехов здесь социал-демократических партий заговорили о «левом повороте» [8, с. 119–120].

Вместе с тем наметились и черты идеологического и политического кризиса социал-демократического движения. В странах Восточной Европы после крушения коммунистических режимов социал-демократы, оказавшиеся у власти, фактически продолжили политику неолиберальных сил по восстановлению капитализма, что в дальнейшем привело к разочарованию избирателей и в итоге к сокращению политического влияния социал-демократии в ряде восточноевропейских стран [7, с. 19–20].

Наметился раскол в рядах Социнтерна, в первую очередь это коснулось западноевропейской социал-демократии. В конце XX века часть ее лидеров продемонстрировали дрейф в сторону либерализма. В 1999 году, когда социал-демократы находились у власти практически во всех странах Европейского Союза, — лидер немецкой социал-демократии Г. Шредер и лидер Лейбористской партии Великобритании Т. Блэр выступили с идеей «третьего пути», сочетающего как идеи социал-демократии, так

и либерализма [9]. Новый срединный путь, который предлагали Г. Шредер и Т. Блэр, предполагал включение в идеологию социал-демократии некоторых основополагающих идей неолиберализма, таких, например, как снижение государственного вмешательства в экономику и др. Данная идея вызвала критику со стороны части европейской социал-демократии, в частности лидера французских социалистов Л. Жоспена [10, с. 20]. В 2013 году лидер СДПГ З. Габриэль открыто выступил против политики принятия Социнтерном в число своих членов партий, которые, по его мнению, недостаточно разделяли ценности социал-демократии. В результате ряд партий, которые когда-то стояли у истоков образования Социнтерна, в частности СДПГ, СДПШ, Лейбористская партия Великобритании, покинули его ряды и образовали свою международную организацию — Прогрессивный Альянс. В его состав вошли как бывшие, так и сохранившие свое членство в Социнтерне социал-демократические партии, а также и некоторые партии либерального толка, в частности Демократическая партия США [10, с. 21].

Несмотря на то, что Социнтерн покинули некоторые влиятельные европейские партии, он остается проводником западной политики и западных ценностей, это выразилось, в частности, в резком осуждении СВО, проводимой Россией с февраля 2022 года, исключении из своего состава российского социал-демократического движения «Справедливая Россия», а также продвижении ЛГБТ-повестки. На заседании Совета Социнтерна в Женеве 7–8 июля 2022 года в докладе президента Социнтерна Г. Папандреу было отмечено, что Социнтерн собирается двигаться вперед «менять мир, решать новые задачи в партнерстве с женскими, зелеными, молодежными и ЛГБТ-движениями и другими, разделяющими общие цели» [14].

Результатом кризиса социал-демократии становится усиление правого фланга политического спектра в ряде стран Европы.

Последние события во Франции, связанные с пенсионной реформой и вылившиеся в кризис конституционно-правового, политического характера демонстрируют опасность ослабления позиций социал-демократии, в том числе и на международной арене, наступления неолиберальных сил, по сути, навязавших данную реформу стране, что в итоге может привести к сокращению социальных завоеваний трудящихся. Очевидно, что Социнтерн нуждается не только в реформировании структуры, деятельности, но и в глубоком идеологическом переосмыслении тех вызовов, с которыми сталкивается современный мир.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Конституция Германского рейха, 11 августа 1919 г. — URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de &dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (дата обращения: 20.04.2023).*
2. *Преамбула Конституции от 27 октября 1946 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Европейский союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. — [5-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Волтерс Клувер. 2006. — С. 82–83.*
3. *Конституция Итальянской Республики // Конституции зарубежных государств… — С. 200–234.*
4. *Основной закон Федеративной Республики Германии (23 мая 1949 г.) // Конституции зарубежных государств… — С. 114–146.*
5. *Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств… — С. 52–80.*
6. *Конституция Испанского королевства. [Электронный ресурс]. — URL: https://worldconstitutions.ru/?p=149 (дата обращения: 20.04.2023).*
7. *Блинова, М. А. Социал-демократизация коммунистических партий Центральной и Восточной Европы на рубеже XX–XXI вв.: предпо-*

сылки и перспективы//Общество: политика, экономика, право. — 2019. — № 5 (70). — С. 16–21.

8. *Блинова, М. А. Социалистический интернационал и страны Центральной и Восточной Европы в 1989–2002 годах: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2003. — 230 с.*
9. *Блэр, Э., Шредер, Г. Декларация «Третий путь/Новый центр» [Электронный ресурс]. — URL: https://sd-inform.org/upload/books/Politologija/social-demokratija/Bler-Sreder.pdf (дата обращения: 20.04.2023).*
10. *Гуселетов, Б. П. Социалистический интернационал, как международная политическая организация: современное состояние и перспективы // Международные отношения в XX–XXI вв. IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: сб. научных статей и сообщений / отв. ред. О. С. Поршнева. — Екатеринбург, 2020. — С. 17–23.*
11. *Декларация принципов Социалистического интернационала // XVIII конгресс Социалистического интернационала (Стокгольм, 20–22 июня 1989 г.). — Москва: ИНИОН, 1990. — С. 151–179.*
12. *К экологической безопасности: стратегия длительного выживания // XVIII конгресс Социалистического интернационала (Стокгольм, 20–22 июня 1989 г.). — Москва: ИНИОН, 1990. — С. 215–253.*
13. *Цели и задачи демократического социализма. Декларация принципов Социалистического интернационала (принятая на 1 конгрессе, состоявшемся во Франкфурте-на-Майне 30 июня — 3 июля 1951 г.) // От Женевы к Стокгольму: материалы конгрессов Социалистического интернационала: реферативный сборник / отв. ред. Б. С. Орлов. — Москва: ИНИОН РАН, 1992. — Ч. 1. — С. 10–17.*
14. *Meeting of the SI Council in Geneva. Our commitment to humanitarian and sustainable solutions to global challenges. 7–8 July 2022. — URL:* https://www.socialistinternational.org/councils/*meet ing-of-the-si-council-in-geneva (дата обращения: 20.04.2023).*

BRIEF

THE CONCEPT OF THE OPTIMAL STRUCTURE OF SOCIETY IN THE IDEOLOGY OF CONTEMPORARY SOCIAL DEMOCRACY AND ITS IMPACT ON THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF FOREIGN COUNTRIES

Blinova M. A.,
Candidate of Historical Sciences,
Odintsovo branch of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Odintsovo, Russia

Abstract. *The article examines the ideological influence of the Socialist International on the development of the constitutional legislation of foreign countries of the XX century. The Socialist International, as one of the most influential international organization in the world, has made a significant contribution to the establishment of the idea of a social state and the expansion of social and economic human rights.*

Key words: *Socialist International; Social International; social democracy; social state; social human rights; constitutional law.*

О реализации конституционного права граждан Российской Федерации на информацию и исследование материалов Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских военных преступников

Горохов В. М.,
независимый исследователь,
Военная академия Министерства обороны,
г. Ростов-на-Дону. Россия, e-mail: pletmash_vm@mail.ru

УДК 342.7

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на информацию и исследование материалов Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских военных преступников; делается вывод о юридической защищенности исследователей. Приводится пример реализации права на информацию при выполнении комплексных исследований мест массовых захоронений на территории «Мемориала памяти жертв фашизма в Змиевской балке» (г. Ростов-на-Дону). Автор приходит к выводу, что достойная реализация конституционного права на информацию позволяет обеспечить не только частные и общественные, но и государственные (национальные) интересы, а это, в свою очередь, имеет огромное значение для развития государства.*

Ключевые слова: *конституционное право; информация; право на информацию; свобода слова; доступ к информации; Великая Отечественная война; Ростов-на-Дону; геноцид; Змиевская балка; массовые захоронения; уточнение мест массовых захоронений; государственные интересы.*

Конституционное право граждан РФ на информацию находится в системной связи с другими правами и свободами, включает в себя множество составных прав, каждое из которых имеет механизм реализации и свое юридическое значение в контексте конкретной ситуации.

В содержание конституционного права на информацию чаще всего включаются правомочия на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации [1]. Конституционное право на информацию не существует отдельно от других конституционных прав, предполагает «использование и хранение любым законным способом информации о любых процессах и явлениях, при условии ограничений в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2]. Существует запрет пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, языковое превосходство [3]. Это обуславливает правовой механизм ответственности за нарушения указанного конституционного запрета. В УК РФ имеется статья 354.1 «Реабилитация нацизма» [4], которая предусматривает ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных

сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично…» [5].

Агрессия войск гитлеровской коалиции 1941–1945 гг. принесла бесчисленные беды и страдания советскому народу. Советское руководство настойчиво и последовательно добивалось международного суда над лидерами нацистов независимо от их географического расположения, отстаивала эту позицию на международных переговорах**.** Советская сторона публично сформулировала эту идею в 1942 году, когда исход войны был ещё не ясен [6, Т. 1, с. 17–18]. В конце 1943 года в Москве дипломатические представители трех ведущих стран антигитлеровской коалиции — Великобритании, США и СССР — подписали совместную декларацию о том, что их силами нацистские преступники будут наказаны [6, Т. 1, с. 20–21]. Детали будущего судебного процесса обсуждались на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров ведущих государств-союзников. Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, СССР, США и Временное правительство Французской Республики 8 августа 1945 года вступили в соглашение об учреждении «Трибунала для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом», что соответствовало материалам Потсдамской конференции [6, Т. 1, с. 63–65].

Первое организационное заседание указанного трибунала (далее также — МВТ) состоялось 9 октября 1945 года в Берлине в советской зоне оккупации. Там же, в Берлине, 18 октября 1945 года состоялось второе заседание трибунала. На нём был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников и о признании преступными восьми организаций, а также подсудимым были вручены обвинительные заключения [6, Т. 7, с. 602–603].

С 20 ноября 1945 года и вплоть до оглашения приговора 1 октября 1946 года заседания МВТ проходили в Нюрнберге в американской зоне оккупации.

Предполагалось, что МВТ рассмотрит ряд дел по обвинению главных военных преступников независимо от места их пребывания. Однако западные державы отошли от Потсдамских соглашений, вследствие чего МВТ ограничился Нюрнбергским процессом по делу над главными немецкими военными преступниками. Это нашло отражение и в наименовании Суда как «Международного Военного Трибунала для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси» [6, Т. 1, с. 66].

Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН от 11 декабря 1946 приняла к сведению Соглашение об учреждении МВТ и подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в его приговоре [6, Т. 7, с. 549].

На основании Конституции РФ и Закона РФ любой исследователь материалов Нюрнбергского Процесса имеет право, не отрицая фактов, установленных Приговором МВТ, изучать его материалы, выяснять подлинность представленных сторонами доказательств и их соотносимость с другими доказательствами, а также последующими событиями и вновь выявленными доказательствами, ставшими известными после вступления Приговора МВТ в силу.

В распоряжении советской стороны обвинения было огромное количество достоверных доказательств, добытых на самом театре военных действий. Эти материалы имели особое значение, гарантирующее неотвратимость наказания подсудимых и установление истины. Однако из советского грузовика, прибывшего в Нюрнберг из Берлина с ценнейшими подлинными документами, американские солдаты, его охранявшие, извлекли папки с доказательствами и просто сожгли — «устроили костёр с целью согреться».

Изучение материалов МВТ показывает, что подсудимые и их защитники стремились перевалить обвинение в развязывание агрессивной войны на Советский Союз. Советская делегация смогла представить важнейшие доказательства вины подсудимых. Особое значение имели показания немецкого фельдмаршала Паулюса в судебном заседании 11 февраля 1946 года. В них вина гитлеровской Германии в развязывании агрессивной войны против СССР была доказана полностью. Возникала реальная возможность доказать виновность международных монополий в соучастии во многих преступлениях совместно с гитлеровцами. Однако на процесс стали влиять громкие политические события: 5 марта 1946 года в Фултоне (США) состоялась провокационная речь бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля, послужившая началом «холодной войны». Это подтолкнуло некоторые деструктивные силы перейти в оппозицию к СССР.

Исследование материалов МВТ показывает, что советская сторона обвинения очень добросовестно относилась к подготовке и передаче Суду доказательств. Даже при малейших сомнениях в их подлинности доказательства отклонялись. Так был отклонен Акт № 1231 от 23/30 ноября 1943 г. Ростовской областной ЧГК [7]. При исследовании этого документа были выявлены многочисленные признаки его некорректности. К тому же в Акте № 1231 было ошибочно указано два места массового расстрела и захоронения еврейского населения города Ростова-на-Дону 11–12 августа 1942 года. Фактически это не места массовых расстрелов и захоронений, а места ожидания перед погрузкой для железнодорожной станции Разъезд «Ростов — Темерник» и железнодорожной станции Разъезд «Ростов — Западный», откуда еврейское население города выехало в пересыльные лагеря на территории Венгрии и Румынии, а в дальнейшем в Палестину (Израиль) [8].

Вместе с тем в доказательствах английской и американской сторон обвинения признаки некорректности присутствуют достаточно часто.

Так свидетелем стороны защиты, допрошенным по ходатайству адвоката подсудимого Э. Кальтенбруннера, выступил бывший с мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. комендантом концлагеря Освенцим (Аушвиц-Биркенау) Рудольф Франц Фердинанд Хёсс 1900 года рождения. Р. Ф. Ф. Хёсса задержала 11 марта 1946 года, допросила и доставила в Суд английская сторона.

Многие исследователи находят, что вместо Рудольфа Франца Фердинанда Хёсса в Суде выступило некое другое подставное лицо. Это предположение подтверждается проверкой на портретное сходство. Наиболее важно исследовать кинопленку допроса в судебном заседании Р. Ф. Ф. Хёсса в МВТ от 15 апреля 1946 года. Следует провести сличение на предмет выяснения степени портретного сходства некого лица, запечатленного на ней, с подлинными фотографиями Р. Ф. Ф. Хёсса. Исследованию доступны многие подлинные фотографии Р. Ф. Ф. Хёсса периода его службы комендантом Освенцима в 1940–1943 гг., а также фотографии во время его задержания английской стороной и допросов в марте — начале апреля 1946 г. Также доступны фотографии и киносъёмка передачи Р. Ф. Ф. Хёсса польской стороне 25 мая 1946 года. Доступны его фотографии и киносъемка в Суде г. Варшава (Польша) в марте 1947 года и фотографии его казни в апреле 1947 года. Такое множество фотоматериалов, находящихся в свободном доступе на различных официальных сайтах нескольких государств, дает возможность провести подробный анализ портретного сходства. Раны на лице, нанесенные Р. Ф. Ф. Хёссу при задержании и допросах в марте — апреле 1946 года, хорошо видны на его фотографиях и кинопленках до допроса в МВТ и после допроса МВТ. В то же время на кинопленке (именно на кинопленке от 15 апреля 1946 года в судебном заседании) при

даче Р. Ф. Ф. Хёссом показаний в МВТ эти раны на правом виске и на верхней губе отсутствуют. Поэтому большая часть исследователей приходит к выводу, что, вероятнее всего, вместо коменданта лагеря Освенцим Р. Ф. Ф. Хёсса 1900 года рождения английская сторона обманом представила некое подставное лицо. Версия о подлоге этого «свидетеля» находит своё подтверждение в некоторых документах МВТ, а также на последующих уголовных процессах по делу нацистских преступников, проходивших в различных странах.

Само появление в Нюрнберге этого свидетеля — коменданта Освенцима Р. Ф. Ф. Хёсса — вызывает массу вопросов. Поскольку допросы свидетелей стороны обвинения были уже закончены, и допрашивались свидетели со стороны защиты, то ходатайство о допросе Р. Ф. Ф. Хёсса могла заявить только сторона защиты. Поэтому он был допрошен по ходатайству стороны защиты. Адвокат К. Кауфман, защищавший подсудимого Э. Кальтенбруннера, намеревался доказать, что не его подзащитный, а Г. Гиммлер несет ответственность за предполагаемое истребление евреев. К. Кауфман обосновал свое ходатайство тем, что свидетель Р. Ф. Ф. Хёсс — «… единственный человек, который может пролить свет на ещё неизвестные факты и показать, кто давал приказы об уничтожении евреев, проживающих в Европе, какие эти приказы и в какой степени их выполнение было секретным» [9, с. 879–880]. Однако фактически именно показания Р. Ф. Ф. Хёсса стали ключевыми доказательствами вины подсудимых.

Когда допрос свидетеля Р. Ф. Ф. Хёсса стороной защиты был закончен, право допроса было предоставлено стороне обвинения. Представитель обвинения от США полковник Харлан Амен стал зачитывать выдержки из искаженной копии документа PS-3868 и задавать вопросы свидетелю: «Правильно ли то, что он зачитал?» На что свидетель Р. Ф. Ф. Хёсс лишь подтверждал односложно по-немецки «Так точно». Но и в этой короткой фразе, «сви-

детель» иногда применяет речевые обороты, не свойственные немецким военнослужащим [10]. В судебном заседании ни Суд, ни одна сторона обвинения или защиты не опросила свидетеля Р. Ф. Ф. Хёсса о важнейших деталях убийства миллионов людей в газовых камерах, что имело огромное значение для дела.

Показания Р. Ф. Ф. Хёсса во многом абсурдны, противоречивы и не состоятельны по существу. Так Хёсс заявил, что он «не имел точных записей о количестве жертв». Однако в Освенциме велся строгий учёт прибывших, выехавших и умерших узников. При этом индивидуальная карточка с приложением трех фотографий заводилась на каждого заключённого. Сводная информация о ситуации с заключенными поступала коменданту лагеря регулярно. Но «свидетель Хёсс» указывает на то, что он, якобы, будучи комендантом Освенцима, не имел доступа к этим сведениям, и только сотрудник гестапо Адольф Эйхман, ведавший вопросами переселения еврейского населения Европы в Палестину, имел информацию о погибших в концлагере Освенцим. В частности, в приговоре МВТ приводятся такие показания Р. Ф. Ф. Хёсса: «… только один человек, фамилия которого Эйхман, вел записи о количестве жертв… и что Эйхман заявил, что, в общем, в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев» [9, с. 879–880].

Английской стороной представлены документы на английском языке, якобы подписанные бывшим комендантом Освенцима Р. Ф. Ф. Хёссом в марте-апреле (мае) 1946 года. Это документы из архива МВТ, нумеруемые как NO-1210 и PS-3868 [10]. В этих документе указано на то, что 2 (или 2,5) миллиона евреев уничтожено в Освенциме с 1941 по 1943 годы в местах умерщвления, и ещё полмиллиона евреев умерло вследствие болезней и тяжелых условий содержания. Указанные документы содержат множественные признаки некорректности. Они составлены не на собственном языке свидетеля, то есть немецком языке, а на языке лиц, которые его задержали и допросили — на английском языке.

Однако комендант Хёсс не знал английского языка. В указанных документах присутствуют множественные исправления, в том числе исправления дат, подчистки, зачёркивания карандашом, целые строки добавлены заглавными буквами на английском языке, нет объяснений причин исправлений, содержатся неразборчивые записи, пропуск целого параграфа. Таким образом, в Суде 15 апреля 1946 года частично зачитан не документ PS-3868, а его искаженная копия [10]. По правилам судебного производства МВТ экспертиза доказательств не проводилась. Выполнялись только экспертизы психиатрические и медицинские [6, Т. 7, с. 602–603]. Документы, поступавшие от обвинения, принимались как подлинные, чем и пользовались недобросовестные сотрудники обвинения от США и Великобритании.

У многих исследователей возникает вопрос о корректности показаний свидетеля обвинения Дитера Вислицени, сотрудника гестапо. Д. Вислицени заявил в Суде: «Адольф Эйхман, которому Гитлер *(именно Гитлер, а не другое лицо — прим. автора)* поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей» [6, Т. 4, с. 712–726]. Показания этого «свидетеля» по вопросу наличия приказа об уничтожении евреев, который он якобы видел в тетрадке у А. Эйхмана, абсурдны. Упоминаемый приказ имел гриф секретности не ниже «особой важности». Следовательно, этот приказ не мог покидать отдела секретных документов канцелярии Главного управления имперской безопасности Германии; выписка из него не могла быть выполнена в какие-либо несекретные тетради и уж тем более продемонстрирована посторонним лицам. Свидетель Д. Вислицени путается в показаниях, противоречит самому себе, сообщает информацию от третьих лиц [9, с. 836–848]. Некорректность показаний свидетеля Д. Вислицени очевидна. В целом Международному военному трибуна-

лу не были предъявлены документы, которые доказывали бы, что у немцев был приказ на уничтожение евреев. Что касается документального подтверждения концепции, которую часто называют «Планом тотального уничтожения евреев», то в материалах Суда такие документы отсутствуют.

В ходе судебного заседания председатель суда обнаружил признаки некорректности в документе «Схема уничтожения еврейского населения на территории действий Айнзатцгруппы А», на который ссылалась английская сторона обвинения. Это документ ПС-2273 [6, Т. 6, с. 170–172]. На этой схеме совершенно несуразно пририсованы «гробики» рядом с цифрами, указывающими количество проживающих в конкретной местности евреев. Что и выявил председатель суда. Явно видно, что «гробики» пририсованы позднее с целью фальсификации документа. Сочетание цифр проживающего еврейского населения и пририсованных к ним «гробиков» с надписью «юденфрай» (judenfrei — нем.) абсурдно: в том месте, где цифра с гробиками менее одной тысячи написано «юденфрай», а где якобы убито сотни тысяч, там слова «юденфрай» нет. К тому же слово «юденфрай» на дату документа не существовало в официальной лексике Германии, оно отсутствует в немецких словарях довоенного и военного периодов [11, с. 684]. Для этого исследования необходимо использовать двухтомный «Большой немецко-русский словарь» издательства «Советская энциклопедия» (Москва 1969 г.). Это энциклопедическое издание уникально тем, что составлено коллективом авторов, использовавших в работе большое число немецких (в том числе трофейных) словарей довоенного и военного периодов.

Суд истолковал слово «ендлёзунг» («endlosung» — нем.) как «окончательное решение еврейского вопроса» в значении «поголовного уничтожения евреев». Однако это слово в официальном немецком языке отсутствует на период довоенный и военный

[11, с. 415]. Многие исследователи считают, что это слово, привнесенное из идиша, означает «ритуальный исход еврейского народа в землю обетованную (Израиль) для проживания счастливо отныне и вовек».

Из материалов МВТ следует, что подавляющее большинство концлагерей было расположено вблизи крупных предприятий и концернов. Владельцы этих концернов получали баснословные прибыли за счет рабского труда узников концлагерей. Вне всякого сомнения, и владельцев, и руководителей таких концернов-монополий следовало также судить наравне с другими главными военными преступниками независимо от их географического расположения. Однако МВТ оправдал подсудимого Шахта, который действовал от имени и во имя германских монополий [6, Т. 7, с. 502]. Таким образом, МВТ не признал преступной деятельность монополий по агрессивному перевооружению Германии. Судья от Советского Союза Никитченко выразил особое мнение в этой связи [6, Т. 7, с. 516–541]. Ведь если бы Трибунал признал виновным Шахта, то это создало бы реальные предпосылки для уголовного преследования далеко не только одних германских дельцов и монополий.

Суд закрепил в приговоре существование «еврейской расы». Так, в отношении осужденного Г. Геринга МВТ признал его «создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей» [6, Т. 7, с. 438]. Суд фактически закрепил превосходство еврейской расы над другими расами. Так слово «евреи» в Приговоре МВТ встречается 228 раз. В то же время слово «русский» 18 раз. Причём слово «русский» четыре раза указано в контексте пособничества гитлеровцам. Если соотнести ещё и слово «советский», то окажется, что и его применение в значении «народ» или «человек» указано в приговоре лишь четыре раза. Другие национальности (расы) в приговоре встречаются также очень редко.

Количество погибших русских (советских) людей в приговоре МВТ вообще не указано. Тут необходимо сделать оговорку: приговор МВТ был опубликован в советских газетах 2 октября 1946 года в сокращенном виде [12]. Много лет спустя полный текст приговора был опубликован в специальной литературе, недоступной для широкого круга исследователей.

Специальный корреспондент газеты «Правда» В. Величко присутствовал в судебном заседании 30 сентября и 1 октября 1946 года при оглашении приговора и записал важнейшие данные из услышанного. Газета «Правда» от 3 октября 1946 года выпустила его статью «Преступление и наказание» [13]. В этой статье приводятся цифры потерь Советского Союза, указанные в оглашенном приговоре МВТ: «…15 миллионов мирных и ни в чём не повинных людей — мужчин, женщин, стариков и детей истреблено… 10.000.000… убито на полях войны… 275.000 престарелых и больных людей умерщвлено ядом… 7.000.000 угнано в немецкое рабство…» [13]. Однако в сборнике Материалов «Нюрнбергский процесс» содержится текст приговора, в котором нет этой информации [6, Т. 7, с. 307–516]. То есть, возможно, что текст приговора МВТ, оглашенный в судебном заседании 30 сентября и 1 октября 1946 года, не соответствует тексту приговора МВТ, опубликованному спустя несколько лет в сборниках документов МВТ. До настоящего времени не выполнена полистная оцифровка подлинного приговора МВТ в полном объеме. Исследователям доступен в оцифрованном виде только короткий фрагмент подлинника приговора в резолютивной части, где указаны наказания подсудимым [6, Т. 7, с. 510–511]. Есть в свободном доступе машинописная копия Приговора МВТ, но она не заверена судьями [14].

Советской стороне удалось нейтрализовать попытки подсудимых и защиты обвинить СССР в подготовке к вторжению на территорию европейских стран. Версия о «превентивном»

характере гитлеровской войны против СССР на Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. прозвучала несколько раз. «От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому» [6, Т. 7, с. 359]. Однако совокупностью документальных доказательств и показаниями свидетелей эта лживая версия была опровергнута. Международный военный трибунал установил факт того, что «планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия…» [6, Т. 7, с. 359].

Вывод: достойная реализация конституционного права на информацию позволяет обеспечить не только частные и общественные, но и государственные (национальные) интересы, что имеет огромное значение для развития государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Часть 4 статьи 29 Конституции РФ.*
2. *Хугаева, Р. Г. Конституционное право граждан на информацию / Р. Г. Хугаева, А. С. Лолаева, А. С. Гавдинов // Аграрное и земельное право. — 2021. — № 8 (200). — С. 72–76. — DOI 10.47643/1815–1329_2021_8_72. — EDN YKUUNG.*
3. *Часть 2 статьи 29 Конституции РФ.*
4. *Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ.*
5. *Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ.*
6. *Нюрнбергский процесс: сборник. — [в 8 т.]. — Москва: Государственное изд-во «Юридическая литература», 1957–1961 гг.*
7. *ЦДНИРО. Ф.1886. О.1. Д.10 а. — Л. 138–143.*

8. Горохов, В. М. Войны памяти в современном мире (на примере мемориала памяти жертв фашизма в Змиевской балке Ростова-на-Дону) / В. М. Горохов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — № 2–2. — С. 13–19. — DOI 10.37882/2223–2982.2022.02–1.10. — EDN SVEYDA.
9. Сборник материалов Нюрнбергского процесса. — [в 2-х т.]. — Москва: Государственное изд-во «Юридическая литература», 1954. — С. 879–880.
10. Faurisson, R. How the British Obtained the Confessions of Rudolf Höss // The Journal of Historical Review. — 1986–87. — Vol. 7. — № 4. — С. 380–403.
11. Большой немецко-русский словарь. — Москва: Советская энциклопедия, 1969 г. — Т. 1.
12. Правда: газета. — 02.10.1946. — С. 2–3.
13. Правда: газета. — 03.10.1946. — С. 3.
14. ГА РФ Ф.7445.О.1.Д.1648. — Л. 1–350.

BRIEF

ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO INFORMATION AND RESEARCH OF THE MATERIALS OF THE NUREMBERG TRIAL IN THE CASE OF THE MAIN NAZI WAR CRIMINALS

Gorokhov V. M.,
Independent researcher, Military Academy of the Ministry of Defense, Rostov-on-Don. Russia

Abstract. *The article deals with the implementation of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to information and study of*

the materials of the Nuremberg trials in the case of the main Nazi war criminals. Based on the variety of research methods, a conclusion is made about the legal protection of researchers. An example of the realization of the right to information in the course of comprehensive studies of the mass graves of the "Memorial to the memory of the victims of fascism in Zmievskaya Balka" in Rostov-on-Don is given. The article concludes that a worthy implementation of the constitutional right to information allows ensuring not only private and public, but also state (national) interests, and that this is of great importance for the development of the state.

Key words: *constitutional law; information; right to information; freedom of speech; access to information; the Great Patriotic War; Rostov-on-Don; genocide; Zmievskaya Balka; mass graves; clarification of mass grave sites; state interests.*

Та война справедлива, которая необходима (о параллелях войны в Абхазии (1991–1993) и на Украине)

Думаа К. Н.,
кандидат философских наук, профессор-консультант кафедры философии и культурологии Абхазского государственного университета, г. Сухум, Республика Абхазия

УДК 327

Аннотация. *В статье на основе фактического материала выполнен анализ причин специальной военной операции (СВО), проводящейся Российской Федерацией в отношении Украины. Автор проводит сопоставление СВО с грузино-абхазским вооруженным конфликтом 1991–1993 гг.*

Ключевые слова: *специальная военная операция; война; национализм; украинский неонацизм.*

Сегодня все мы глубоко переживаем по поводу драматических событий, связанных с военными действиями, развернувшимися в ходе специальной военной операции, проводимой Россией в целях демилитаризации и денацификации сопредельного государства. Трагизм ситуации состоит в том, что каждый день гибнут люди, города подвергаются масштабным разрушениям, страдает инфраструктура. Все эти беды нам, абхазам, напоминают пережитые в начале 1990-х годов страшные события грузино-абхазской войны. В основе обоих

конфликтов — и это очевидно — лежит оголтелый национализм, точнее — «припадочный патриотизм», по меткому определению Т. Манна [5]. Именно такой псевдопатриотизм в свое время привел к власти в Германии фашистов. Одинакова и стилистика ведения войны у украинских неонацистов сегодня и у грузинских националистов в Абхазии несколько десятилетий назад. О многочисленных фактах жестоких и бесчеловечных деяний грузинских агрессоров в Абхазии сказано и написано уже немало. Если все эти свидетельства собрать воедино, то можно, наверное, составить многотомную летопись варварства и ужаса, которые пережил абхазский народ. Поэтому абхазы понимают весь масштаб бедствия населения ДНР и ЛНР, ставшего следствием произвола, учиненного бандеровскими последователями киевского режима и продолжавшегося в течение многих лет.

В этой жестокой войне на стороне нацистов выступает серьезная сила, в том числе тысячи иностранных наемников, включая приехавших из Грузии. Один из них — некий Мамулашвили по ТВ вещал, что они «русских не берут в плен». И это в то время, когда официальные власти Грузии, взвесив все за и против, заявили, что по прагматическим соображениям воздерживаются от поддержки санкций коллективного Запада против России. Очевидно, у правителей Грузии в памяти еще живы воспоминания о печальных итогах военной авантюры диктатора Саакашвили в Южной Осетии в 2008 году и последовавшим за этими событиями разрывом всех экономических связей с Россией, что существенно сказалось на уровне жизни населения Грузии. Со временем постепенное восстановление внешнеторговых контактов с РФ пошло на пользу Сакартвело. И ныне Тбилиси 90% своих потребностей в пшенице и муке покрывает поставками из России, а почти 60% продукции грузинских виноделов отправляются в РФ. Важной доходной статьей грузинского бюджета являются поступления от российских туристов. Немалый

вклад в благосостояние Грузии вносят и грузинские гастарбайтеры, работающие в России. Трезвомыслящие люди в Грузии понимают, чем обернется утрата всего этого в случае открытой солидаризации с киевским режимом.

Разумеется, нынешний статус кво Грузии — это вынужденный ход Тбилиси. Очевидно, что симпатии грузинского политикума в основном остаются на стороне украинских неонацистов. Однако такое «балансирование» явно не устраивает радикальных грузинских русофобов. С начала военной операции всю страну они увешали украинскими флагами. На мартовской сессии грузинского парламента в президиуме и в ложах также были размещены украинские флаги, а депутаты, стоя, внимали гимну Украины. На многолюдном протестном митинге в Тбилиси его участники беспощадно поносили руководство страны за дистанцирование от поддержки киевского режима, за отказ «открыть второй фронт» против России в Абхазии и Южной Осетии (к этому, кстати, призывали Грузию украинские радикалы Арахамия, Данилов и др.). По мнению грузинской оппозиции, именно из-за сдержанной позиции по отношению к России Грузия не получила статус кандидата в Евросоюз. Посол США в Грузии Келли Дегнан, поддержав националистов, выступила с резкой критикой грузинского руководства. Участие грузинских «рыцарей в событиях удачи» на Украине является ответным «реверансом» за участие бандеровских головорезов в войне с Абхазией на стороне грузинских агрессоров.

Несмотря на всё это, в Киеве выразили недоумение по поводу поведения Тбилиси. Президент Зеленский отозвал своего посла из Грузии из-за «безнравственной» позиции Тбилиси, занятой по вопросу антироссийских санкций. Тогда же Д. Арахамия, единомышленник Саакашвили, возглавляющий фракцию Зеленского в Раде, заявил, что ему стыдно за то, что он грузин.

Никколо Макиавелли говорил «та война справедлива, которая необходима» [4]. Исходя в том числе из этого тезиса, российская спецоперация была необходима. Москва вынуждена была пойти на такой шаг в силу известных обстоятельств. Это вызвало наплыв огромного числа добровольцев для участия в войне против бандеровских неонацистов Украины. Плечом к плечу в борьбе с коричневой чумой сражаются представители многих национальностей, в том числе и из Абхазии, которые демонстрируют на поле брани беспримерное мужество и стойкость.

Разве можно забыть о том, как Украина после распада СССР впала в хаос внутриполитических интриг и противостояний? Кто не помнит небывалый случай избрания президента в третьем туре? Им оказался Ющенко - ярый русофоб и ставленник Запада. Вслед за этим случился кровавый Майдан и госпереворот, организованный тем же Западом, — главным образом США, которые, установив в этой стране прямое управление, сумели настроить украинцев против русских (нации, являвшейся второй по численности на Украине). Методами оголтелого геноцида русские были лишены права на свой язык. Во времена президентства Кучмы и Януковича заявлялось, что русский язык должен быть вторым государственным языком, но это осталось лишь декларацией. Зато в 2020 году английский (!) стал вторым государственным языком. С какой стати? Разве англоговорящих на Украине больше, чем русскоговорящих? В то же время стали закрываться русские школы, а школьникам во время перемен запрещалось говорить на русском языке!

Мы, абхазы, это уже проходили. Во времена сталинщины абхазские школы были превращены в грузинские, учеников наказывали, если они говорили на своем родном абхазском языке. На Украине также призывали учеников сообщать учителям, если дома родители разговаривают по-русски или смотрят российские телеканалы. Песенным хитом на Украине является исполнение

детским хором песни о том, что каждый украинец едва только зачат — уже патриот, а все они вместе — верные сыны Степана Бандеры (Наша версия, 2022, № 37). Секретарь Совета нацбезопасности А. Данилов прямо заявляет, что «русский язык должен исчезнуть с нашей территории вообще, как элемент враждебной пропаганды… А английский, наряду с родным — украинским, является обязательным *(обратите внимание: это говорит русский по национальности! — прим. автора)*. И у нас, конечно, тоже хватает перерожденцев — «огрузинившихся» абхазов, вставших на сторону грузинских антиабхазских националистов.

Притеснение русских и русскоязычных на Украине происходило по всем направлениям. Кто, например, не помнит о невыносимых условиях, созданных киевским режимом для канонической православной церкви, о давлении на ее прихожан? Дело дошло до того, что специальные патрули выискивали на улицах украинских городов говорящих на русском для их последующего наказания. То есть, имел место активный процесс дерусификации миллионов русских людей. В. Алкснис, известный российский политик, сокрушаясь по поводу проводимой киевским режимом дерусификации, недавно заметил: «Если посмотреть национальный состав Украины в 1989 г. и сравнить с теперешним, то куда-то исчезли десятки миллионов русских. Зато на десятки миллионов выросло число украинцев. Люди и их дети, которые в 1989 г. считали себя русскими, в результате русофобской националистской агитации и пропаганды стали себя считать украинцами…». Чего стоят, например, такие заявления небезызвестной неонацистки Ирины Фарион: «У нас тут еще заявляют о каком-то праве русскоязычного населения. У нас нет русскоязычного населения. Это или рабы, или оккупанты. Эти люди не должны получать образование, если не знают украинского языка, автоматически не должны получать работу». Не так давно имел хождение в отношении русских лозунг «чемодан — вокзал — Россия».

Президент Зеленский буквально заявлял: «Тот, кто на Украине чувствует себя русским, может сразу же покинуть Украину!» Везде твердили: «Украина — для украинцев!». Здесь также налицо сходство с недавним прошлым Абхазии — такая же речевка декларировалась Грузией накануне военного вторжения в нашу республику: «Грузия — для грузин!».

Очевидно, что принудительная ассимиляция русского населения на Украине вела к разрыву поколений и стиранию этнической идентичности. С фашистской идеологией украинского режима этнические русские не могли примириться. Вследствие этого крымчане, большинство которых русские, путем референдума вышли из состава Украины и вернулись в Россию, в которой находились на протяжении веков. Всем известно также, что, не случись этого события, то по договоренности с прежним президентом Украины в Крыму вскоре должны были появиться американские военные базы. Утверждается, что Пентагоном даже был подготовлен проект военной инфраструктуры, намечены места размещения пунктов оперативного управления военно-морских сил и разведки на полуострове и в Севастополе. В отместку за принципиальную позицию крымчан киевский фашистский режим во главе с Турчиновым совершил чудовищное преступление в Одессе, где заживо были сожжены десятки русских активистов. За эту варварскую акцию не только никто не был наказан, но, наоборот, она была расценена как необходимая мера. Об этом, в частности, прямо заявляет депутат Верховной рады Гончаренко. По его утверждению, сожжение людей в одесском Доме профсоюзов спасло Одессу и Украину.

Население Донбасской и Луганской областей, подвергавшихся украинскими националистическими формированиями геноциду, также вынуждено было объявить о своем суверенитете. Причем сделано было это в соответствии с принципами международного права. Об этом свидетельствует практика Междуна-

родного суда ООН в связи с событиями в Косово. Суд заявил, что часть народа имеет право, не спрашивая центральные власти, на самоопределение. Разве действия дончан и луганчан не соответствуют позиции Международного суда ООН? Киев же такому решению категорически воспротивился, а Запад, будучи приверженцем двойных стандартов, активно поддержал его. К тому же в данном случае речь не шла о выходе из состава Украины, а о самоопределении в рамках государства, в которое входили Донецкая и Луганская области. Киев, постоянно нарушая условия договора по мирному разрешению конфликта, подписанному в Минске, продолжал наносить артилерийские и ракетные удары по этим регионам. Новая украинская власть вовсе не собиралась придерживаться достигнутых договоренностей и откровенно их саботировала. В частности, об этом прямо заявил экс-президент Украины П. Порошенко по телевидению в ноябре 2022 года. По его словам, соглашение было подписано, чтобы использовать время для подготовки к войне. В том же духе высказалась и экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель 8 декабря 2022 года. Она заявила, что заключение минских договоренностей имело целью не мирное разрешение конфликта, а предоставление Украине времени на «передышку» и подготовку к будущему военному противостоянию с Россией. Стало быть, ее заявление после подписания минских документов о том, что «это дорожная карта к миру», было просто лицемерным обманом? В результате за восемь лет там погибло около 15 тыс. мирных граждан, в том числе много детей. Этот непрекращающийся геноцид, осуществлявшийся фашистским киевским режимом столь длительное время, оставался незамеченным Западом, который при этом называет себя ревностным поборником свободы слова, борьбы за права человека и демократические ценности. В его представлении на Украине вопреки вышеуказанным фактам царит «настоящая демократическая атмосфера», и ее власти последовательно борются за ее за-

щиту. Небезызвестная своими крайне русофобскими убеждениями Нэнси Пелоси — спикер палаты представителей Конгресса США — в Киеве высказала свое восхищение тем, как украинский народ защищает демократию; и это в то время, когда там пышным цветом расцветает неонацизм. Очевидные факты, подтверждающие это, игнорируются прозападными политиками. В представлении коллективного Запада героизация нацистских преступников на Украине, возведение им памятников, название в их честь площадей и улиц, массовые факельные шествия с фашистской символикой и одновременно крушение памятников героям борьбы с фашизмом, не являются чем-то предосудительным. Запад закрывает глаза на все аморальные действия киевского режима. И не просто закрывает, в, наоборот, — поощряет! Примером тому является недавнее наделение Незалежной статусом кандидата в члены Евросоюза. Очевидно, была учтена и поддержка официальным Киевом движения на Западе за легализацию однополых браков, ставших там чуть ли не критерием «демократичности общества». Не случайно незадолго до факта приема Украины в «кандидаты» была организована петиция, которую подписали 28 тыс. человек с требованием узаконить этот новый западный «цивилизационный стандарт».

Не были замечены аналогичные «шалости» и со стороны прибалтийских стран, где возвеличивают фашистских коллаборационистов и продолжают уничтожать мемориалы советским воинам-освободителям, павшим в борьбе с фашизмом, где попирают права нацменьшинств. Всё это не повлияло на принятие этих государств в Евросоюз и НАТО в 2004 году. Коллективный Запад в своих геополитических целях сделал всё для того, чтобы настроить эти государства и их политические элиты против России, использовать их в качестве орудия для ослабления Российского государства, что является давнишней мечтой англосаксов-русофобов. Можно в связи с этим вспомнить мне-

ние Бисмарка, утверждавшего, что могущество России можно подорвать, противопоставив ей Украину. Запад на протяжении долгого времени усиленно накачивал Незалежную оружием, военные инструкторы из США и Европы обучали и продолжают обучать украинских солдат, готовя их по стандартам НАТО (куда и планировалось втащить эту страну). На территории Украины и в Прибалтике, прямо у ворот России, планировалось разместить военные базы, создать военный плацдарм, очевидно угрожающий безопасности Российского государства. Обращение Москвы к руководству США и НАТО в декабре 2021 года о гарантиях взаимной безопасности, недопущении милитаризации Украины и предложении объявить последнюю нейтральной страной, было проигнорировано под тем предлогом, что Незалежная — суверенное государство, и оно само вольно решать, с кем и в какие взаимоотношения вступать.

А Украина в это время продолжала безнаказанно истреблять русскоязычное население Донбасса. Киевский неонацистский режим намеревался идти дальше — с одобрения западных покровителей совершить широкомасштабный военный поход против самоопределившихся регионов — ДНР и ЛНР. Предпринятая Россией спецоперация, таким образом, является мерой защиты мирного русского населения, превентивной мерой. На очередном опорном пункте, отбитом российскими военными у киевских националистов, была обнаружена книга (ее продемонстрировали по телевидению) под названием «Памятка войны Украины с Россией», изданная в 2020 году в Киеве. В ней подробно излагались инструкции, методы и приемы действий в ходе предстоящей войны с Россией. Как установлено, всего на несколько дней опередила специальная военная операция России военное вторжение украинской военщины в ДНР и ЛНР.

24 февраля российские спецподразделения высадились на аэродроме Гостомель под Киевом и захватили на нем само-

лет «Мрия», в котором, как сообщалось, находились компоненты грязной атомной бомбы, которую планировали сбросить на Донбасс и Ростов-на-Дону.

Приняв решение о проведении СВО, Москва подтвердила свое кредо: «Своих не сдаем!». Русский писатель Ю. Поляков в теперь уже далекие 1990-е написал: «Всякий, кто посягнет на интересы русских, живущих вне России, посягает на интересы России». Это ведь понятно, так как защита русскоязычной цивилизации является долгом России.

Для россиян любовь к Родине — не пустые слова. Об этом свидетельствует вся история этой страны. Более 90% россиян считают себя патриотами по данным опросов ВЦИОМа. Это подтверждается и консолидацией российского общества, всех народов и наций, проживающих в России. Консолидация эта относится и к мотивации проведения специальной военной операции на Украине, начатой для спасения русского населения Донбасса; консолидация выражается, в том числе, в поддержке решений руководства страны.

Однако не все граждане России в этой критической ситуации оказались на высоте. Многие «патриоты на словах» покинули родину. В этой связи вспоминается эпизод из истории: когда жизнь одного из вождей Великой французской революции (XVIII в.) Жоржа Дантона оказалась в опасности и друзья предложили переправить его за рубеж, он им заявил: «Родину на подошвах своих сапог не унесешь!» Другой выдающийся француз — Антуан де Сент-Экзюпери — говорил: «Когда в Провансе пожар, все, кто не сволочь, вооружаются ведром воды, лопатой и идут тушить пожар». К ним можно добавить и слова американского поэта Уолта Уитмена: «Страна моя, я с тобой, если даже ты неправа, а если права, то тем более…». Эти высказывания позволяют оценить поведение россиян, покинувших свою страну в важный для ее истории период. В критических условиях истинные граждане не долж-

ны прятать голову в песок, как это делает пугливый страус. Среди хлынувших в Казахстан, Грузию, Армению россиян было немало состоятельных людей, сразу по приезду купивших там недвижимость. По данным грузинской прессы, россияне учредили в Грузии 288 компаний и 6524 раза зарегистрировались как индивидуальные предприниматели. Там выросли цены на съемное жилье и на многие бытовые товары. Намерены остаться на постоянное жительство в Грузии, по официальным данным, до 20 тыс. прибывших в страну россиян. А между тем становится заметной усиливающаяся антипатия к россиянам в странах их пребывания. Обозреватель еженедельника «Аргументы и факты» Георгий Зотов, побывавший в Тбилиси осенью 2022 года, пишет о том, как в центре грузинской столицы, в баре «Дедаэна», русские посетители должны подписать бумагу о согласии, что «Россия оккупирует 20% территории Грузии, подтвердить, что не голосовали за Путина, и сказать «да» на вопрос, что Крым, Курильские острова и «другие спорные территории» России не принадлежат» [2]. Русофобское настроение особенно демонстрирует оппозиционная партия «Единое национальное движение», которая требует восстановить визовый режим с РФ и выдавать визы только после тщательной проверки.

Вполне естественно считать сбежавших из своей страны граждан предателями, раз уж они не считают страну, в которой они родились и выросли, своей родиной. В России даже раздаются мнения о том, что уезжающие сегодня из страны оказывают ей услугу, так как очищают государство от беспринципных людей. Им, очевидно, безразлично, что украинские нацисты демонстрируют животную ненависть к русским, подвергая массированным обстрелам из западного оружия мирные поселки и кварталы, больницы, школы, детские сады, другие социальные объекты. А сколько мирных граждан в результате этих преступных действий гибнет! Ненависть украинских неонацистов ко все-

му русскому, жажда расправы над русскими не имеют границ. Их военные прицельно бьют по местам массового пребывания людей — так, они обстреляли рынок в Донбассе, очередь за пенсией, пункт раздачи горячих обедов; в результате погибли более двух десятков людей. Бесчеловечно и крайне цинично выглядит трагическое событие, когда во время прощания с героиней Донбасса, командиром реактивного артиллерийского дивизиона, полковником Ольгой Качурой, состоявшемся в театре, пришедшие мирные граждане попали под обстрел, в результате которого погибло 6 человек, и десятки получили ранения. К аналогичным акциям прибегали и грузинские агрессоры во время войны в Абхазии. Было несколько случаев обстрела с вертолета людей, собравшихся на похороны погибших абхазских ополченцев. На фоне этого варварства явно провокационно выглядит заявление европейского лидера Ж. Борреля, в котором Россию он характеризует как фашистское государство. К сожалению, именно такие воззрения западные СМИ прививают своим гражданам.

Иначе как изуверским нельзя назвать использование ВСУ противопехотных мин типа «лепесток» в Донбассе. Этими малозаметными минами было покалечено немало людей и в первую очередь мирных граждан! Опыт использования таких мин имеется у американцев, применявших такую тактику во Вьетнаме. Тысячи людей стали инвалидами или погибли от кровопотери, подорвавшись на этих минах.

Грузинские каратели в Абхазии также широко использовали противопехотные мины. После войны абхазы еще долго зачищали свою территорию от этого зловещего напоминания о грузинской агрессии.

В 1997 году на Международной конференции в Канаде был подписан Договор о запрещении применения, накопления, производства и передачи противопехотных мин. Под этим документом среди 122 стран стоит и подпись Украины. Но ее действия

по использованию противопехотных мин никто на Западе, включая США (особенно плотно опекающих Незалежную), не осудил. Скорее всего, эти преступления осуществляются, как и все другие, с молчаливого одобрения Вашингтона. При этом надо заметить, что киевский режим беспощаден не только к мирным гражданам Донбасса и к российским военным, но полон решимости убивать даже своих военных, о чем свидетельствует ракетный удар по изолятору в Еленовке, где содержались украинские пленные из батальона «Азов». Погибло тогда 55 пленных, 70 получили серьезные ранения. Совершен этот бесчеловечный акт был вскоре после публикации видеопризнания одного из пленных о том, каким ужасным садистским пыткам подвергаются русские военнопленные. Боец ВСУ рассказал, что таких видео имелось много, но перед сдачей в плен они были по большей части уничтожены.

Следственным комитетом России установлены личности многих, по чьим приказам были совершены злодеяния. В частности, это командующий группировками «Юг» и «Восток» ВСУ генерал-лейтенант А. Павлюк, по приказу которого в Мариуполе блокировали гуманитарную помощь населению и использовали мирных жителей в качестве живого щита. Считается, что согласно его предписанию украинские военнослужащие должны были уничтожать всех перемещавшихся по территории города, даже женщин и детей. Аналогичным образом поступали командир 501-го батальона морской пехоты 36-й отдельной бригады ВСУ подполковник Н. Бирюков и зам. командира полка «Азов» С. Загреба, дававшие приказы подчиненным безжалостно убивать мирных граждан, обстреливать объекты гражданской инфраструктуры, что повлекло масштабные разрушения и гибель людей.

В свете вышесказанного, можно ли считать творивших такие чудовищные деяния и их наставников верующими людьми? Такие злодейства могут совершать лишь те, кто потерял образ че-

ловеческий, у кого в сердце бога нет. Столь же бесчеловечными являются и совершаемые украинскими агентами теракты, выставляющие Украину террористическим государством. Считаем, что правы те, кто утверждает: жестокость, заложенная в людях наряду гуманностью, способна переходить всякие границы в результате пропагандистско-идеологического воздействия.

В то же время узнать об истинном положении дел на Украине население стран Запада не имеет возможности. Западные СМИ тенденциозны и послушно распространяют необъективную информацию. В некоторых случаях, когда правда неожиданно просачивается сквозь пелену лжи, власти негодуют. Так, к примеру, одна из американских неправительственных организаций осмелилась объективно рассказать об обстрелах гражданских объектов в ДНР и ЛНР со стороны ВСУ ракетами, поставленными западными покровителями Украины; о гибели граждан республик и разрушениях. Авторов этой информации затравили беспощадно, заставив практически каяться за это сообщение.

Нынешние украинские неонацисты отрицают какое-либо родство с русскими, изображают русских «азиатами», а себя мнят «европейцами», точнее «славянизированными немцами». Зеленский заявляет, что украинцы являются единственными наследниками Киевской Руси. Такой лживой истории учат детей в украинских школах. В украинских учебниках для средних школ рассказывается о сражении украинских полков под Бородино, о преследовании противника — армии Наполеона. По сочинению некоего профессора П. Масляка в учебнике по географии для 8-го класса утверждается, что ряд этносов своим рождением обязаны Украине. Автор убеждает учеников в том, что испанцы, португальцы, евреи, французы и турки обитали в Галичине, прежде чем оказаться на нынешних своих территориях. Всё это просто какое-то сумасшествие, которое невозможно объяснить, не то, что комментировать!

Из-за ненависти и злобы ко всему русскому киевский националистический режим неприкрыто одурачивает своих граждан, заявляя об отсутствии какой-либо исторической связи украинцев с русскими. А между тем Украина как отдельное государство никогда не существовала. И что бы ни утверждали киевские русофобы, русские и украинцы являются единым славянским народом. А город Киев — мать городов русских. Он всегда был русским, русскоязычным. Таковыми являются также Харьков и Одесса. И так было всегда. Не случайно, когда Николая Гоголя спросили, почему он не пишет на украинском, он ответил: «Зачем писать на диалекте, когда есть язык Пушкина?» Но, как известно, частое и уверенное повторение любой лжи придает вид правдоподобности. Уместно в этой связи вспомнить слова Федора Достоевского, который утверждал: «Хозяин земли русской — есть один русский (великорус, малорус, белорус — это всё одно), так будет всегда» [1]. В понимании Достоевского русский — имя собирательное. Украинцами называли не отдельный этнос, а народ, который жил на «окрайне». Даже слово «украинец» начинают употреблять письменно только в XVIII веке и именно как обозначение региона в государстве, а не отдельного государства.

Два десятка памятников А. С. Пушкину демонтированы на Украине в последнее время (при этом во время одной такой акции в Житомире произошел несчастный случай — бюст упал на одного из активистов, и он погиб на месте). Были демонтированы в ряде украинских населенных пунктов даже памятники Т. Г. Шевченко, «вина» которого состоит в том, что великий украинский поэт слишком много писал на русском языке.

Исходя из мысли Макиавелли о том, что «та война справедлива, которая необходима» отметим, что военная спецоперация на Украине, бесспорно, является справедливой и необходимой. А вот война Грузии против Абхазии явно таковой не была. Здесь не было фатальной необходимости прибегать к силе.

На этапе развала Советского Союза повсюду на постсоветском пространстве пошли трещины, обозначились тектонические сдвиги, в том числе и в сфере национальных отношений. Многие автономии, например такие, как Северная Осетия, Карелия, Чувашия, Бурятия, Татарстан и некоторые другие, объявили о своем суверенитете. В ответ на это Москва не обрушилась на них военной мощью. Путем переговоров и убеждения все противоречия были урегулированы. Грузия же повела себя по-другому. Там почему-то посчитали, что у абхазов нет никаких оснований для недовольства, пока они остаются «под небом Грузии». В Абхазии же думали иначе и не желали соглашаться с ущемлением своих прав. Ведь в Тбилиси решались все вопросы жизни Абхазии. Местные власти даже не имели права назначить директора школы в горном селе, выделить землю семьям без получения на это санкции из грузинской столицы. Права Республики Абхазии были доведены до статуса района. В глубинке Грузии Абхазия воспринималась как один из ее районов. Приведем наглядный пример. В середине 1980-х годов руководством Тбилисского университета для чтения цикла лекций по абхазской литературе был приглашен из Сухума профессор Ш. Салакая (Шакар-ипа). Одна студентка старшего курса спросила: «Зачем же нам изучать абхазскую литературу? Мы ведь отдельно не изучаем литературу грузинских районов Гурии, Кахетии и других?». То есть Абхазская АССР чаще всего в Тбилиси с точки зрения ее административного статуса воспринималась лишь символически.

Говорят, если пружину долго сжимать, то она рано или поздно распрямится. Это и произошло в нашем случае — начались массовые акции протеста абхазов с требованием выхода республики из состава Грузии. Пришедшие к власти грузинские националисты после выхода Грузии из состава СССР не учли потенциал желания абхазов отстоять свое право на независимость и полноценное (а не символическое) самоопределение в рамках

грузинского государства с возвратом Абхазии статуса, который она имела на заре советской власти. В Тбилиси не только не захотели рассмотреть это предложение, но вернули к жизни меньшевистскую конституцию, где Абхазия вообще не значилась. Последовали массовые антиабхазские акции, на которых звучали призывы отменить автономии в Грузии; сыпались проклятия, оскорбления, угрозы расправы со стороны перевозбужденных радикалов. Их активно подстрекала националистическая интеллигенция. Надо заметить, что среди авторов, комментирующих в России те события, иногда можно встретить необъективные пассажи. Так, обозреватель газеты «Ан» Юрий Антонов в своей статье, посвященной памяти М. С. Горбачева, пишет о том, что, «как только центр ослаб, потянулись миллионы беженцев. Азербайджанцы убивали армян, абхазы — грузин…». Но где же доказательства того, что именно абхазы стали проявлять насилие в отношении грузин, а не наоборот? В том же русле рассуждает другой обозреватель из той же газеты — Денис Терентьев, который в ноябре 2021 года написал, что в Абхазии, Аджарии и Южной Осетии притесняли и изгоняли грузин. И на этом фоне набирали популярность грузинские националисты во главе с З. Гамсахурдия. Но нашему мнению, это не соответствует действительности. Абхазы не имели возможности оказывать давление на грузин по причине малочисленности своего народа, а главное — как такое могло быть при повсеместном тотальном контроле властей Грузии над республикой?

Совсем уж неправдоподобно выглядит утверждение о гонениях на грузин в Аджарии, население которой является этнически грузинским; ведь нет в природе аджарского этноса.

Абхазы на своей исторической родине, по сути, были превращены в бесправное нацменьшинство, а приток картвелов в регион не прекращался. С распадом СССР, националисты-радикалы в Грузии пришли в бешенство от позиции абхазской стороны, зая-

вившей о своих национальных интересах. И это вместо того, чтобы проявить эмпатию и поставить себя на место последних, переживших такую страшную катастрофу, как махаджирство. С точки зрения морали разве это корректно? Разве не стоило проявить мудрость и вступить в переговоры, пусть трудные и длительные, но дающие шанс прийти к компромиссу? Известный советский политик и государственный деятель А. Громыко говорил: лучше десять лет вести переговоры, чем один день воевать. Но Тбилиси неудержимо рвался к войне, стремясь «проучить» непокорных абхазов. Аналогичным было и поведение киевского режима в отношении ДНР и ЛНР. Для урегулирования конфликта состоялась известная Минская встреча в феврале 2015 года. Конфликтующие стороны под эгидой ОБСЕ в принятом соглашении трех сторон приняли по пунктам расписанные шаги мирного разрешения кризиса. Однако украинская сторона ни один пункт подписанного ей соглашения не выполнила. И прежде всего потому, что в планы Вашингтона и Лондона не входило мирное разрешение указанной проблемы. Англосаксам надо было разжечь у границ России пожар с расчетом — если пламя не перекинется на Российское государство, то хотя бы отвлечет его на время от международной повестки дня.

Между действиями грузинских радикальных националистов по отношению к Абхазии, Южной Осетии и деяниями их единомышленников на Украине явно просматриваются параллели. Это видно по действиям киевского фашистского режима на территориях ДНР и ЛНР, населенных преимущественно русскими. Этот режим делал и делает всё, включая жестокие кровавые методы, для того чтобы на земле Донбасса не было русского человека. Киевскому режиму эти люди чужды. Ему нужна только территория. Причем представители элиты «новой Украины» открыто, не скрывая, об этом говорят. В частности, об этом вещал по телевидению незадолго до начала специальной военной операции

один из рупоров киевского режима, киллер информационной войны Д. Гордон. Именно такие, как он, — пробандеровские фашисты, — находящиеся на Украине во власти, привели к сегодняшней беде свой народ.

Жители ДНР и ЛНР, страдающие от агрессии украинской военщины, а также граждане Херсонской и Запорожской областей на основе проведенных референдумов в 2022 году вошли в состав Российской Федерации. Референдум был проведен в полном соответствии с законодательством, открыто и прозрачно. Однако, как и ожидалось, Запад дружно осудил эту акцию, представив ее нарушением международного права. Все пропагандистские центры стран «демократического Запада» утверждали, что людей насильно, под дулами автоматов заставляли голосовать за вступление в состав России. Достаточно влиятельный американский неоконсерватор Л. Штраус утверждал: «Обществом, равно как и миром, следует править с помощью «благородной лжи» и «конструктивного хаоса» [7]. Вся международная политика США и его европейских сателлитов строится на этом фундаменте. Западу, особенно англосаксам, позволено нарушать какие угодно международные нормы, когда это отвечает их геополитическим и другим интересам. России же защищать свои законные интересы нельзя. Достаточно только того, что сделано в Югославии в 1999 году! Госсекретарь США Мадлен Олбрайт тогда выбирала цели для ракетных ударов по этой стране. Когда на презентации ее книги ей напомнили о бомбардировках Югославии со стороны США, в результате которых погибло 5 тыс. граждан, Мадлен обрушилась на задававших вопросы: «Убирайтесь, мерзкие сербы». Те же американцы вторглись в Ирак, произвели там госпереворот, повесили президента страны, породив опасное для мира террористическое движения «Игил» (организация запрещена в России). Такой же акт был совершен ими в Ливии, где также был убит президент страны. Можно вспомнить Афганистан и Сирию, куда

также вторглась вездесущая Америка. А сколько людей вследствие вторжения и оккупации в этих странах погибло, сколько беженцев оттуда хлынуло в Европу, среди которых оказались радикальные исламисты, совершающие теперь в Старом свете террористические акции.

Прежний миропорядок рушится. Уходит в небытие однополярность мира и гегемония англосаксов. Не желая расстаться со своим господством, Вашингтон и Лондон идут на всё, чтобы сохранить старый формат международных отношений. В этих целях они бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела государств, стравливая одну часть их населения с другой; совершают государственные перевороты, устанавливая угодные им политические режимы. Не жалеют для этого миллиардов долларов. США тратят беспрецедентные средства на спонсирование Украины, заставляя подключаться к «софинансированию» военных поставок своих европейских сателлитов. А тем временем война продолжается, гибнут люди. Однако Вашингтон, для которого Украина давно стала политической колонией, не разрешает прекратить военные действия. Им, англосаксам, безразлично, что ежедневно сотнями погибают украинцы. Американский генерал, в прошлом сенатор Р. Блек по этому поводу заявляет: «Нам наплевать, сколько погибнет украинцев, нам наплевать сколько погибнет русских, Вашингтон принимает решения, сколько воевать, и будет делать это до последнего украинца» [3]. Сказано цинично, но правдиво.

Сумасбродное марионеточное киевское руководство ничего не решает — оно исполняет указания из-за океана. «Храбрецу» Зеленскому внушают, равно как и украинскому народу, что его страна непременно победит в войне, что будут возвращены потерянные территории, включая Крым. И уже есть планы, как восстановить и обустроить свои эти регионы. Кстати, вдохновители «великих подвигов» — США и Англия — объявили Зеленского «человеком года». Здесь напрашиваются параллели с германским

фюрером, которого в 1938 году англосаксы и их союзники тоже объявляли «человеком года». А затем, по итогам Мюнхенского сговора, открыли германскому рейху путь на Восток, к границам СССР!

Уместно вспомнить абхазскую поговорку о том, как бешеному псу снились лакомства. Лидер киевского режима должен отдавать себе отчет — у России запаса прочности и военного потенциала более чем достаточно. А вот Зеленский со своими хозяевами может стереть Украину с карты мира. Об этом прямо заявил в сентябре 2022 г. бывший министр иностранных дел Румынии Андрея Марги: «Мы находимся в исключительной ситуации. И со всей ответственностью я заявляю о том, что Украина находится в неестественных для нее границах. Она должна отдать Транскарпатию Венгрии, Галицию — Польше, Буковину — Румынии, а Донбасс и Крым — России. Это территории других стран» [6].

Что же касается России, то она не ставит целью уничтожение Украины, ее цель - излечение Украины от фашистско-бандеровского недуга. Такую тяжелую болезнь нужно санировать, другого выхода для оздоровления всего организма, увы, нет. Избавление от этого недуга позволит украинскому и русскому народам открыть путь для восстановления братских отношений, укрепления единого менталитета и установления добрососедских связей. Правда, процесс этот будет нелегким и займет много времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Собрание сочинений в 15 томах. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. — С. 540.*
2. *Зотов, Г. «Русский турист, иди на…!» Как в Грузии относятся к*

приезжим из России? // Аргументы и факты. — № 48. — Соль земли Русской. — 30.11.2022.

3. *Нечаев, Ю. Экс-сенатор США Блэк: Нам все равно сколько украинцев умрет // Российская газета. — 26.08.2022.*
4. *Макиавелли, Н. Государь. — Москва: Эксмо, 2021. — С. 170.*
5. *Редактор журнала «The National Interest» Якоб Хейлбрунн о вышедшей недавно книге Тобиаса Боеса «Война Томаса Манна», посвященной жизни Манна и его роли в борьбе Америки с нацизмом. Томас Манн против Гитлера // Sapere Aude.*
6. *Экс-глава МИД Румынии заявил о неестественных границах Украины // РИА Новости. — 17.09.2022. — URL: https://ria.ru.*
7. *Штраус, Л. Разум и откровение // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — №1(21). — С. 440.*

BRIEF

THAT WAR IS JUST, WHICH IS NECESSARY (about the parallels of the war in Abkhazia (1991–1993) and Ukraine)

Dumaa K. N.,
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor-consultant of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract. *Based on the factual material, the article analyzes the reasons that led to the SVO, and draws parallels with the war in Abkhazia in 1991–1993.*

Key words: *special military operation; war; nationalism; Ukrainian neo-Nazism.*

Идеология и ответственность

Иванников А. И.,
независимый исследователь, г. Краснодар, Россия

УДК 340.1

Аннотация. *Статья посвящена понятиям «идеология» и «ответственность», их месту в системе общественных отношений и социальных ценностей. Цель статьи — показать значение формирования идеологически мотивированной и ответственной личности, которая будет соблюдать не только законы государства, но и следовать принципам и нормам международных договоров в соответствии с усвоенными государственно-правовыми ценностями.*

Ключевые слова: *идеология; ответственность; международная ответственность; государственно-правовые ценности; государственное правосознание.*

Вопросы идеологии и ответственности взаимосвязаны. Человек, идеологически мотивированный, ведет себя ответственно. В критический период развития общества и государства роль идеологии и ответственности возрастает. Воспитание ответственного человека обычно начинается с детских лет и продолжается на протяжении всей его сознательной жизни, но часто уже в форме самовоспитания. Ответственность перед государственной властью и обществом может возникнуть у человека в процессе формирования государственного правового сознания. В условиях противостояния различных экономических, религиозных и политико-правовых систем всё большую актуальность приобретают вопросы исторической

правды, идеологии, ответственности за свою семью, детей, престарелых родителей.

История человечества первой половины XXI века проходит в контексте борьбы за концепт исторической памяти, устойчивость которой зависит от политико-правовых идеалов прошлого, настоящего и будущего. Историческая память как часть духовной культуры включает и правовую и политическую память, государственно-правовые и иные социальные ценности, которые в суверенных государствах закрепляются в законах. В законодательстве предусматривается юридическая ответственность за неуважительное отношение к государственно-правовым ценностям, символам государственной власти. Государственная символика у граждан формируется в процессе политического и правового воспитания на основе признаваемой государственной властью идеологии. Идеология, отмечал В. П. Проценко, есть система «… политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности» [3, с. 51]. Российская национальная идеология до 1917 года, отмечал В. П. Проценко, в основном совпадала с государственной, а «после 1917 года русская национальная идеология оказалась под фактическим запретом, а ее сторонников подвергали репрессиям» [3, с. 65]. Некоторые российские исследователи считают, что в современной России при идеологическом многообразии должна развиваться и государственная идеология.

А. С. Балакшин, рассуждая о необходимости идеологии в каждом государстве, попытался описать структуру идеологии. В качестве базовых элементов он назвал:

— представления о судьбе и предназначении нации;

— вектор исторического развития;

— долю общественного богатства, достающегося различным социальным группам;

— общественно-политический, экономический, эстетический, нравственный идеал;

— вклад нации в мировую культуру;

— соотношение элитарной, народной и массовой культур;

— оценку имеющегося у нации исторического опыта;

— тактические цели и задачи, которые следует решать обществу и государству в ближайшей и среднесрочной перспективе;

— субъекта исторического процесса [1, с. 91].

К числу указанных выше элементов следовало бы отнести также методы защиты достижений социального прогресса конкретного государства, противодействие стиранию из памяти общества и человечества объективных фактов и обстоятельств, значимых для понимания условий формирования траектории его исторического развития. В советские времена такая деятельность называлась контрпропагандой.

Систему традиционных ценностей и принципов национального самосознания нужно транслировать от одного поколения к другому, периодически актуализируя их содержание, для того чтобы они не были забыты в будущем. Следует заботиться о том, чтобы культурно-историческая повестка дня общества не заполнялась чуждыми идеями и антиценностями, которые искажают историю народа, девальвируют его мораль, культуру, социально-экономические и научные достижения.

При нарушении положений конституции и действующего законодательства страдают интересы не только государственной машины в целом, но и рядовых граждан. Интересам государства могут нанести вред и недружественные действия других государств и лиц. Поэтому одной из задач государственной власти должно стать идеологическое обоснование нерушимости государственно-правовых ценностей и их охрана, воспитание ответственной личности.

Ответственный гражданин будет соблюдать не только законы своего государства, но и нормы международного права. В силу

того, что ответственность в сфере международного права будет приобретать всё большее значение в практике международных отношений, способствуя поддержанию международного правопорядка, воспитание ответственной личности станет важнейшей задачей юридической науки и образования на уровне всего мирового сообщества.

В рамках международного права, как известно, соблюдается обширный набор принципов:

— принцип невмешательства во внутренние дела других стран;

— принцип pacta sunt servanda («договоры должны соблюдаться»);

— принцип возмещения причиненного ущерба;

— принцип неприменения силы и угрозы силой;

— принцип разрешения международных споров мирными средствами;

— принцип равноправия и самоопределения народов;

— принцип суверенного равенства государств;

— принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву;

— принцип нерушимости государственных границ;

— принцип уважения прав человека и основных свобод и др.

Кроме того, субъекты международного права должны соблюдать определенные международные обычаи и нормы. Так, Ю. М. Колосов писал, что «… международная ответственность является особым институтом международных отношений, включающим в себя обязанность ликвидировать причиненный вред, если только вина не лежит на потерпевшей стороне, а также право этой последней на удовлетворение своих нарушенных интересов за счет интересов стороны — причинителя вреда, включая применение к ней в соответствующих случаях санкций» [2, с. 19].

Обобщая вышесказанное, считаем, что одной из важнейших задач государственной власти должно стать идеологическое обоснование своих государственно-правовых ценностей и их охрана, воспитание ответственной личности. А в период обострения идеологического противодействия на межгосударственном уровне воспитание ответственной личности, которая осознает всю меру своего гражданского долга, становится особенно значимым для государства. При этом для формирования полноценной ответственной личности в рамках системы государственной идеологии должна быть разработана мотивированная теория ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Балакшин, А. С. Идеология и культура* // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. — *2014. — Вып. 41.*
2. *Колосов, Ю. М. Ответственность в международном праве. — [2-е изд., стер.]. — Москва: Статут, 2014.*
3. *Проценко, В. П. Система и антисистема права. — Краснодар: Советская Кубань, 2004.*

BRIEF

IDEOLOGY AND RESPONSIBILITY

Ivannikov A. I.,
freelance researcher, Krasnodar, Russia

Abstract. *The article is devoted to ideology and responsibility, their place in the system of social relations, social values. The purpose of the article is to show the importance of the formation of an ideologically motivated and*

responsible person who will comply not only with the laws of the state, but also follow the principles and norms of international treaties in accordance with the learned state-legal values.

Key words: *ideology; responsibility; international responsibility; state-legal values; state legal consciousness.*

О нотариальных действиях: вопросы теории и практики

Лапина Д. С.,
врио нотариуса Сочинского нотариального округа Федина А. А., магистрант Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), аспирант Сочинского государственного университета, г. Сочи, Россия

УДК 347.961

Аннотация. *В статье анализируются подходы к категориям «механизм реализации функции государства» и «субъекты механизма реализации функций государства». Констатируется, что в реализации функций государства участвуют негосударственные, неправительственные организации, имеющие свою особую функциональную роль в политической системе общества. Делается вывод о том, что степень участия в осуществлении отдельных функций государства неодинакова для различных организаций, но, бесспорно, что профессиональные юридические общественные объединения выступают активными участниками процесса государственного строительства.*

Деятельность профессиональных общественных юридических объединений проявляется в реализации отдельных внутренних функций государства, таких как обеспечение народовластия, социальная и экологическая функции, охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка. Участие общественных юридических объединений в реализации государственных функций выражается в двух основных формах: непосредственной и опосредованной. Непосредствен-

ная форма заключена в полномочиях адвокатуры, нотариата. Опосредованная происходит через различные институты, такие как: общественный контроль, общественная экспертиза проектов нормативных актов, оказание бесплатной юридической помощи населению, участие в деятельности общественных советов, предоставление льгот при обращении за совершением нотариальных действий.

Ключевые слова: *нотариальная деятельность; государственные услуги; нотариус; нотариат; стоимость услуг; оказание бесплатной юридической помощи; функции государства; реализация функций государства; гражданское общество; нотариальный тариф; оплата нотариального действия; государственная пошлина.*

Специфика работы нотариусов, в отличие от представителей других юридических профессий, заключается в совершении нотариальных действий. При этом понятие нотариального действия многозначно и одновременно обозначает: во-первых, содержание процедуры нотариальной деятельности, выражающейся в последовательном совершении целой системы юридических фактов (динамическое понятие нотариального действия), и, во-вторых, результат нотариального производства как юридический факт (статическое понятие нотариального действия).

Нотариальные действия по своей юридической характеристике носят производный характер, поскольку объективируют и соединяют в себе результат установления достаточно большого фактического состава. Таким образом, нотариальное действие как юридический факт надстраивается над первичными юридическими фактами, представляя их обобщенное, систематизированное выражение.

Независимо от понятия нотариального действия, как статического либо динамического, ему присущи определенные юридические признаки, которые определяют его качественные характеристики среди различных юридических актов, включая действия участников гражданского оборота, судебные акты и акты органов исполнительной власти. При этом указанные признаки должны быть в единстве, что определяет условия признания нотариального действия совершенным и действительным. Отсутствие хотя бы одного из признаков приведет к недействительности нотариального действия в случае его оспаривания в судебном порядке.

Основные юридические признаки нотариального действия заключаются в следующем:

1. Нотариальные действия совершаются только определенным, установленным федеральным законом кругом лиц: нотариусами, должностными лицами органов исполнительной власти и консульских учреждений. При этом определяется компетенция каждого лица, уполномоченного на совершение нотариального действия.

2. Нотариальные действия совершаются от имени Российской Федерации (ст. 1 «Основ законодательства РФ о нотариате»), что подчеркивает официальный и публичный статус данного юридического действия. Поэтому нотариус, согласно Указу Президента России [6] и ст. 11 Основ законодательства РФ о нотариате, имеет печать с изображением Государственного герба РФ. Правомерным является также наличие непосредственно на нотариальных документах изображения Государственного герба РФ.

3. Нотариальное действие должно быть предусмотрено федеральным законом. В ст. 35–38 Основ законодательства РФ о нотариате перечислен круг нотариальных действий, которые могут совершаться нотариусами и иными уполномоченными законом должностными лицами. Вместе с тем, данный перечень нотари-

альных действий не является неисчерпаемым, поскольку существует ряд иных услуг незапрещенных законодательством РФ, которые могут быть предоставлены нотариусом гражданам.

4. Нотариальные действия осуществляются в рамках специальной процедуры нотариального производства, отличающегося жесткой связанностью порядка его осуществления, что гарантирует достижение необходимого правового результата и выполнение целей нотариата, закрепленных в ст. 1 «Основ законодательства РФ о нотариате», по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц;

5. Нотариальное действие должно соответствовать требованиям законодательства не только по процедуре его совершения, с точки зрения нотариального производства, но и, по существу, самого действия, определяемого нормами материального права, реализуемыми в данном действии. Ведь акты, удостоверяемые нотариусами, должны соответствовать требованиям как «Основ законодательства РФ о нотариате», так и иного законодательства в зависимости от того, какой сферы касается нотариальное действие, каким образом будет происходить его реализация.

Важным признаком нотариального действия является уплата государственной пошлины [3] либо нотариального тарифа в соответствии со ставками, установленными законом. Согласно ст. 22 «Основ законодательства РФ о нотариате», нотариальное действие признается совершенным после уплаты государственной пошлины или суммы согласно тарифу. Поэтому нотариус обязан произвести взимание государственной пошлины или нотариального тарифа, либо на основании имеющихся льгот для лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, освободить от ее уплаты.

Все указанные признаки нотариального действия должны наличествовать в совокупности, при отсутствии одного из них нотариальное действие может быть признано несовершенным.

Совершение нотариальных действий — это основа профессиональной деятельности нотариуса. Законодательством установлен общий порядок совершения нотариальных действий, призванный упорядочить данные процедуры. Он отражен в IX главе Основ законодательства РФ о нотариате [1].

Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций в Российской Федерации возложена на различные органы, к которым относится и нотариат.

Во-первых, нотариат представляет собой систему органов, на которую возложено удостоверение бесспорных прав и фактов, свидетельствование документов, выписок из них, придание документам исполнительной силы и выполнения других нотариальных действий в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В систему нотариата входят не только государственные нотариальные конторы и нотариусы, занимающиеся частной практикой. В эту систему входят и должностные лица органов исполнительной власти, уполномоченные на совершение нотариальных действий. Должностные лица консульских учреждений Российской Федерации совершают нотариальные действия на территории других государств. Правом совершать отдельные нотариальные действия наделены главные врачи, их заместители по медицинской части, дежурные врачи больниц, других стационарных учреждений, а также директора и главные врачи домов для престарелых и инвалидов, командиры воинских частей, соединений, учреждений и военно-учебных заведений и ряд других лиц. Должностные лица органов исполнительной власти могут совершать нотариальные действия в случае отсутствия в населенном пункте нотариуса.

Во-вторых, это отрасль законодательства, нормами которой регулируется нотариальная деятельность. В первую очередь деятельность нотариата в нашей стране организована в соответствии

с требованиями Основ законодательства о нотариате. Однако не следует считать, что только названный нормативный правовой акт регулирует деятельность нотариуса. Круг законодательных актов, так или иначе организующих деятельность нотариуса или совершение конкретных нотариальных действий, достаточно широк, и главенствующее место в нем занимают Конституция Российской Федерации, конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданско-процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ и др. законодательные акты. Определяющим правовую природу нотариата признаком следует считать юрисдикционную, правоохранительную функцию.

Организационная структура государственных нотариальных органов включает подразделение по руководству нотариатом в аппарате Федеральной службы и соответствующие подразделения этих органов в субъектах Российской Федерации, которые непосредственно и решают вопросы, связанные с организацией кадрового, финансового и организационно-методического обеспечения деятельности государственных нотариальных контор в городах и районах соответствующих территорий.

Организационные структуры частнопрактикующих нотариусов включают Федеральную нотариальную палату и ее органы, а также нотариальные палаты в субъектах Российской Федерации.

Частнопрактикующие нотариусы объединены в нотариальные палаты субъектов Российской Федерации на основании их обязательного членства. Нотариальными палатами руководят избранные общим собранием нотариусов из числа нотариусов правление и президент.

Высшим звеном нотариального профессионального объединения является собрание представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации, которое также из числа нотариусов формирует предусмотренную Основами законодательства

Российской Федерации о нотариате Федеральную нотариальную палату в лице правления и президента.

Таким образом, членами региональной нотариальной палаты являются нотариусы, а членами Федеральной нотариальной палаты — нотариальные палаты субъектов Российской Федерации. Региональные и Федеральная нотариальные палаты имеют статус некоммерческих организаций, являются юридическими лицами, регистрируются в порядке, предусмотренном для общественных организаций, осуществляют свою деятельность на основе членских взносов в соответствии с основами законодательства Российской Федерации о нотариате, Федеральным законом РФ «О некоммерческих организациях», другими нормативными актами и принятыми уставами.

Итак, нотариат — это, прежде всего, система государственных органов, наделенных действующим законодательством правом совершать нотариальные действия, а также это отрасль законодательства, нормами которой регулируется нотариальная деятельность.

Принцип целевой направленности цен состоит в четком определении приоритетных экономических и социальных проблем, которые должны решаться с помощью цен, например проблемы социальной защиты населения или проблемы целевой ориентации цен на освоение новой, прогрессивной продукции, повышение ее качества.

Принцип единства процесса ценообразования и контроля за соблюдением цен состоит в обязательном контроле со стороны государственных органов. Этот контроль распространяется, прежде всего, на продукцию и услуги тех отраслей, по которым осуществляется государственное регулирование цен.

Статьей 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» предусмотрено, что «нотариусы в рамках государственной си-

стемы бесплатной юридической помощи оказывают бесплатную юридическую помощь гражданам, обратившимся за совершением нотариальных действий, исходя из своих полномочий путем консультирования по вопросам совершения нотариальных действий в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о нотариате» [1].

При этом Основами законодательства о нотариате деятельность нотариусов по оказанию бесплатной юридической помощи населению не регламентирована. Вместе с тем в соответствии с положениями Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в Российской Федерации создается двухуровневая система бесплатной юридической помощи, которая включает в себя негосударственную и государственную системы бесплатной юридической помощи.

Льготы по уплате государственной пошлины для физических и юридических лиц, предусмотренные статьей 333.38 Налогового кодекса Российской Федерации, распространяются на этих лиц при совершении нотариальных действий как нотариусом, работающим в государственной нотариальной конторе, так и нотариусом, занимающимся частной практикой (письмо Минфина России от 09.07.2009 № 03–05–06–03/27).

Льгот по взиманию нотариального тарифа за совершение нотариальных действий, для которых законодательством Российской Федерации не предусмотрена обязательная нотариальная форма, для физических и юридических лиц Основами законодательства Российской Федерации о нотариате не установлено (письмо Минфина России от 12.02.2008 № 03–05–06–03/01).

Последняя, в свою очередь, состоит из двух типов субъектов: юридических лиц, включенных только в государственную систему бесплатной юридической помощи. Сюда стоит отнести федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной субъектов Российской

Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления федеральных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро.

И вторая группа — физические и юридические лица, наделяемые правом участия в государственной системе оказания бесплатной юридической помощи — адвокаты, нотариусы. Исходя из данного положения, можно однозначно судить о том, что нотариат также входит в государственную систему бесплатной юридической помощи. При этом его можно отнести к отдельному виду субъектов бесплатной юридической помощи, так как оказание юридических услуг нотариатом бесплатно не является первопричиной его образования и основным видов деятельности, а исходит из его полномочий.

В целях расширения категорий льготников при обращении за совершением нотариальных действий предлагается внести изменение в ст. 333.38 части второй Налогового кодекса Российской Федерации, которое устанавливает льготы по уплате государственной пошлины для физических и юридических лиц при обращении за совершением нотариальных действий. Дело в том, что ряд социально уязвимых категорий граждан не подпадают под действие льгот — например, ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны, многодетные семьи, ветераны труда. Также льготами за совершением нотариальных действий не имеют права пользоваться ветераны и инвалиды боевых действий, в том числе ветераны и инвалиды боевых действий, выполнявшие задачи в ходе специальной военной операции. В условиях изменяющейся геополитической обстановки, связанной с обострением ситуации на Украине и приемом в состав Российской Федерации территорий Донбасса, а также в связи с частичной мобилизацией, развернувшейся на территории Российской Федерации предлагается полностью освободить от необходимости уплаты госпошлины по всем видам нотариальных действий ветеранов

и инвалидов Великой Отечественной войны, ветеранов и инвалидов боевых действий, а также родителей многодетных семей. Для ветеранов труда льготу по оплате всех видов нотариальных действий предлагается установить в размере 50%.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).*
2. *Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).*
3. *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230.*
4. *Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ.*
5. *Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации».*
6. *Указ Президента РФ от 22 июля 2002 г. № 767 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на печатях нотариусов».*
7. *Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП*

от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 № 48092).

8. *Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».*
9. *Боер, В. М. Институт нотариальной деятельности: понятие, сущность, содержание // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. — 2009. — № 2. — С. 80–94.*
10. *Книпер, Рольф. Экономический анализ нотариата // Нотариальный вестник. — 2011. — № 9, 10.*
11. *Волостнова, Д. С. Экономические основы оценки нотариальной деятельности как особого вида государственных услуг / Д. С. Волостнова, С. М. Волостнов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2012. — № 4 (32). — С. 16–22.*
12. *Ельцов, Н. С. Некоторые аспекты деятельности профессиональных юридических общественных объединений в реализации функций современного Российского государства. — Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина Российская Федерация. — 2016. — Т. 11, № 3.*
13. *Письмо Минфина России от 09.07.2009 № 03–05–06–03/27.*
14. *Письмо Минфина России от 12.02.2008 № 03–05–06–03/01.*
15. *Федеральная нотариальная палата // notariat.ru:* [сайт].

BRIEF

ABOUT NOTARIAL ACTIONS:
QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Lapina D. S.,
Acting notary of the Sochi Notary District Fedin A. A.,
Master's student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Graduate student Sochi State University, Sochi, Russia

Abstract. *The article analyzes approaches to the categories "mechanism for the implementation of the functions of the state", "subjects of the mechanism for the implementation of the functions of the state". It is stated that non-governmental, non-governmental organizations, which have their own special functional role in the political system of society, participate in the implementation of the functions of the state. It is concluded that the degree of participation in the implementation of certain functions of the state is not the same for different organizations, but it is indisputable that professional legal public associations are active participants in the process of state building. The activities of professional public legal associations are manifested in the implementation of certain internal functions of the state, such as ensuring democracy; social; ecological; protection of the rights and freedoms of citizens; ensuring law and order. Their participation is expressed in two main forms: direct and indirect. The direct form is expressed in the powers of the bar, the notary. Indirect — participation occurs through various institutions, such as: public control, public examination of draft regulations, provision of free legal assistance to the population, participation in the activities of public councils, Benefits when applying for notarial acts.*

Key words: *notarial activity; public services; notary; notary; cost of services; provision of free legal assistance; functions of the state; implementation of state functions; civil society; notary tariff; payment for notarial action; state duty.*

Кавказский колониальный роман в русской литературе

Лебедев В. Д.,
кандидат философских наук, доцент,
Сочинский институт (филиал) РУДН, г. Сочи, Россия,
e-mail: lebedev35@inbox.ru

Лебедева Е. И.,
кандидат философских наук, доцент,
Сочинский институт (филиал) РУДН, г. Сочи, Россия,
e-mail: e_lebedeva_07@mail.ru

УДК 82

Аннотация. *Авторы статьи утверждают, что в русской литературе в лоне жанра кавказского романа формировался новый жанр — русский колониальный роман. Кавказская война — основа русского кавказского исторического романа — была предпосылкой дальнейшего освоения (колонизации) Кавказа. Колонизация — это административное, хозяйственное и культурное освоение новых территорий Российской империей. История колонизации Дагестана и Северного Кавказа — особая страница российско-кавказских взаимоотношений. У Закавказья — свои особенности. Административное освоение территории Дагестана Россией началось до Кавказской войны, после присоединения Грузии (см. роман В. Нарежного «Черный год, или горские князья» — примерно 1803–1815 г.). Административное освоение Россией северо-западной территории Северного Кавказа отражено в романе Е. П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» (1842). Колониза-*

ция Дагестана — тема русского кавказского колониального романа в исторических кавказских романах о «мюридской» войне, представленной в «дагестанской» дилогии «Горные орлы» и «Горе забытой крепости» (1875) В. И. Немировича-Данченко. Его «черкесская» дилогия (1904) «Разжалованный» и «Князь Селим» — кавказские исторические романы о начале «черкесской» войны на Северном Кавказе до его колонизации.

Ключевые слова: *колонизация; Северный Кавказ; Дагестан; роман кавказский; исторический; колониальный.*

С начала XXI века активизировалась дискуссия вокруг проблем колониализма в дореволюционной, советской и постсоветской истории России. До этого или вообще отрицалось существование колониализма в России (в противоположность хищному и алчному Западу), или признавалось существование колониализма в дореволюционной Российской империи, но отрицался его грабительский характер, а утверждалась его цивилизационная и культурная функции. В соответствии с этой парадигмой ни о каком колониальном романе в русской литературе не могло быть и речи. Только в 20-е годы XX века открыто заговорили о колониальной политике царизма по отношению к народам национальных окраин страны, о героизме национально-освободительной борьбы этих народов за свою свободу и независимость, чтобы осудить старый режим и противопоставить ему национальную политику советской власти. Россия, как писала в 1930 году историк Е. И. Дрябкина, была многонациональной империей, в которой «большинство завоеванных ею наций представляли собой объект колониальной эксплуатации» [4, с. 6].

Многие современные историки сомневаются в этом. Например, утверждается, что «расходы царя в российском Туркестане

почти вдвое превышали его доходы от этого региона в период с 1868 по 1910 г. » [18, с. 94]. Большинство историков придерживается мнения о том, что процессы присоединения к России территорий Сибири сравнительно с Кавказом и Средней Азии были принципиально различными. Освоение Сибири шло без завоевания; это была, якобы, мирная экспансия, Сибирь — «колония поселенцев», а Кавказ, затем Средняя Азия — это уже «фронтир» (место встречи разных цивилизаций), колонизация посредством военной силы. Однако везде и всегда Россия выполняла благородную историческую миссию, смысл которой точно выразил в 1881 году Ф. М. Достоевский»: «В Европе мы были прихлебателями и рабами, а в Азии мы будем хозяевами. В Европе мы были татарами, а в Азии — европейцами. Наша миссия, наша цивилизационная миссия в Азии будет поддерживать наш дух и вдохновлять нас» [3, с. 100]. Российская империя, как «великая колониальная держава», — пишет историк Д. Ливен, — «несла основы цивилизации народам Урала, Сибири, Средней Азии и Закавказья» [7, с. 285]; «В России не было национального угнетения, не было господствующей нации», — считает Н. Нартов [11, с. 174].

В 2013 году в Махачкале на теоретической конференции, организованной Центром геополитических экспертиз (ЦГЭ), были подняты проблемы имперского формата России. Подводя ее итоги, участники заявили, что «наше будущее, наша идея» — не европейская модель империи, а «евразийская империя народов». Будущее развитие Российского государства связано с принципами «сухопутных империй», которые, в отличие от колониальных грабительских «морских империй», «обустраивают, несут образование и технологическое развитие окраинам» [5].

Показательно, что на таких научных конференциях, как VI Международная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: колониальный и постколониальный дискурс» (Казанский федеральный университет, 2017 г.), Международная

междисциплинарная научная конференция «Нации и этничность в гуманитарных науках. Колониализм и неоколониализм: дискурсы и практики» (Санкт-Петербургский университет, 2018 г.), Международная научно-практическая конференция «Социально-политические и историко-культурные …» (Сочинский филиал РУДН, 2019 г. –доклад Ю. П. Невмержицкой «Колониальный роман как литературный феномен»), — докладчики строили свои выступления на материале англоязычной литературы. Сергей Николаевич Абашин, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, в публичной лекции на тему «Был ли СССР колониальной империей?» 29 июня 2017 года подчеркнул, что «этот вопрос относится к числу самых сложных, самых дискуссионных, и я бы даже сказал, самых эмоциональных».

Тема русского колониального романа до сих пор остается практически белым пятном в отечественном литературоведении. П. В. Алексеев в своей докторской диссертации (2015) «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма» писал, что вопросы колониального дискурса в русской литературе «практически не изучались», что в отличие от европейского ориентализма, в основе которого было представление о Европе как «островке цивилизации» в варварском мире, который необходимо покорить и преобразить культурно, в «русском ориентализме» выглядело иначе [1, с. 5–7].

Первая серьезная научная заявка была сделана только в 2020 году профессором МГПУ Элеонорой Шафранской, которая отметила, что «постколониализм, столь популярный на Западе, на литературной карте России продолжает оставаться белым пятном… Пришло время проговорить эту историческую травму, называя процессы давнего и недавнего прошлого своими именами». Тема ее работы — русский среднеазиатский колониальный роман [17].

До этого в интернете, в блоге https://repetitor.ru, в статье аспиранта Дениса Кирильчика, выпускника Санкт-Петербургского государственного университета 2022 г., «Русский колониальный роман: был ли он на самом деле?» априори утверждалось, что колониальный роман в России существовал «в качестве литературного направления». Это «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» Льва Толстого, «Амазонка пустыни» и «Казаки Абиссинии» Петра Краснова, «Джан» Андрея Платонова, «Земля Санникова» Владимира Обручева, «Вольный казак Ашинов» Валентина Пикуля, «Африканский казак» Виктора Лаптухина, «Квантун» Леонида Дроздова. Сразу видно, что в список вошли и рассказы, и повести, при этом роман Льва Толстого «Хаджи-Мурат» — всё же не колониальный, а классический кавказский исторический роман русской литературы.

Вторая половина XIX века — эпоха активной колонизации Российской империей двух ареалов: Кавказа и Средней Азии. Суть имперской идеологии — в убежденности покорителей в том, что они несут цивилизацию, культуру и прогресс, спасая диких, отсталых «азиатов» и выполняя тяжелую миссию белого человека («бремя белого человека»). Эта идеология стала идейной основой колониальной художественной литературы как на Западе, так и в России. Новый жанр формировался в приключенческой литературе в лоне жанра исторического романа. Авторов статьи интересуют проблемы российского колониализма на Кавказе.

О кавказском колониальном романе нет ни одной научной работы. На примере четырех кавказских романов В. И. Немировича-Данченко мы утверждаем, что в рамках жанра кавказского исторического романа, посвященного Кавказской войне, в русской литературе к концу XIX века сформировался новый жанр — кавказский колониальный роман, поэтика которого унаследовала многие традиции русской кавказской художественной ориенталистики.

Для авторов статьи важно терминологическое значение понятий «колония», «колонизация», «колониальный». В их представлении колония — это «поселение, построенное переселенцами, покинувшими родину и приехавшими в другую страну для создания нового общества на удаленной территории». Колонизация Северного Кавказа и Дагестана Россией — это организация государственного управления правительством России этой новой, зависимой от нее территории, ее хозяйственное и культурное освоение, в том числе и создание в северо-западной части Северного Кавказа, которая оказалась свободной от уехавших горцев, колоний из приглашенных со стороны людей. Это основная тема *кавказского колониального романа*. Кавказская война же — это тема *кавказского исторического романа.* «Кавказским» мы называем художественный текст, описывающий события, которые происходят на Северном Кавказе, Чечне или в Дагестане как в годы Кавказкой войны, так и после вхождения этих территорий в состав Российской империи. Именно здесь исторически произошло столкновение двух цивилизаций — российской и кавказской. В христианских странах Закавказья Российская империя помогала этим народам защитить свою национальную самостоятельность: Армении — от Турции, Грузии — от Персии. В итоге эти страны добровольно вошли в состав Российской империи. Это совсем иные идеологические и художественные коллизии в литературе.

Кавказский колониальный роман в русской литературе сформировался в лоне кавказского исторического романа; это повествование о том, как происходило завоевание Кавказа (исторический роман) и как постепенно развивался процесс освоения этой территории (колониальный роман). Рассмотрим с таких исторических и идеологических позиций две кавказские дилогии Василия Ивановича Немировича-Данченко — «дагестанскую» (романы «Горные орлы» и «Горе забытой крепости») и «черкес-

скую» («Разжалованный» и «Князь Селим»), изданные до революции и переизданные только в 1996 году.

Предпосылки кавказского колониального романа заложены уже в первых текстах кавказского романа русской художественной кавказской ориенталистики, посвященной теме присоединения и освоения Северного Кавказа и Дагестана. Первый кавказский роман «Черный год, или Горские князья» Василия Трофимовича Нарежного (1780–1825 гг.) был опубликован после смерти писателя, в 1829 году, и переиздан вплоть до наших дней только один раз — в 1836 году [10].

В 1800 году произошла смена места ставки российского Наместничества из Астрахани в Тифлис. Это был специальный орган административно-территориального управления территорий Грузии и Северного Кавказа с 1775 по 1917 год. Наместника на Кавказе, наделенного всей полнотой гражданской власти, назначал сам император [8]. Освоение Дагестана Российской империей началось с территории Южной Осетии («Дарьяльский проход», «Осетинская дорога», «Дарн-алан» — «Аланские ворота» [9]). Это тема романа Нарежного, который служил здесь чиновником в Наместничестве с 1801 по 1803 гг.

Что касается кавказского колониального романа, то его эволюция началась с формирования новой местной государственности и «интеграции разнородных культур», российской и кавказской цивилизаций. Хозяйственное освоение новой властью Дагестана и Северного Кавказа началось позднее, уже при советской власти.

Печальная судьба ждала и кавказский роман «Проделки на Кавказе» Е. Хмар-Дабанова (псевдоним Е. П. Лачиновой), изданный в Санкт-Петербурге в 1844 году и в Лейпциге в 1846 г. под названием «Москвичи и черкесы» в двух томах на немецком языке. Исследователи романа определяют его жанр как роман-памфлет. Как и у Нарежного, это сатира на действия Российской

империи на правом фланге Кавказской линии, в регионе Северного Кавказа в 30-е годы XIX в. Царь, прочитав роман, заявил:: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!» [16, с. 6]. Итогом стало изъятие и уничтожение 906 экземпляров из 1200 тиража [16, с. 4]. Другое произведение Е. П. Лачиновой «Два имама», также посвященное Кавказу, так и не увидело свет.

Тема вхождения Кавказа в состав России — одна из центральных не только в романе Лачиновой: она центральная во всей истории колонизации Кавказа Россией и, соответственно, в русской кавказской художественной ориенталистике.

Формирование колониального кавказского романа как жанра в русской литературе завершает Василий Иванович Немировича-Данченко (1845–1936 гг.), признанный «авторитетнейшим из военных писателей» в дореволюционной России [6, с. 179–204]. Его кавказская тетралогия была издана 1904 году, а переиздана впервые только в конце XX века (Москва: ТЕРРА, 1996).

Та же судьба ждала и 25-томное литературное наследие среднеазиатского художника и писателя Николая Николаевича Каразина (1842–1908), открывшего в русской литературе экзотический Туркестан глазами участника военных походов российской армии в Хиву и Бухару. Его среднеазиатские тексты Элеонора Шафранская рассматривает как русский колониальный роман [17]. Такой роман мог появиться или в Средней Азии, или на Северном Кавказе. И там, и там Российская империя силой оружия присоединяла к себе новые территории.

Именно Кавказская война (*кавказский фронтир*) является фундаментом поэтики кавказского колониального романа Немировича-Данченко.

События в «дагестанской» дилогии происходят в Дагестане в 40-годы XIX века в разгар Кавказской войны горцев под руководством имама Шамиля («мюридская» война). Эпизоды этой войны составляют главное содержание дилогии: в романе «Гор-

ные орлы» — осада и взятие штурмом аула Салты, в романе «Горе забытой крепости» — история успешной защиты Самурской крепости от горцев.

События в «черкесской» дилогии происходят на северо-западной территории Северного Кавказа: в романе «Разжалованный» описаны события на Свято-Никольском посту, в романе «Князь Селим» — осада и взятие штурмом Темиргоевского аула отрядом Засса.

Но это не было главной целью кавказской «экспедиции» русской армии. Военное подчинение горцев Кавказа Российской империи нужно было для их последующей колонизации. Война — это только неизбежная и вынужденная предпосылка для главного замысла. «Государственник» по своим взглядам А. С. Пушкин грозно предупреждал: «Смирись, Кавказ, идет Ермолов!». А в разговоре с братом Левой рассуждает, что средства окончательного подчинения России горцев Кавказа иные: «самовар и Библия».

Мнения о деятельности царской власти на Кавказе в исторической науке до сих пор самые противоречивые. Однако восхваление Пушкиным Ермолова вызывало возмущение Петра Вяземского, который писал А. Тургеневу: «Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, губил, уничтожал племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспевать. Поэзия — не союзница палачей; политике они могут быть нужны. Но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни. Мне досадно за Пушкина» [2, с. 231].

Немирович-Данченко для колониального жанра в лоне своего кавказского исторического романа дагестанской дилогии выбрал модель Пушкина, типичную для европейского колониального романа: те же «самовар» (цивилизация) и «Библия» (христианизация). Поэтика кавказского романа Немировича-Данченко была подготовлена кавказкой художественной ориенталистикой, пре-

жде всего Бестужева-Марлинского и Лермонтова. У Немировича-Данченко горцы Дагестана, воюющие с русскими,— «горные орлы», «богатыри проснувшегося Дагестана» [11, с. 125], о которых сам российский император говорит, что ему «жаль убивать таких воинов»: «Странные люди! Точно средневековые рыцари… В их лице — легенда уходит из мира» [13, с. 491].

В этом принципиальное отличие русского колониального романа от европейского и американского. Уважительное отношение к воюющему с Россией горцу — главная особенность русской художественной кавказской ориенталистики. Традиция «гуманного и справедливого» отношения к горцам в кавказской художественной ориенталистике связана с наследием Пушкина, Марлинского и Лермонтова, с их романтическим нарративом о сказочных красотах природы Кавказа и его удивительных аборигенах.

Все русские персонажи Немировича-Данченко еще до приезда на Кавказ были уже очарованы образом Кавказа Марлинского, Лермонтова. Нина Брызгалова, дочь коменданта Самурской крепости, приехавшая к отцу из Петербурга, воспитана на «книгах того времени», которые «говорили о *сказочных героях и дивных богатырях,* казалось, воскресивших в трущобах Дагестана легендарные средние века с их *романтическими паладинами*». Приехав на каникулах к отцу в крепость, она мечтает: «Вон там, за теми скалами, прячутся «*рыцари гор*». Одного из «горных орлов» Нина Брызгалова и выбирает своим мужем. Символично само название этого романа.

«*Приподнятая восторженная* натура» Неручева, разжалованного в солдаты центрального героя второй дилогии, «все представляла себе *по Марлинскому*, *преувеличенно*»; даже разговаривая с окружающими, «он не мог отделаться от словечек *во вкусе Марлинского*» [15, с. 247, 263].

Своеобразие «дагестанской» дилогии Немировича-Данченко как серии колониальных романов состоит в том, что, в отличие

от дилогии «адыгейской», в них кроме темы «мюридской» войны есть и тема собственно колониальная — освоение этой территории с помощью «самовара и Библии» посредством опоры на уже имевшуюся в Дагестане «обрусевшую» национальную среду. После персидского похода Петра Первого вдоль побережья Каспийского моря в 1720 году подданство России приняло самое большое и могущественное образование Дагестана шамхальство Тарковское (Кумыкия). В событиях Кавказской войны на территории Дагестана, которые произошли в повести Марлинского «Аммалат Бек» и в «дагестанской» дилогии Немировича-Данченко, «мирные» горцы играли ключевую роль. В «дагестанской» дилогии кумык-«елисуец» «дворянин» Курбан-*ага* и его сын Амед — центральные персонажи, которые стали резонерами авторской идеи колонизации Дагестана.

«Елисуец давно понимал невозможность бороться с железным кольцом неприятеля, всё теснее и теснее стягивающим его горы. Его султанство никогда открыто не враждовало с гяурами. Напротив, оно было на их стороне, но Курбан-ага хотел, чтобы мир царил повсюду в горах» [12, с. 80]. И недаром он еще ребенком был послан в Тифлис как аманат-заложник. «Его там приняли как родного, отдали в семью генерала, который воспитывал мальчика… Он даже ездил в горы, проповедуя всюду покорность войска… Потом стал участвовать как русский милиционер во всех набегах и горных экспедициях наших в Дагестан… Русские награждали его щедро за службу. Он недавно купил и в Дербенте дом… у него в углу двора зарыт старый котел с золотыми монетами» [12, с. 81]. В ответ на упреки в «черной измене» и вопрос, «за сколько золотых» он «продал свою родину и веру», Курбан-ага гордо отвечает: «Русские мне, как всем служащим у них, платят жалование… Вы, глупые горные бараны, не имеете понятия о том, что было вчера и что будет завтра… Вы сами не знаете, какой судьбе обрекаете родину».

Немирович-Данченко через своего героя на примере Тифлиса убеждает своих читателей в том, что только Россия может сделать Дагестан в будущем, после присоединения его к ней, цветущим и богатым. На глазах елисуйца за три года разоренный персами город воскрес «медом и молоком» России. «Русские открыли школы для мусульман, в их войсках служит много магометан… Всюду, куда они приходили и где оставались, развивались ремесла, цвела промышленность, начиналась торговля. Всюду вырастали сады, украшались аулы… Труд и богатство широкой рекой льются за их полками. Они ничего не отнимают — они платят за всё. Их суды справедливы, как враги они великодушны… Когда я вернулся в горы, мне показалось, что я попал в ад» [12, с. 83–85].

Кавказский колониальный роман в «дагестанской» дилогии Немировича-Данченко стал оправданием колониальной политики Российской империи на Кавказе. Как пример того, что она действительно «гуманная и справедливая»; здесь автор в эпилоге посвящает целый раздел истории спасения Грузии царским наместником Воронцовым, «настоящим гением», благодаря которому «бедная Грузия» из «царства смерти» стала «воскресшей, обновленной». Он «для Тифлиса был тем же, чем Петр Великий для России». «Кавказ того времени дал двух таких великанов. Дикая мощь и неустрашимая отвага горных племен выдвинули имама Чечни и Дагестана Шамиля; Россия поставила сюда еще более величавую фигуру цивилизатора и устроителя края М. С. Воронцова… Из царства руин, пожарищ, опустелых деревень, одичавших полей, куда он явился могучим волшебником, чтобы передать преемнику цветущие города, край, закипевший благородной работой, пышно поднявшуюся производительность, молодое общество, прекрасно и своеобразно складывавшееся в красивые и очаровательные формы… Тифлис, как Лазарь из гроба, вышел под божье солн-

це, на простор и на волю» [13, с. 455–462]. В этом главная особенность русской колонизации Кавказа и кавказского колониального романа.

Вторым надежным средством колонизации Кавказа Немирович-Данченко выбирает Библию, видимо, «по совету» Пушкина. В двух его кавказских дилогиях эта тема решается в двух разных вариантах. Более интересен этот эксперимент в «дагестанской» дилогии. Приобщить дикаря-горца к «настоящей» вере оказалось очень тяжелым «бременем» «белого человека» Нины Брызгаловой, дочери коменданта Самурской крепости, очарованной Амедом, «рыцарем гор» Марлинского.

Нина долго и настойчиво внушает юноше истины русского бога, то, что «наша вера равняет всех. Достаточно верить Иссе — и татары делаются братьями русских» [13, с. 470]. После взаимного признания в любви Нина заявляет: «Я могу быть только твоей женой и ничьей больше. Но, пойми, я могу быть женой только христианина. Иначе я уйду в монастырь» [13, с. 450]. «И сердце горца раскрылось чему-то светлому, яркому, бесконечному» [13, с. 442]. Ради любви Нины Амед совершает невероятные подвиги, за что награждается офицерским чином, обласкан наместником Воронцовым и встречается с царем, по его приглашению. Царь говорит ему: «В твоем лице, я всем *моим* горцам говорю — верьте мне и верьте России. Ни одна капля крови, пролитой за нас, не останется невознагражденной, ни один подвиг незамеченным… Я щедрый должник и хорошо плачу верным слугам. И врагам тоже!» [13, с. 490]. Нина по его указу становится фрейлиной царицы, сам он — сват и «крестный отец» Амеда. В итоге, став русским полковником Николаем Николаевичем Курбановым-Елисуйским, Амед «остался до конца верен рыцарским преданиям юности», принял активное участие в борьбе с наибами Шамиля, а после его пленения поселился с семьей в родном Елисуе». Когда началась Крымская

война, генерал Курбанов-Елисуйский с «четырьмя красавцами-сыновьями» явились добровольно под Карск, но вернулись только трое: отец и старший его сын первыми штурмовали крепость Араб-Конак, где и погибли героями [13, с. 497, 498].

Вторая дилогия — кавказские исторические романы о «черкесской» войне. Горные аулы Северного Кавказа разрушены, «тихи и пустынны», «безлюдны жалкие руины аулов», «дичает край». [15, с. 380]. На совещании во Владикавказе в 1859 году принимается решение, одобренное царем, о заселении пространства между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря выселенными с гор непокорными горцами. Им был предложен выбор — или переселение с гор на эти равнинные земли, или эмиграция в Турцию. Большинство горских племен предпочло добровольную эмиграцию.

Таким образом, задача колониального жанра — не воссоздание исторической реальность (это исторические жанры), не обличение, критика (задача сатирических жанров), а восхваление деятельности колонизатора на новой завоеванной территории, чтобы убедить читателя в благородной миссии колонизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев, П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Томск, 2015.*
2. *Вяземский, П. А. О «Кавказском пленнике», повести, соч. А. Пушкина // Русская критика XVIII–XIX веков. Хрестоматия / сост. В. И. Кулешов. — Москва: Просвещение, 1978. — 346 с.*
3. *Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. — [в 2 т.]. — Т. 2. — Москва: Айрис-Пресс, 2006.*

4. *Драбкина, Е. И., Национальный и колониальный вопрос царской России / Е. Я. Драбкина. — Москва, 1930 (2015). — 182 с.*
5. *Кузнецов, С. Имперская идея в Дагестане: в поисках идеологии // skavkaz.info/dag/imperia. — Текст: электронный.*
6. *Лебедев, В. Д. Северный Кавказ и Россия: литературные контакты и диалоги / В. Д. Лебедев, Е. И. Лебедева. — Сочи: РИЦ СГУТиК, 2010. — С. 176–204.*
7. *Ливен, Д. Империя: слово и его значения // Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. — Москва: Европа, 2007. — 688 с.*
8. *Малахов, Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII — начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. — Ставрополь, 2011.*
9. *Материалы по истории осетинского народа. — Владикавказ, 1992.*
10. *Нарежный, В. Соч. Василия Нарежного. — Ч. 1–4. — Москва: Унив. тип., 1829; «Романы и повести. Сочинения Василия Нарежного». — [2-е изд.]. — Санкт-Петербург, 1836. — Т. 6–7.*
11. *Нартов, В. Н. Геополитика: учебник для студентов вузов. — [4-е изд.]. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. — 527 с.*
12. *Немирович-Данченко, В. И. Горные орлы // В. И. Немирович-Данченко. Собрание сочинений. — Т. 1. — Москва: ТЕРРА, 1996. — 544 с.*
13. *Немирович-Данченко, В. И. Горе забытой крепости // В. И. Немирович-Данченко. Собрание сочинений. — Т. 2. — Москва: ТЕРРА, 1996. — 538 с.*
14. *Немирович-Данченко, В. И. Разжалованный // В. И. Немирович-Данченко. Собрание сочинений. — Т. 3. — Москва: ТЕРРА, 1996. — 542 с.*
15. *Немирович-Данченко, В. И. Князь Селим // В. И. Немирович-Данченко. Собрание сочинений. — Т. 4. — Москва: ТЕРРА, 1996. — 549 с.*

16. *Хмар-Дабанов, Е. Проделки на Кавказе. Предисловие С. Бойко «В этой книге что строка, то правда». — Ставрополь, 1986.*
17. *Шафранская, Э. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в литературе постколониальной // Журнал НЛО. — № 1. — 2020.*
18. *Шорковиц, Д. Была ли Россия колониальной империей? // Nomadic civilization: historical research. — 2021. — № 2 (Диттмар Шорковиц — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия).*

BRIEF

CAUCASIAN COLONIAL NOVEL IN RUSSIAN LITERATURE

Lebedev V. D.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Sochi Institute (branch) of Russian University of Peoples' Friendship,
Sochi, Russia

Lebedeva E. I.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Sochi Institute (branch) of Russian University of Peoples' Friendship,
Sochi, Russia

Abstract. *The authors of the article state that a new genre, Russian colonial novel, formed in Russian literature, in the field of the genre of the Caucasian novel. The Caucasian war being the basis of the Russian Caucasian historical novel became a prerequisite for the further colonization of the Caucasus. Colonization is the administrative, economic and cul-*

tural development of new territories by the Russian Empire. The history of the colonization of Dagestan and the North Caucasus is a special page in Russian-Caucasian relations. The administrative development by Russia of the territory of Dagestan began before the Caucasian War after the annexation of Georgia. The colonization of Dagestan is the main idea of the Russian Caucasian colonial novel, depicted in historical Caucasian novels by V.I. Nemirovich-Danchenko.

Key words: *colonization; Northern Caucasus; Dagestan; caucasian novel; historical; colonial.*

Конституционные реформы в Российской Федерации (на примере принятия и вступления в силу поправок к Конституции России 1993 года)

Михайлов А. Е.,
кандидат юридических наук, доцент
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь, Россия,
e-mail: aemihaylov@yandex.ru

УДК 342.4

Аннотация. *В статье анализируются неоднократные внесения изменений в отечественную Конституцию. Приводятся доводы в пользу того, что Конституция государства должна реагировать на непрерывно меняющиеся условия социальной и политической среды. Рассматриваются поправки 2020 года в Конституцию России, ставшие примером непосредственного правотворчества народа России, в котором приняло участие более 74 млн россиян; большинство при этом проголосовало за принятие данных изменений. Автор констатирует, что сама по себе Конституция РФ имеет признаки гибкости формы и дает возможность внесения необходимых изменений, когда это действительно необходимо. Делается вывод о том, что в будущем — не исключено — Основной закон России претерпит ряд дополнительных изменений содержания, которые могут улучшить всю систему государственного устройства*

в целом и вывести качество жизни граждан РФ на новый уровень. В ходе исследования были использованы методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический.

Ключевые слова: *Конституция России; конституционные реформы; поправки к Конституции.*

> *«… Они, эти поправки, давно назрели, они нужны и, убежден, будут полезны для страны, для общества и для наших граждан. Потому что они направлены на то, чтобы укрепить наш суверенитет, наши традиции и наши ценности — то, что составляет основу нашей жизни».*
>
> *В. В. Путин [8]*

Конституция Российской Федерации была принята путем всенародного голосования 12 декабря 1993 года. С того времени Основной закон страны претерпел изменения, которые можно выделить в ряд блоков поправок к Конституции. Данная тема является довольно актуальной и очень важной в наших реалиях. Многонациональный народ Российской Федерации стал свидетелем неоднократного внесения изменений в отечественную Конституцию, а поправки 2020 года являются примером непосредственного правотворчества народа России, в котором приняло участие более 74 млн россиян, большинство из которых проголосовало за принятие данных изменений. Любые изменения в Основной закон являются важными для граждан страны, ведь они охватывают различные сферы общественной жизни и государства, что определяет направление развития страны и касается каждого ее жителя [5].

Стоит отметить, что актуальность данной темы обусловлена также тем, что Конституция государства должна реагировать на непрерывно меняющиеся условия социальной и политической среды. Это характеризует её как развивающуюся часть законодательства и может привести к тому, что мы ещё неоднократно сможем стать свидетелями новых изменений в содержании Основного закона России и даже принять непосредственное участие в их утверждении. Поправки к содержанию Конституции являются значимыми предпосылками для становления и развития судебной власти и правосудия. Важно понимать данный факт, ведь на примере изменений содержания Конституции мы можем видеть, какую роль они играют в судебной системе на современном этапе истории нашего государства, что делает эту тему особенно актуальной и доказывает значимость данного процесса для российского правосудия, в том числе. Возможность внесения изменений в Конституцию России является эффективной возможностью для совершенствования самых значимых аспектов работы всей системы судебной власти России.

Значимость изменений влияет, прежде всего, на законодательство России, поэтому следует, упомянуть слова Е. С. Аничкина в этой связи: «важнейшей задачей законодательной политики России должно стать повышение эффективности конституционного законодательства» [1, с. 3–4].

Актуальность данного исследования обусловлена неоднократным совершенствованием содержания Конституции РФ, что свидетельствует о возможностях для качественных изменений в сфере судебной власти и правосудия в России без нарушения основных его принципов.

Изначально важно отметить, что внесение изменений в содержание Конституции Российской Федерации является весьма трудоемким и долгим процессом, так как любые проекты содержательных поправок принимаются в рамках усложненного зако-

нодательного порядка, что не характерно для иных законопроектов. Порядок и условия внесения изменений в действующий Основной закон страны описаны в главе 9 Конституции Российской Федерации и в соответствующем федеральном законе [14]. «Предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы» [9]. Также известно: «1. Положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. 2. Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации будет поддержано тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание. 3. Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция Российской Федерации считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей» [10]. «Изменение положений 3–8 глав Конституции РФ производится в форме, предусмотренной для принятия Федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации» [11]. Проходят данные

изменения в рамках принятия закона о поправке к Конституции. Что касается изменения 65-й статьи Конституции Российской Федерации: «Изменения в статью 65 Конституции Российской Федерации, определяющую состав Российской Федерации, вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации» [12].

Примерами образования в составе России новых субъектов являются: объединение в 2005 году Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край, что привело к исчезновению двух субъектов и образованию одного нового. В 2007 году Камчатская область и Корякский автономный округ исчезли из 65-й статьи Конституции, вместо них появился новообразованный Камчатский край. В том же 2007 году в состав Красноярского края вошли территории Таймырского (Долгано-Ненецкого автономного округа) и Эвенкийского автономного округа, что привело к исчезновению двух субъектов РФ. В 2008 году Усть-Ордынский Бурятский автономный округ был упразднен и исчез из Конституции РФ, так как вошел в состав Иркутской области. 1 марта 2008 года Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ были объединены в новообразованный Забайкальский край. Также примерами принятия в состав Российской Федерации новых субъектов является вхождение в состав РФ Республики Крым и города Севастополя в 2014 году, что произошло на основе волеизъявления жителей данных регионов и привело к образованию новых субъектов РФ: Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Самым новым примером вхождения в состав Российской Федерации новых регионов является присоединение к России Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей. Данное присоединение также

стало следствием референдума на данных территориях и привело к тому, что 5 октября 2022 года состав Российской Федерации увеличился на четыре субъекта Федерации. Это изменило содержание 65-й статьи Конституции, и подобное обновление статьи является на данный момент пока последним изменением содержания Основного закона страны.

Следует понимать, что любые корректировки содержания Конституции не должны противоречить её главным принципам, в частности первой главе, которую иногда именуют «Конституцией в Конституции» [13, с. 461]. Как уже говорилось, с момента вступления в силу, в Конституцию РФ было внесено несколько перечней существенных поправок. Все эти корректировки Основного закона нашей страны коснулись большей части законодательства России, а некоторые из них напрямую повлияли на развитие системы правосудия и судопроизводства [3, с. 193–206].

Рассмотрим кратко конституционные реформы в Российской Федерации. Все началось в ноябре 2008 года, когда Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в Послании к Федеральному Собранию предложил внести изменения к содержанию Конституции РФ. Суть данных изменений затрагивала срок полномочий Президента Российской Федерации, увеличивая его с 4 до 6 лет, а также изменения срока полномочий Государственной Думы — с 4 до 5 лет. Помимо этого, было внесено предложение конституционно обязать Правительство РФ выступать с ежегодным отчетом перед Государственной Думой России. По итогу, во втором и третьем чтениях законопроект об изменении содержания Конституции был одобрен 392 депутатами Государственной Думы, после чего его одобрили 144 сенатора Совета Федерации; в дальнейшем законодательные органы всех 83 субъектов Российской Федерации одобрили предложенные изменения.

Далее. Поправки в Конституцию РФ от 5 февраля 2014 года больше всего затрагивают тему правосудия и судебной власти

России и являются значимой предпосылкой для дальнейшего развития судебной системы РФ в целом и соответствующего законодательства в частности. После введения в силу данных корректировок вводился шестимесячный переходный период, в течение которого Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упразднялся, а вопросы осуществления правосудия, которые ранее относились к его ведению, передавались в юрисдикцию Верховного Суда Российской Федерации. Это регулировала часть 2 статьи 2 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Данные корректировки затронули развитие Верховного Суда РФ и всей системы судебной власти. После подписания закона о поправке [2] была фактически исключена принадлежность Верховного Суда РФ к системе федеральных судов общей юрисдикции; при этом значительно усиливалось его положение в системе правосудия, отныне начала работать единая структурированная система единого суда, что упорядочило систему правосудия в России. С тех пор вместо ВАС в Верховном Суде РФ работает коллегия по экономическим спорам ВС. Стало гораздо проще вырабатывать позицию суда по различным вопросам, что во время существования двух судов, чьи полномочия пересекались, было крайне неудобно, и нуждалось в постоянных разъяснениях. Отныне по всем вопросам, связанным с судопроизводством по экономическим делам, мы видим четкую позицию Верховного Суда РФ. Ещё до предложения о внесении изменений, очевидным фактом являлось то, что работа двух судебных систем, применяющих одно и то же законодательство (ГК РФ, КоАП РФ, НК РФ) является излишним и крайне неудобным решением. Во многих случаях обе системы пользовались одними и теми же законами, при этом применяя их по разным вопросам. Система судов общей юрисдикции, в которую на тот момент

входил ВС РФ, занималась решением споров с физическими лицами, в то время как система арбитражных судов, во главе которой находился ВАС РФ, использовала нормативно-правовые акты по вопросам разрешения споров между различными компаниями и индивидуальными предпринимателями. Основные противоречия и коллизии в судебной системе возникали из-за разных позиций по широкому кругу вопросов у Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Подобная напряженная ситуация в системе правосудия усугублялась противоречивыми судебными решениями. Эксперты по деятельности судебной системы замечали явное соперничество между двумя судами, которое главным образом проявлялось также в обзорах судебной практики с позиций разных судов и различным решением одинаковых вопросов. В особенности это различие подходов проявилось в сфере вопросов кредитования. Удачным примером дуализма и противоречий из-за этого «соперничества» являются следующие позиции высших судов России: по вопросу возможности уступки права требования по кредитному договору не кредитным организациям [7]; касательно вопросов установления договором территориальной подсудности споров между банками и заемщиками-потребителями по месту расположения банка [6]. Как мы видим, в данных примерах проявляется различие подходов двух значимых органов судебной власти, что не может привести к положительному развитию судебной системы России, а только лишь грозит некоей правовой неопределенностью в государстве, что в конечном итоге создало бы много споров и проблем. Подобное мнение и стало главным основанием для проведения решительных мер по корректировке Основного закона страны и соответствующего законодательства. Отмечу то, что объединение двух судов во многом решило данную проблему, но разные подходы к решению вопросов частично сохранились [4, с. 31–32].

В феврале 2014 года был создан проект закона, который мог наделять Президента РФ правом адресовать пожизненно в Совет Федерации своих представителей, число которых не превысит 10% от общего числа членов Совета Федерации. Данные изменения касались ч. 2 ст. 95 Конституции РФ. В соответствии с данными корректировками в состав Совета Федерации будут включены представители Российской Федерации, которые будут причислены к должности Президентом РФ. Их число не может превышать 10% от числа членов Совета Федерации, которые со стороны субъектов РФ являются представителями органов их государственной власти.

Изменения Конституции РФ, одобренные в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г., были предложены Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года. Следует отметить, что данный перечень поправок в Основной закон государства является самым масштабным и содержательным в истории современной России. Кроме того, процесс принятия данных изменений привел к общероссийскому голосованию, что стало примером непосредственного правотворчества населения Российской Федерации, а также стало первым голосованием в истории Российской Федерации по вопросам принятия изменений в действующую Конституцию государства. Изначально, изменения касались следующих вопросов: 1) внесения в Конституцию РФ корректировок, прямо гарантирующих её приоритетное положение в правовом пространстве России. Данное предложение предполагало прямое указание на приоритет Конституции над международным законодательством и международными договорами, решениями международных органов, что изменяло один из существовавших ранее принципов Конституции РФ, которой гласил о главенствующей роли международного законодательства на территории Российской Федерации; 2) установления запрета

на наличие иностранного гражданства некоторым государственным служащим; 3) причисления к должности руководителей всех силовых ведомств и прокуроров субъектов РФ Президентом России по итогам консультаций с Советом Федерации; 4) изменения требования к лицу, баллотирующемуся на должность Президента РФ: отныне, кандидату, стремящемуся получить данную должность необходимо проживать на территории России не менее 25 лет (ранее, по условию не менее 10 лет), кандидату запрещено иметь в наличии иностранное гражданство или вид на жительство не только на момент выборов, но и до этого; 5) инициативы убрать из конституционного ограничения сроков полномочий президента слово «подряд», которое могло бы позволить одному и тому же лицу занимать пост Президента более двух сроков при условии, что число последовательных сроков не должно быть более двух; 6) вверения права Конституционному суду РФ по запросу Президента России проверять конституционность законопроектов до того как, они будут подписаны; 7) вверения права Совету Федерации по представлению президента возможности отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в случае совершения ими проступков, которые порочат честь и достоинство, и при исключении любой возможности занимать данными лицами статус судьи; также и ряд других статей Конституции РФ изначально касались изменения.

За три чтения данный законопроект претерпел изменения и дополнения, что привело к внесению в содержание Основного закона государства 206 поправок. А именно: глава 3 «Федеративное устройство» — претерпела 51 корректировку, глава 4 «Президент РФ» — 19 корректировок, глава 5 «Федеральное Собрание» — 33 корректировки, глава 6 «Правительство РФ» –26 корректировок, глава 7 «Судебная власть и прокуратура» — 23 корректировки, глава 8 «Местное самоуправление» — 12 корректировок, «Преамбула» — претерпела 9 изменений, «Процедура общерос-

сийского голосования и порядок вступления в силу» — 33 корректировки. Суть данных изменений направлена на обеспечение суверенитета РФ, в том числе предусматривает запрет на деяния, целью которых может быть отчуждение части территорий России, а также призывы к данным действиям. Также было уделено внимание изменениям, влекущим повышение уровня социальной защиты, а именно приоритетное значение приобрели вопросы защиты детей и семейных ценностей, обеспечения доступности образования, повышения уровня гарантий в сфере здравоохранения для граждан России, закрепления минимального размера оплаты труда на уровне, который должен быть не меньше прожиточного минимума трудоспособного населения России, вопросы индексации пенсии, которая должна проходить не реже чем один раз в год, налаживание адресной социальной поддержки.

Улучшение единства системы публичной власти в Российской Федерации и улучшение системы взаимодействия ветвей государственной власти, которая проявляется в совершенствовании системы сдержек и противовесов. Появилась возможность создания федеральных территорий, которые представляют собой особые публично-правовые образования, осуществляющие инновационное развитие, а организация их публичной власти устанавливается специальным федеральным законом. Принятые конституционные нормы дали возможность обновить систему федерального законодательства, законодательства субъектов РФ и муниципального нормотворчества. Можно сделать вывод, что с тех пор изменения коснулись более 150 законодательных актов РФ, что свидетельствует об их необходимости и положительном значении для развития российского законодательства.

Данные поправки никак не меняли принципов плюралистической демократии в РФ и светского характера нашего государства, а также не вводили ограничений прав и свобод человека и гражданина, что означало бы возникновение противоречий

с 1 и 2 главами Конституции РФ. Положение, касающееся русского языка, объективно отсылается к роли русского народа в качестве государствообразующего, что не имеет целью принизить и никак не дискриминирует другие народы многонациональной Российской Федерации. Защита института брака как союза мужчины и женщины в нашей стране является необходимым условием для сохранения и развития народа России и не направлена на дискриминацию кого-либо. Вопросы прожиточного минимума и минимальной оплаты труда являются необходимыми для обеспечения достойного существования граждан, что отсылает нас к тому, что Россия — это социальное государство. Что касается вопроса числа сроков, в течение которых одно лицо может занимать должность Президента РФ, то данный вопрос может решиться разными способами, и сама подобная процедура, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, не имеет противоречий с основополагающими положениями Конституции РФ, что не должно вредить конституционным основам России.

Седьмая глава Конституции, которая содержит базовые принципы судебной власти России, тоже претерпела ряд изменений. Во-первых, у главы государства появилось правомочие стать инициатором отстранения от должности судей самых значимых инстанций, в том числе Верховного Суда РФ, судей кассационного и апелляционных судов, а также судей Конституционного Суда, что фактически может нейтрализовать значимость судей КС по данным вопросам.

В среде Конституционного Суда РФ (далее также — КС РФ) поправки коснулись появлением права для Конституционного Суда, проверять ещё не подписанные проекты федеральных законов, которое осуществляется по прямому обращению президента. Кроме этого, подобное правомочие Конституционный Суд РФ получил и по отношению к региональному законодательству. Значимое правомочие, которым был наделен КС РФ, — это разре-

шение вопросов возможности исполнения решений межгосударственных органов, истолкование которых противоречит Основному закону России, в основе положений которого лежат, в том числе, международные договоры РФ. Это наделяет КС РФ правом сделать невозможным применение на территории РФ различных решений, которые были приняты на основе международных договоров. Нельзя не отметить и корректировки, затронувшие количество судей Конституционного Суда России, чья численность была сокращена до 11 персон. Это коснулось и количества заместителей председателя — отныне может быть только один заместитель Председателя КС РФ. Изменения, которые коснулись Конституционного Суда РФ, частично изменили его компетенцию и усложнили подачу жалоб, но в то же время позволили судам осуществлять новые права в рамках рассмотрения не вступивших в силу законопроектов. В числе поправок было введение нового ограничения в отношении судей Конституционного Суда РФ — запрета высказывать свое мнение по вопросам, которые могут пересечься с деятельностью КС РФ, а также запрет на критику деятельности и решений Конституционного Суда России. Эти ограничения коснулись взаимодействия со СМИ, текстов собственного авторства, публикаций на различных сайтах (по сути, во всем онлайн-пространстве), озвучивание своего мнения по указанным вопросам в публичных выступлениях, а также переписки с органами государственной власти и гражданами, которые каким-то образом могут данное мнение распространить. Подобная скрытность собственного мнения касается непосредственно деятельности судей КС РФ, в том числе при закрытых совещаниях; в данном случае обнародовать результаты голосования или собственное мнение судье также запрещено. В целом компетенция судей КС РФ была значительно дополнена и урегулирована, появились новые запреты на время нахождения на конкретной должности, сократилась, как указывалось выше, численность самих судей КС РФ.

В ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. по предложенным поправкам явка избирателей составила 67,97% от всех избирателей или 74 млн граждан России, из которых 77,92% проголосовали за принятие предложенных изменений в содержании Основного закона России. Данные показатели свидетельствуют о том, что в большинстве своем граждане России согласны с данными изменениями и солидарны с подобным преобразованием законодательства нашей страны, что является очень важным фактором для функционирования всей системы российского законодательства.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на жесткость в вопросе порядка внесения изменения в Основной закон государства, сама Конституция имеет черты гибкости и возможности внесения необходимых изменений, когда это действительно необходимо. За последнее десятилетие Конституция претерпела ряд изменений в содержании, которые её усовершенствовали и позволили закрепить ряд важных дополнительных принципов и положений, которые положительно влияют на всю государственную систему и жизнь граждан Российского государства. Все перечисленные поправки имели в себе своевременную приближенную к реальности актуальную тематику, но и в то же время были ориентированы на дальнейшее развитие государства и общества России. Актуальность и значимость темы поправок в Конституцию очевидна и нуждается в научном осмыслении, тем более, учитывая то, что последний раз содержание Основного закона государства изменялось осенью 2022 года. Не исключено, что в будущем нас может ждать ряд корректировок содержания Конституции, которые могут улучшить всю систему государства и в целом жизнь наших граждан. Органам государственной системы необходимо знать и руководствоваться содержанием Основного закона страны. Гражданам, в свою очередь, необходимо понимать значение Конституции, и при возникновении возможности повлиять

на принятие изменений в её содержании проявлять ответственность и принимать участие в подобном важном событии.

В ходе изучения данной темы была достигнута главная цель работы — исследование конституционных реформ в Российской Федерации. Поправки к содержанию Конституции РФ являются значимыми предпосылками для становления и развития судебной власти и правосудия в стране по той причине, что они создают возможность корректировки практически всей судебной системы нашего государства, при этом не отменяя основных ее принципов. Подобная практика является отличной возможностью введения нужных новшеств, которые позволят развиваться нашей судебной власти и положительно влияют на её деятельность. Как мы видим, значимая роль по вопросам совершенствования судебной системы РФ принадлежит поправкам образца февраля 2014 года, которые затронули, прежде всего, Верховный Суд РФ, а также изменениям 2020 года, которые внесли много нового в работу и полномочия Конституционного Суда России. Благодаря примерам из нашей новейшей истории поправок Конституции Российской Федерации, мы видим довольно жизнеспособную систему совершенствования всей судебной системы нашей страны, что при правильном подходе может существенно развить систему российского правосудия, а это, на наш взгляд, указывает на действенность поправок в Конституцию как универсального инструмента оптимизации всего отечественного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Аничкин, Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX — начале XXI вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Тюмень, 2010. — С. 3–4.*

2. *Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158640/(дата обращения: 02.04.2023).*
3. *Михайлов, А. Е. Пределы деятельности суда в условиях правового государства: теоретико-методологический аспект // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики / отв. ред. В. М. Сырых, В. Н. Власенко. — Москва: РАП, 2014. — С. 193–206.*
4. *Михайлов, А. Е. Публичная власть: проблемы теории и практики правового регулирования // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.)/редкол.: Е. В. Вавилин (отв. ред.) и др. — Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2016. — С. 31–32.*
5. *Михайлов, А. Е. Современное Российское государство: теоретическая концепция и реальность: монография. — Москва: РУСАЙНС, 2018. — 146 с.*
6. *Пункт 2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 г.). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146628/ (дата обращения: 02.04.2023).*
7. *Пункт 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 02.04.2023).*
8. *Президент РФ выступил на заседании Государственной Думы 10.03.2020 г. — URL: http://duma.gov.ru/news/47996/ (дата обращения: 01.04.2023).*
9. *Статья 134 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными*

в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)//СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

10. *Статья 135 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.*
11. *Статья 136 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.*
12. *Статья 137 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.*
13. *Стенограмма выступления С. Н. Иванова на заседании Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации от 27 ноября 1992 года // Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия. — Т. 3: 1992 год. — Книга вторая (июль-декабрь 1992 года). — С. 461.*
14. *Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04.03.1998 г. № 33-ФЗ (ред. от 08.03.2015). — URL:* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ *18043/ (дата обращения: 02.04.2023).*

BRIEF

CONSTITUTIONAL REFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE ADOPTION AND ENTRY INTO FORCE OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA OF 1993)

Mikhailov A. E.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Crimean Branch of the Russian State University of Justice,
Simferopol, Russia, e-mail: aemihaylov@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes the repeated amendments to the Russian Constitution. The data are given that the Constitution of the state should respond to the constantly changing conditions of the social and political environment. The amendments of 2020 are being considered, which have become an example of direct law-making by the people of Russia, in which more than 74 million Russians took part, most of whom voted for the adoption of these changes. The author states that the Constitution itself has features of flexibility and the possibility of making the necessary changes when it is really necessary. To sum up, it is possible that in the future we may expect a number of changes in the content of the Constitution, which can improve the entire system of the state and the life of our citizens in general. In the course of the study, the following methods were used: comparative legal, formal legal and analytical.*

Key words: *The Constitution of Russia; constitutional reforms; amendments to the Constitution.*

Проблема правового регулирования в сфере правоприменения договора аренды транспортного средства без экипажа (каршеринга)

Мушкин В. Г.,
преподаватель,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия, e-mail: vlad071293@vmushkin.ru

УДК 347

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема правового регулирования договора аренды транспортного средства без экипажа (договора каршеринга) в системе гражданского права Российской Федерации. Приводятся особенности практического применения данного правового института с учетом действующего законодательства. Анализируются механизмы совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере и делается вывод о необходимости модернизации правоприменительного значения вышеуказанного договора в современных условиях.*

Ключевые слова: *каршеринг; договор; граждане; арендатор; арендодатель.*

В настоящее время в связи с активным ростом городов, ускорением темпа жизни в мегаполисах, ростом цен на автомобили, горючее, обслуживание такси, услуги предоставления автомобилей с поминутной оплатой — каршеринг —

становятся все более популярными. Такие контракты появились в России не так давно, но уже пользуются большой популярностью, так как растет спрос на указанный вид аренды транспортных средств, развиваются автопарки транспортных компаний и т. д. В свою очередь государство также заинтересовано в развитии данного института в рамках формирования транспортной инфраструктуры, а также в пополнении бюджета за счет налогов платежей от бизнес-структур, занимающихся каршерингом.

Всё это привело к появлению новых форм организации компаний, занимающихся каршерингом. Однако при этом возникают трудности в понимании правовой природы договора каршеринга и содержания этого вида коммерческой деятельности, поскольку на федеральном уровне отсутствует нормативное регулирование данного вида договора. На практике возникает масса проблем с тем, как потребитель данной услуги может обезопасить себя, ведь договор, который заключается между каршеринговой компанией и физическим лицом, имеет множество подводных камней для юридически неграмотного человека.

Например, это касается штрафов. Практически во всех каршеринговых компаниях в договорах предусмотрены штрафы за курение в салоне, за пустой бак при возврате автомобиля и т. д. Далее компания получает штрафы за нарушение ПДД, а она, в свою очередь, перенаправляет это требование провинившемуся водителю, и сумма списывается с его счета автоматически, без возможности оплаты 50%, как, например, это имеет место на портале «Госуслуги». Также при недостаточном количестве денег на карте начинают начисляться пени и проценты (до 5% в сутки).

С. А. Филиппов и П. О. Переярина считают, что каршеринг уже практически встроен в повседневную жизнь людей, но тем не менее необходимо внимательно знакомиться со всеми условиями договора, чтобы избежать негативных последствий, напри-

мер, в виде наступления ответственности [2]. Однако, несмотря на удобство этого сервиса, очевидные плюсы экономии и мобильность, можно согласиться с мнением В. Вагантова, который верно констатирует, что такой прокат машины может привести к ряду негативных моментов, так как неясность правовой природы договора играет на руку каршеринговым компаниям, и преимущества этой услуги становятся для потребителя «сомнительным удовольствием» [3].

По форме договора каршеринг соответствует как договору проката, так и договору аренды авто, либо заключается в специализированных мобильных приложениях путем обмена письмами, что в соответствии со ст. 434 ГК РФ [1] можно приравнять к письменной форме. Это является отличным примером рамочного договора. Теория соотношения рамочного договора и разовых сделок, которые были заключены в рамках такого договора, всё больше набирает обороты и развивается.

В рамках каршеринга арендодателем выступает юридическое лицо, что не противоречит положениям ГК РФ. А арендатором, как правило, является физическое лицо, однако есть такой вид, как «каршеринг для бизнеса», представленный на рынке несколькими компаниями, где арендатором выступает юридическое лицо, что также соответствует нормам ГК РФ. Разница между арендой авто и прокатом состоит в том, что при аренде предмет конкретизирован, но при этом существует также возможность проката транспортного средства.

Стоит заметить, что в договоре каршеринга предусмотрен запрет использования автомобиля в коммерческих целях (например, абз. 5 п. 3.1 договора присоединения АО «Каршеринг») [4], что конкретно предусмотрено договором проката и может быть прописано в договоре аренды транспортного средства.

Также стоит обратить внимание на то, что по договору каршеринга предметом является весь автопарк организации, из которо-

го арендатор может единовременно пользоваться лишь одним автомобилем, и то при условии, что он свободен. Конкретно выбранный автомобиль является предметом дополнительных договоров, которые заключаются каждый раз при новой сделке аренды. Этот факт в очередной раз обосновывает мысль, что договор каршеринга можно назвать рамочным договором, при котором арендатором в очередной раз можно будет не проходить регистрацию при каждой последующей аренде. По этим видам договора арендаторы могут вносить платеж как единовременно, так и периодически.

В каршеринге аренда ограничивается сутками, что значительно меньше года, который установлен для проката, следовательно, срок соответствует нормам гражданского законодательства. По общему правилу для ГК РФ характерно исчисление сроков аренды авто минимум в часах, а не в минутах, как это указано в каршеринге.

Одним из важных отличий каршеринга и проката является субъект, который должен провести осмотр сдаваемого имущества заблаговременно. Однако в условиях договора с организациями могут быть прописаны совсем другие положения. Например, в обязанности клиента входит предварительный самостоятельный осмотр для оценки технического состояния предоставляемого в аренду автомобиля. Если клиент обнаружит какие-либо недостатки, то он обязан сообщить о них организации до начала поездки. Похожие положения есть и в договоре присоединения АО «Каршеринг» (п. 5.1.2). Нормы проката нельзя применить к каршерингу из-за способа заключения договора.

В п. 1 пп. 29.2–29.5 ООО «Каршеринг Руссия» договора каршеринга предусмотрена обязанность арендодателя осуществлять текущий и капитальный ремонт, что противоречит договору аренды транспортного средства. Часть судов в своих решениях делают вывод о том, что договор каршеринга является смешанным договором, который состоит из возмездного оказания услуг и аренды авто. Но обращаем внимание, что в договорах каршеринга цена

на такие услуги не установлена, хотя в соответствии со ст. 779 ГК РФ это является существенным условием договора [5].

Существует еще одно важное условие: в каршеринге момент передачи имущества происходит по требованию арендатора, а не в момент заключения договора. Это условие характеризует договор как консенсуальный, чего об аренде транспортного средства сказать совсем нельзя, так как он является реальным.

Среди дискуссионных признаков каршеринга отмечается его публичность. Так, А. И. Киселева в своей научной работе заявляет, что есть ряд требований, которые предъявляются к пользователям по договору каршеринга, среди которых многие имеют дискриминационную природу, что вызвало и вызывает ряд судебных споров [6]. Соответственно, всё это связано с неопределенностью и вопросами законности отдельных требований такого договора.

Примером может послужить иск гражданина Сетдинова, который обратился 01.08.2018 в Лефортовский районный суд и утверждал, что возрастные ограничения и ограничения по стажу вождения являются дискриминационными. Помимо этого, он просил признать договоры каршеринга договорами проката, а, следовательно, публичными. Ответчиками по данному делу явились сразу несколько московских компаний (7 из 15). Ответчики ссылались на наличие таких ограничений в связи с тем, что каршеринг — это договор аренды авто без экипажа, соответственно, не являющийся публичным. Также ограничения, по мнению ответчиков, необходимы для достаточного уровня безопасности транспортного средства, как для водителя, так и для других участников дорожного движения. Суд в итоге не принял доводы истца о наличии противоречий между положениями договора каршеринга и статьями 624 и 644 ГК РФ, а заключил, что это смешанный договор [7].

Таким образом, можно сказать, что каршеринг стал трендом развития экономики совместного пользования, при этом население не приобретает блага в собственность, но имеет доступ к та-

ким благам, используя возможности совместного потребления. Однако отсутствие должного правового регулирования каршеринга только увеличивает масштабы противоречий и проблем правоприменения.

На наш взгляд, необходимо установить и законодательно закрепить правовую природу договора каршеринга, выделить существенные условия договора, особое внимание уделить ответственности сторон по договору, а также установить форму и порядок заключения договора, чтобы не было подводных камней. Такие действия сократят количество споров и вопросов, связанных с договором каршеринга, а также урегулируют деятельность каршеринговых компаний, что позволит гармонично и стремительно развиваться сервисам каршеринга и всей шеринговой политике. Люди, в свою очередь, будут больше доверять компаниям, чаще пользоваться услугами каршеринга, что принесет большую выгоду и прибыль как компаниям по аренде авто, так и государству в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). — URL:* http://www.consultant.ru.
2. *Филиппов, С. А. Каршеринг как новое явление в гражданском праве Российской Федерации / С. А. Филиппов, П. О. Переярина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 3 (128). — С. 138–144.*
3. *Вагантов, В. Как командированному работнику не стать жертвой каршеринга? // Практическая бухгалтерия. — 2020. — № 12. — URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/karshering_v_avansovom_otchete/ (дата обращения: 15.11.2021).*
4. *BelkaCar: официальный сайт. — URL: https://belkacar.ru (дата обращения: 05.12.2022).*

5. Решение Новочебоксарского городского суда (Чувашская Республика) по делу № 2–1179/2017 от 26 апреля 2017 г. по делу № 2–1179/2017. — URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 06.12.2022).
6. Киселева, А. И. Проблемы правового регулирования договора каршеринга // Традиции и новации в системе современного российского права: сборник тезисов XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. — Москва: РГ-Пресс, 2019. — С. 285–286.
7. Решение Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 02–3451/2018 от 21.12.2018 по делу № 02–3451/2018. — URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 06.12.2022).

BRIEF

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT OF A VEHICLE LEASE AGREEMENT WITHOUT A CREW (CAR SHARING)

Mushkin V. G.,
teacher, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Abstract. *This article deals with the problem of legal regulation of a vehicle lease agreement without a crew (car sharing agreement) in the civil law system of the Russian Federation. The features of the practical application of this legal institution, taking into account the current legislation, are given. The mechanisms for improving legislation in this area are analyzed and a conclusion is made about the need to modernize the law enforcement significance of the above agreement in modern conditions.*

Key words: *carsharing; contract; citizens; tenant; landlord.*

Проблемы формы государства в трудах западно-русских мыслителей XI — начала XVIII вв.

Олейников В. В.,
кандидат юридических наук, ст. преподаватель,
Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
г. Одинцово, Россия,
e-mail: OleynikovVV1983@yandex.ru

УДК 34 (091) (4/9)

Аннотация. *В статье рассматриваются взгляды западно-русских мыслителей по вопросам выбора и классификации форм государства.*

Ключевые слова: *форма государства; политико-правовая мысль Древней Руси; политико-правовая мысль на западно-русских землях; форма правления; монархия; республика; абсолютизм.*

Вопрос о форме государства являлся достаточно актуальным в юридической науке на протяжении практически всей истории ее существования. Со времен глубокой древности, начиная с Аристотеля, Цицерона и других великих мыслителей прошлого, человечество пыталось вывести идеальную форму государственного устройства. Безусловно, не мог этот вопрос не затрагиваться и в трудах выдающихся русских философов, в том числе — западнорусских (в первую очередь — украинских и белорусских авторов). Все они пытались на основании определенных аргументов и доводов объяснить предпо-

чтительность одних форм государства и доказать несостоятельность других.

Целью данной работы является рассмотрение соответствующих взглядов западно-русских мыслителей в отношении формы государства в период с XI — до начала XVIII века, условно говоря — от митрополита Илариона Русина и монаха Нестора Летописца до архиепископа Феофана Прокоповича и митрополита Стефана Яворского. В данной статье автор не претендует на полноту рассмотрения всех этих взглядов, однако делает попытку внести свой скромный вклад в решение этой научной проблемы.

Те или иные аспекты обозначенной проблемы рассматривало множество отечественных и зарубежных ученых. Тут можно назвать, среди прочих, таких авторов, как россияне И. А, Иванников, Н. М. Золотухина, В. А. Томсинов, О. Ф. Скакун, украинских исследователей И. Б. Усенко и гг. Демиденко, белорусских специалистов (В. Ф. Шалькевич, Т. И. Довнар) и многих других.

Следует отметить, что к представителям западно-русской политико-правовой мысли обозначенного нами периода мы считаем целесообразным отнести тех мыслителей, чьи идеи формировались или были опубликованы на территориях Киевского, Галицко-Волынского, Полоцкого и других западно-русских княжеств, Новгородской и Псковской республик, Великого княжества Литовского, русских земель в составе Речи Посполитой. Исходя из данного соображения мы и обозначили круг персоналий древнерусских мыслителей, чьи политико-правовые взгляды применительно к форме государства, мы планируем рассмотреть в данной работе.

Уже митрополит Илларион (ум. в 1053 или после 1054), автор знаменитого трактата «Слово о Законе и Благодати», рассматривая вопрос о форме государства, определяя форму правления, склоняется к монархии, основанной на принципах единоначалия. Он неоднократно называет великого князя «единодержцем земли своея», но при этом предполагает, что реализовывать свои властные

полномочия князь должен совместно с неким Советом, ссылаясь на образ построения небесной иерархии, и, в частности, на тринитарный сюжет «Как троица едина в трех лицах, при этом нераздельна и неслиянна, также и власть и царство едины». С нашей точки зрения, такой механизм власти предполагает некую тенденцию к эволюции абсолютизма в сторону дуалистической монархии.

В знаменитой летописи «Повесть временных лет», автором которой принято считать монаха Нестора Летописца (1056–1114), дьякона Киево-Печерской лавры (в последнее время его авторство данного произведения подвергается небезосновательному сомнению), проводится идея богоустановленности такой формы правления, как удельно-династическое княжение, на практике, выражаясь современным языком, представляющее собой некий федеративный союз княжеств. Проводя идею объединения русских земель, автор летописи рассматривает в качестве центра этого объединения не великокняжескую власть, а церковь. В целом его идеалом является Древнерусское государство, представляющее собой некую родовую федерацию правящего княжеского семейства, благословение и духовное окормление которой обеспечивается Киевской митрополичьей кафедрой. Только при данном раскладе князья, по мысли Нестора, могут оставаться «богоугодными монархами» [1, с. 6–11].

Великий князь Киевский Владимир Мономах, по мнению профессора Н. М. Золотухиной, считал наиболее подходящей формой осуществления власти сочетание единоличного властвования великого князя с участием дружины. При этом княжеский интерес должен быть подчинен задачам и целям всей русской земли. Этот вывод напрашивается из содержания его великих произведений (в первую очередь — «Поучения детям») [2, с. 70–77].

Выдающийся памятник древнерусской литературы, а также философской и политико-правовой мысли «Слово о полку Игоревом» содержит в себе идею единовластия на всей территории

Русской земли. В произведении содержится предупреждение о том, что отказ от этой идеи неминуемо приведет к погибели Русского государства. К сожалению, как известно, данная идея не была, да и не могла быть реализована современниками.

Идеи укрепления и абсолютизации княжеской власти можно найти и в знаменитом «Молении Даниила Заточника», автор которого провозглашает формулу: «кораблю глава — кормчий, а ты князь — глава людям своим… Женам глава — муж, мужам — князь, а князям — Бог» [3, с. 89, 90].

Итак, большинство древнерусских киевских мыслителей развивали мысль о централизации и абсолютизации великокняжеской власти. Исключение составляют идеи, изложенные в «Повести временных лет», автор которой симпатизирует удельнолествичной системе и предлагает предоставить роль объединяющего государство института православной церкви.

Однако за пределами Киева в XII–XIII вв. объединительные взгляды не всегда были столь очевидными. Рассмотрим кратко некоторые из политико-правовых моделей такого характера.

Святая княгиня, игуменья Евфросинья Полоцкая (между 1100 и 1104–1167), обладавшая огромным политическим влиянием не только в Полоцком княжестве своего времени, но, судя по всему, и далеко за его пределами (ее политический вес, на наш взгляд, можно сопоставить с влиянием высших церковных иерархов), как свидетельствуют летописи, в ходе междоусобных войн неизменно занимала примирительную позицию. Оригиналы ее сочинений, если таковые существовали — некоторые ученые предполагают, что игуменья была автором Полоцкой летописи (об этом свидетельствовал н. п. В. Н. Татищев; считается, что этот документ был утрачен во время пожара в Москве в 1812 году) — до нас не дошли. Однако на основании косвенных данных (в т. ч., сведений из жития святой) белорусская ученая профессор Т. И. Довнар утверждает, что Евфросинья Полоцкая «выступала

последовательным защитником мира», осуждала «братоубийственные войны между удельными княжествами». По мнению Довнар, взгляды святой княгини «о необходимости поразумения между князьями и мирном сосуществовании во многом перекликаются со «Словом о полку Игоревом» [4, с. 904–908]. Таким образом, мы можем предположить, что и святая Евфросинья Полоцкая выступала в поддержку единовластия на русских землях.

Еще один известный древнерусский писатель — Кирилл Туровский (1130 — ок. 1182) — с точки зрения ученого историка И. У. Будовница не выступает за объединение Русской земли. Однако, при этом, он, будучи представителем небольшого удельного княжества (из тех, которые больше всего страдали от бесконечных княжеских распрей) и в то же время высокопоставленным священнослужителем, пребывающим в архиерейском сане (епископ Туровский), высказывается в пользу крепкой церковной организации, способной примирить враждующих князей и прекратить междоусобицы [5, с. 262, 268]. Итак, наряду с Нестором Летописцем и Евфросиньей Полоцкой, Кирилл Туровский выступает за объединяющую и доминирующую роль церковной власти в Древнерусском государстве в целом и в Туровском княжестве в частности.

Таким образом, мы не можем рассматривать вышеуказанные учения как проявление неких сепаратистских тенденций: церковные писатели выступали за главенствующую роль церкви в обществе, а не за раскол этого самого общества. Допуская, а подчас даже благославляя княжеский сепаратизм в плане организации удельного устройства государства в рамках формирующейся сословно-представительной монархии, они тем не менее стремились к объединению древнерусского общества под эгидой церковной власти. Да и сам допуск этого сепаратизма предполагал всё же наличие единства среди князей, обеспечиваемого построением отношений между ними как между

братьями, сообразно христианской и общечеловеческой морали. При этом подобная идиллия должна была реализовываться при строгом соблюдении феодальной иерархии — подчинения младших князей старшим. Примерами тут могут послужить летописные сказания о Борисе и Глебе, в которых воспевается братская любовь между двумя этими святыми князями и их сыновняя преданность старшему брату — великому князю киевскому Святополку, как известно, вероломно убившему обоих братьев. Привлекательность идеи братской любви между князьями для общества, изнеможденного бесконечными распрями между феодалами, оказалась настолько сильной, что почитание этих двух первых святых быстро распространилось далеко за пределы Руси (храмы и приделы в храмах в их честь освящались в Византии, Болгарии) и даже за пределы православной церкви (в частности известен армянский пролог «О Романосе и Давите» — такими были крестильные имена Бориса и Глеба). Разумеется, что подобные идеи братской любви между князьями на практике в подавляющем большинстве случаев оказывались утопичными, хотя и продолжали оставаться идеалом государственного устройства для многих церковных мыслителей периода феодальной раздробленности.

Ордынское нашествие стало тяжким ударом по всей древнерусской государственности. Было разрушено многое из всего того, на чем зиждились как княжеская власть, так и общество, его связи и общественные отношения, Тяжелый урон был нанесен экономике, культуре, искусству — всему тому, что является основой любого сколько-нибудь развитого государства любого исторического периода. Однако русичи, независимо от того, где они жили, — в Киеве, в Новгороде, в Суздале, в Полоцке или во Львове, продолжали ощущать себя единой общностью. Это ощущение было обусловлено в первую очередь единством православной веры, языка и менталитета.

Естественно, что вслед за пониманием того, что основными причинами поражения в войне с ордынскими полчищами, являлась разобщенность действий княжеских воинств, экономическое истощение Древнерусского государства, вызванное бесконечными княжескими междоусобицами. В этих условиях пришло осознание необходимости организации самодержавия — абсолютной княжеской власти, ее усиления и централизации.

Нашли свое отражение эти идеи и в Галицко-Волынской летописи. Рассматривая эту летопись (по ее Ипатьевскому списку), известный русский историк Н. Н. Фирсов указывает, что в ней «слышатся всего яснее два мотива: враждебное отношение к боярскому сословию и ненависть к татарам… Ясно, что летописец был ревностный сторонник княжеского рода и патриот, удрученный монгольским завоеванием» [6, с. 13]. Можно предположить, что и здесь мы имеем дело с явной склонностью автора (или авторов) данной летописи к идее необходимости упрочнения сильной централизованной княжеской власти [7, с. 125].

В то же время в памятниках истории политико-правовой мысли Новгородской и Псковской республик наблюдаются диаметрально противоположные взгляды. Так, Первая договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем (около 1264–1265) содержит следующие положения:

— ст. 2: «Держать тебе, князь, Новгород по пошлине, как держал отец твой»;

— ст. 3: «Грамот тебе князь, не отменять»;

— ст. 4: «А волость мужа (судебно-административного чиновника, назначенного новгородскими властями — авт.) тебе без вины не лишать»;

— ст. 5: «А без посадника тебе, князь, волости не раздавать, грамоты не выдавать»;

— ст. 6: «А волостями тебе новгородскими через своих мужей не править, а править ими мужам новгородским. А дар тебе от этих волостей иметь» [8, с. 135].

Таким образом, власть князя здесь представляется сугубо номинальной. Де-факто, он не оказывает никакого значимого влияния на внутренние государственно-политические процессы в республике.

Религиозную политико-правовую мысль XV–XVI вв. невозможно рассматривать вне контекста полемики нестяжателей и иосифлян. Не вдаваясь в глубинные аспекты данной полемики, отметим лишь, что ее краеугольным камнем был вопрос о праве церкви на владение значимым имуществом (в первую очередь, землями и крестьянами).

Нестяжатели, поддерживающие политику секуляризации церковного имущества, проводимую властью, преимущественно поддерживали и саму власть. Тем не менее характерной чертой их взглядов была общая склонность к идеалам именно сословно-представительной, а не абсолютной монархии. Стяжатели, стремившиеся сохранить во владении церкви ее имущество, находились в оппозиции к монаршей власти на Руси, что и послужило причиной критики этой власти со стороны основателя данного течения — Иосифа Волоцкого, допускавшего даже физическое устранение монарха, правящего несправедливо. В то же время, в концепции «Москва — Третий Рим» старца Псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея ясно прослеживается стремление к обоснованию сильной и в то же время справедливой монаршей власти: «Все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» [9] говорит он в своем послании к Великому князю Василию.

В контексте тематики нашего исследования нельзя не упомянуть позицию инока новгородского отенского монастыря, сосланного сюда из Москвы, склоняющегося к иосифлянству Зино-

вия Отенского (?–1568), с одной стороны, симпатизировавшего сословно-представительской монархии, а с другой стороны, излагавшего точку зрения, согласно которой «у безцарных людей», не имеющих владыки, «всякое настроение и мятеж бывает», ибо «крепость, покой и тишина» обретаются только в государственном состоянии, под которым, разумеется, понималась именно крепкая монархическая власть. Рассуждая о формах правления в различных государствах, старец предостерегал от безрассудного копирования иностранного опыта, объясняя это тем, что устройство государства формируется с учетом его географического положения, климата, ресурсов и обычаев народонаселения. Старец настаивал на обязательной реализации суверенитета власти Московского царства, недопустимости каких-либо внешних, в частности зарубежных влияний на его политику [10, с. 18, 19].

Великий западно-русский (западно-украинский) православный старец, святой Иван Вишенский (между 1533 и 1550 — между 1620 и 1633), в целом не отрицая возможности монархии как формы справедливого властвования, тем не менее своим общественно-политическим идеалом видит «монашескую республику», «собор равных», подобный общинам ранних христиан, живущих коллективно и в согласии друг с другом и с Богом. Монарх если и имеется, то его власть должна быть ограничена народом [11, с. 45].

Иван Вишенский был ярым противником Брестской унии. Он прекрасно осознавал подлинные причины и природу этой «любови поганской», как называл ее старец. Еще одним критиком унии выступил автор, скрывающийся под псевдонимом Христофор Филалет (есть несколько версий того, кто это был на самом деле, мы не решимся выбрать какую-либо из них в качестве единственно верной из-за того, что точно не известно, кем на самом деле был и откуда происходил этот человек; ученые склонны относить его к представителям как белорусской, так и украинской политико-правовой мысли). В 1598 году Филалет публикует про-

изведение «Апокрисис…», в котором он аргументированно опровергает доводы сторонников унии, обличает их собственные меркантильные (корыстные и карьеристские) мотивы заключения данного «договора». Исходя из этого, как и Иван Вишенский, Филалет выступает против абсолютизации монархической власти.

В целом, рассматривая западно-русскую политико-правовую мысль литовско-польского периода по вопросу о форме государства, нужно понимать, что формировалась она, в отличие от взглядов мыслителей из Московского царства, Новгородской и Псковской республик, во многом под влиянием, собственно, польской и литовской государственнических традиций. Кроме того, следует учитывать, что многие представители западно-русской политико-правовой мысли, будучи этническими русичами (украинцами, а особенно часто — белорусами), исповедовали католицизм, униатство или протестантизм (в основном кальвинизм), учились в западно-европейских учебных заведениях (в Папской греческой коллегии святого Афанасия в Риме, германских университетах и др.), что не могло не оказать колоссального влияния на их взгляды.

Среди белорусских мыслителей данного периода следует отметить выдающегося просветителя Франциска Скорину (ок. 1490 — до 1552). Его идеалом является просвещенная, гуманная и мощная монархия. В то же время, по мнению белорусского ученого В. Ф. Шалькевича, философ употребляет термины «посполитое доброе», «отчина своя», «собрание людское» как синонимы слова «государство». Они должны были обозначать организацию населения, которое занимает определенную территорию и подчиняется одной и той же власти. Монарх обязан руководить государством в строгом соответствии с законами [12, с. 57]. Таким образом, напрашивается вывод, что, по мнению Ф. Скорины, власть монарха должна быть просвещенной, но не сильной, а ограниченной законом и народом, т. е. философ склоняется к такой форме правления, как ограниченная монархия, причем

в реалиях современности эта форма более всего походит на монархию парламентскую.

Известный правовед из Великого княжества Литовского Аарон (Адам) Александр Олизаровский (ок. 1618 — ок. 1659) имел украинское или белорусское происхождение, жил и работал в Ингольштадте, позже стал профессором юридического факультета Виленской академии, последние годы жизни провел в Кенигсберге. Рассматривая различные формы государственного устройства, ученый показывает, что каждая из них противоречива, содержит как положительные, так и отрицательные черты. Высказываясь в пользу наследственной монархии, он не абсолютизирует ее, а пишет, что в ней содержится больше достоинств и меньше недостатков, по сравнению с другими [13, с. 264, 265].

Среди представителей западно-русской политико-правовой мысли следует также назвать князя Андрея Курбского (1528–1583), человека недюжинного ума, запятнавшего однако свое имя предательством Родины. Не вдаваясь глубоко в содержание его полемики с русским царем Иоанном Грозным (1530–1594), являющимся, как известно, последовательным апологетом самодержавия, отметим лишь его ярую приверженность идеалам сословно-представительной монархии — формы правления явно регрессивной и однозначно «отжившей свое» в Московском царстве данного временного периода.

Киевский митрополит святой Петр Могила (1596 (1597) — 1647) в условиях порабощения малороссийских земель католической Речью Посполитой выступал за верховенство в обществе православной духовной власти. Он считал, что власть дается от Бога, которому она и подотчетна в своих действиях. Архиерей изложил концепцию идеального властителя, видел его сильным, решительным, благочестивым и верным православию правителем [14, с. 185].

Одним из крупнейших апологетов самодержавия на Руси XVII века был выдающийся просветитель белорусского проис-

хождения Симеон Полоцкий, в миру — Самуил Петровский-Ситнианович (1629–1680). Выступая в поддержку абсолютной монархии, старец Симеон одним из первых отечественных мыслителей доказывал обоснованность формирования именно просвещенного абсолютизма. Царь должен постоянно заниматься самообразованием, общаться с «премудрыми людьми», изучать, анализировать и применять на практике зарубежный опыт государственного строительства. При этом одним из основных принципов его правления должна являться законность. Обосновывая необходимость просвещенной абсолютной монархии на Руси, мыслитель тем не менее, ссылаясь на Аристотеля, четко разграничивает понятия «царь» и «тиран», вслед за великим древним греком указывая на стяжательство и скверноприбытчество тиранического правителя, пагубную сущность тиранического правления.

Анализируя политическую программу гетмана Богдана Хмельницкого (1595–1657), профессор Г. Г. Демиденко приходит к выводу, что Хмельницкий являлся сторонником казацкой республики. Исследователь заявляет, что «одним из последних пунктов политической программы Хмельницкого было намерение придать украинской державе… форму казацкой республики с наследственной гетманской властью» [15, с. 158]. Во-первых, такая позиция видится странной, ввиду взаимоисключаемости понятий «республика» и «наследуемая высшая власть», даже с учетом похожего опыта Речи Посполитой; во-вторых, сам подход к сущности Мартовских статей 1654 года как к документу, устанавливающему отношения протектората Московского царства над Украиной или, тем более, позиция, согласно которой в 1654 году произошел захват Россией украинских земель, представляется нам насквозь лживым инструментом пропаганды украинского национализма.

Стоит отметить, что программные установки на реализацию той или иной формы правления формулировались и при других украинских гетманах: при Иване Выговском (?–1664) был подпи-

сан т. н. Гадячский трактат, предусматривающий союз трех держав: Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и Великого княжества Русского, под которым понималась Украина и которое, очевидно, должно было, по идее, стать монархией по своей форме правления (правда, в этой «монархии» польский король должен был вручать гетманскую булаву одному из четырех казацких воевод по своему усмотрению). Иван Мазепа (1640–1709) планировал создание на Украине наследственной власти гетмана, которая опиралась бы на украинскую шляхту, в то же время его ближайший соратник и такой же, как и Мазепа предатель России и перебежчик (на сторону шведов в Русско-Шведской войне), впоследствии провозглашенный мазепинцами гетманом в изгнании Филипп Орлик (1672–1742) в своих «Договорах и постановлениях прав и вольностей Войска Запорожского», известных также, как Конституция Филиппа Орлика, уже выступал за республиканскую форму правления, которая, с одной стороны, предполагала избираемость должности гетмана, а с другой — не предполагала никакой его ответственности за свои действия перед кем бы то ни было, объявляя персону гетмана неприкосновенной. Следует указать, что все политические программы трех последних указанных гетманов носили ярко выраженный антироссийский сепаратистский характер, причем отделение от Российского государства предполагало последующее попадание в полную политическую зависимость от западных государств — Польши либо Швеции.

В нашей работе мы не можем обойти вниманием взгляды двух виднейших мыслителей из среды высокопоставленного духовенства, представителей «ученой дружины» Петра Великого, выходцев из Киево-Могилянской академии — вице-президента Святейшего правительствующего синода архиепископа Феофана Прокоповича (1681–1736) и местоблюстителя патриаршего стола митрополита Стефана Яворского (1658–1722). Известно, что оба архиерея конфликтовали друг с другом, имели существенные

расхождения в своих взглядах по ряду богословских вопросов. Однако, будучи ближайшими учеными соратниками императора оба мыслителя в своих произведениях («Правда воли монаршей» и «Слово о власти и чести царской» Феофана Прокоповича, «Камень веры» Стефана Яворского) выступали активными сторонниками просвещенной абсолютной монархии. При этом, по Феофану Прокоповичу, «священство должно подчиняться царству», Стефан Яворский же считал, что монарх не вправе вмешиваться в дела духовной власти.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, если во времена Древнерусского государства характерной чертой идей отечественных мыслителей были попытки вывести такую модель формы государства, которая позволила бы предотвратить междоусобицы на русской земле, обеспечила бы единство этого государства и его народа, то во времена, начиная с середины XIII века, на востоке русских земель начинают набирать популярность идеи объединения русских земель и централизации государственной власти, на Западе же, подвергшемся воздействию католицизма и протестантизма, акценты смещаются преимущественно в сторону обеспечения личных прав и свобод индивида и децентрализации государственной власти. Лишь только мыслители из числа православного духовенства продолжали развивать идею политического и духовного объединения Руси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Медвідь, А. М. «Повість минулих літ» Нестора-Літописця як видатна пам'ятка риторичної спадщини Київської Русі // Освіта регіону: політологія, психологія, комунікації. — 2010. — № 1. — С. 6–11.*
2. *Золотухина, Н. М. Владимир Мономах и развитие русской политической правовой культуры // Советское государство и право. — 1982. — № 5. — С. 70–77.*

3. *Моленье Даниила Заточника // История политических и правовых учений: хрестоматия/сост. и общ. ред. Г. Г. Демиденко. — Харьков: Факт, 1999. — С. 89–90.*
4. *Доўнар, Т. І. Асветніца, хрысціянскі дзеяч і мысліцель старажытнай Беларусі // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 17–18 мая 2016 г., Минск / БГУ; редкол.: И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. — Минск: БГУ, 2016. — С. 904–908.*
5. *Будовиц, И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. — Москва: Изд-во АН СССР, 1960. — 488 с.*
6. *Ѳирсовъ, Н. Н. Содержаніе и характеристика Галицко-Волынской летописи по ипатьевскому списку. — Казань, 1891. — 14 с.*
7. *Хачатурян, М. В. Форма государства в трудах отечественных ученых в XIII–XVI вв. / М. В. Хачатурян, В. В. Олейников // Право и образование. — 2015. — № 4. — С. 124–131.*
8. *Первая договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем // Памятники русского права/под ред. С. В. Юшкова. — Вып. 2.: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / сост. А. А. Зимин. — Москва, 1953. — С. 132–138.*
9. *Послание Великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде / Послания старца Филофея // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). — URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105.*
10. *Олейников, В. В. До питання про форму правління в поглядах Зіновія Отенського // Міжнародна науково-практична конференція досвід у правотворчості та державному будівництві» 26 березня 2021 року: Програма і тези доповідей / Відп. за випуск І. Б. Усенко, О. М. Головко; Міжнародна асоціація істориків права, Інститут держави і права імені В. М. Корецького НАН України, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. — Київ — Харків, 2021. — С. 18–19.*

11. Блинова, М. А. Филофей Псковский и Иван Вишенский: сравнительная характеристика государственно-правовых взглядов в контексте развития полемики иосифлян и нестяжателей / М. А. Блинова, В. В. Олейников // Социально-политические науки. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 40–48.
12. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. — Минск, 2002. — 248 с.
13. Об Аароне (Адаме) Александре Олизаровском (ок. 1618 — ок. 1659) // Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды. — Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. — С. 264, 265.
14. Шульженко, Ф. П. Історія політичних і правових вчень / Ф. П. Шульженко, Т. Г. Андрусяк. — Киев: Юрінком Інтер, 2002. — 360 с.
15. Демиденко, Г. Г. Історія вчень про право і державу. — Харків: Консум, 2007. — 440 с.

BRIEF

PROBLEMS OF THE FORM OF THE STATE IN THE WORKS OF WESTERN RUSSIAN THINKERS OF THE XI — EARLY XVIII CENTURIES

Oleynikov V. V.,
Candidate of Law, Senior Lecturer at the Public Law Department, Odintsovo Branch of MGIMO University, Odintsovo, Russia

Abstract. *In the article reviews of Western Russian thinkers on the choice and classification of forms of the state are considered.*

Key words: *form of the state; political and legal thought of Ancient Russia; political and legal thought in Western Russian lands; form of government; monarchy; republic; absolutism.*

О подходах к теоретическому исследованию усмотрения в юридической практике

Оносов Ю. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственного юридический университет,
г. Екатеринбург, Россия, e-mail: onosov_nn@mail.ru

УДК 340.1

Аннотация. *В статье рассматривается понятие «усмотрение в юридической практике», а также различные виды этого правового явления, в том числе судебное, административное, политическое, правоприменительное усмотрение. Исследуются различные подходы ученых-правоведов к исследованию усмотрения с точки зрения его содержания как специфической возможности выбора варианта решения, осуществляемое соответствующими правоприменительными органами и уполномоченными правом должностными лицами в целях разрешения юридического дела, а также на его отличительном виде деятельности, направленном на поиск оптимального решения по юридическому делу.*

Ключевые слова: *юридическая практика; усмотрение в юридической практике; правоприменительное усмотрение; административное усмотрение.*

Усмотрение в юридической практике — это деятельность субъектов права в пределах властных процессуальных полномочий по выбору субъективно-оптимального ре-

шения в правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности, а также результат этой деятельности (решение, мнение субъекта права), выраженный в конкретных содержательных элементах правового акта. Отношение к усмотрению в праве варьируется от полного неприятия до осознания его необходимости и полезности. Проблемам усмотрения в теории правовой науки, а также усмотрению в правоприменительной юридической практике посвящено значительное количество исследований ученых-правоведов. Прежде всего это выражается в исследовании проблем усмотрения как общетеоретической категории в судебной деятельности, усмотрения в уголовном праве, гражданском праве, усмотрения в административном праве, усмотрения в конституционном праве.

Различным по своей природе типам государственной деятельности соответствуют свои виды усмотрения. Традиционно выделяют судебное и административное усмотрение. На наш взгляд, этими видами не исчерпываются все возможные проявления усмотрения в праве — есть основания для выделения еще одного вида — политического усмотрения.

Научные труды современных исследователей правоприменительного усмотрения условно можно разделить на несколько групп согласно общим подходам.

К первой группе авторов можно отнести И. Н. Сенякина, П. А. Гука, Ю. А. Тихомирова, П. В. Маркова, А. П. Коренева и других, которые определяют правоприменительное усмотрение как специфическую возможность выбора варианта решения, осуществляемое соответствующими правоприменительными органами и уполномоченными правом должностными лицами в целях разрешения юридического дела. Данные авторы обращают внимание на то, что фактически правоприменительное усмотрение это форма осуществления полномочий субъекта правоприменения по разрешению конкретного юри-

дического дела в целом или по совершению отдельного процессуального действия.

Весьма обоснованным можно считать определение, данное И. П. Сенякиным: правоприменительное усмотрение это «предоставленное правоприменителю полномочие свободы выбора одного из нескольких решений закрепленных в правовой норме альтернативных, но в равной степени законных решений по рассматриваемому делу, основанных на его убеждении» [1, с. 23]. По мнению Ю. А. Тихомирова, усмотрение представляет собой гарантированные возможности выбора правоприменителем варианта решения из ряда законных альтернатив [2, с. 271].

По мнению А. П. Коренева правоприменительное усмотрение — «определенная рамками законодательства известная степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного управленческого дела, которая предоставляется в целях принятия оптимального решения по делу» [3, с. 73]. Безусловно, ученым определены существенные характеристики усмотрения, а именно — определенная степень свободы действий, ограниченность выбора законом и правомочие правоприменителя по разрешению дела.

Вторая группа ученых делает акцент в определении сущности правоприменительного усмотрения на его отличительном виде деятельности, связанном с правоприменением, направленном на поиск оптимального решения по юридическому делу. К ученым данного подхода можно отнести А. А. Березина, О. А. Папкову, Л. Н. Берг, Д. В. Бойко и других.

В частности, исследованием правоприменительного усмотрения с акцентом на рассмотрении его существенных признаков занимался А. А. Березин. Правоприменительное усмотрение — «осуществляемая на основе и в рамках закона деятельность уполномоченных субъектов права, предполагающая возможность выбора наиболее оптимального решения по юридическому делу» [4, с. 43].

Представляет научный интерес подход В. П. Антропова, определяющего правоприменительное усмотрение как предоставленную действующим правом властную, интеллектуально-волевую деятельность правоприменителей по выбору субъективно-оптимального решения [5, с. 62]. Безусловно, наибольшее внимание автор уделяет рассмотрению специфической профессиональной деятельности правоприменителя, носящей властный и интеллектуально-волевой характер.

Под правоприменительным усмотрением Д. В. Бойко понимает «деятельность компетентного субъекта по индивидуальному правовому регулированию поведения физических и юридических лиц в условиях, когда предполагается возможность субъекта применения права самостоятельно принимать решение, определяющее порядок, способ и форму использования правовых средств, для достижения указанной в законе цели» [6, с. 16].

Так, в зависимости от органа государственной власти, участвующего в правоприменительной практике, правоприменительное усмотрение подразделяется на административное и судебное. На наш взгляд, интеллектуально-волевой компонент усмотрения выражает собой субъективную сторону усмотрения, выделение отдельно субъективного усмотрения в юридической литературе представляется неоправданным. Субъективный аспект правоприменительного усмотрения нам видится именно в интеллектуально-волевом процессе принятия решения должностным лицом. Тот факт, что должностное лицо выступает от имени государства, объясняет личный и публичный интерес в отдельных ситуациях дискреционных полномочий, например, при применении оружия не для пресечения преступления, но и для защиты своего здоровья и жизни. Процесс усмотрения связан с диалектическим единством и борьбой между субъективным и объективным правом.

Рассмотрим признаки административного правоприменительного усмотрения.

1. Административное усмотрение представляет собой процесс деятельности по выбору оптимального правоприменительного решения субъектом права, а также результат этой деятельности.

Следует отметить, что административное и судебное усмотрение реализуются не через одно действие, а в рамках целого процесса, состоящего из нескольких последовательных стадий, связанных с этапами правоприменительной деятельности, а именно с установлением фактической основы дела, выбором и анализом юридической нормы, вынесением и документальным оформлением правоприменительного решения.

Административное усмотрение неоправданно, на наш взгляд, отождествлять только с деятельностью субъекта усмотрения, носящей формальный характер. Процесс принятия решения всегда связан с прохождением определенных этапов: анализ и оценка ситуации, формирование установки на действие или бездействие, намерение принять вариант решения, осуществление действий (материальных, принудительных, организационных, финансовых, социальных и др.) или бездействие, следование выбранному варианту поведения, применение мер воздействия.

2. Наличие в законодательстве правовых механизмов ограничения административного усмотрения.

В законодательстве существуют механизмы, существенно ограничивающие административное усмотрение. Так, согласно п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов [7], одним из коррупциогенных факторов признается определение властных полномочий органов публичной власти, государственных и муниципальных служащих по формуле «вправе». Как установлено рассматриваемым актом, под данным фактором следует понимать закрепление возможности вариативности правовых действий и решений органов власти и их представителей

в отношении граждан и организаций, как коррупциогенный фактор он называется «широта дискреционных полномочий».

Существенные характеристики понятия «широта дискреционных полномочий» и понятия «административное усмотрение» являются схожими. К вопросам «усмотрения» в той или иной мере обращались многие авторы науки государственного управления. Однако эти исследования носили лишь косвенный характер, так как свидетельствовали об одной из проблем правового регулирования в отдельных сферах государственного управления. При этом следует признать, что проблема «усмотрения» при осуществлении административно-процессуальной деятельности буквально пронизывает материальное и процессуальное законодательство.

Административное усмотрение — гарантированная возможность выбора для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции для выполнения управленческих и иных задач [8, с. 264]. К элементам административного усмотрения можно отнести:

а) правильно понятый публичный интерес и соотнесение с ним возможных действий и решений в рамках собственных полномочий;

б) выработку установки и формирование соответствующей мотивации;

в) оценку альтернатив соответствующих действий и решений и обоснование выбора;

г) осуществление юридических действий (бездействие), принятие решений;

д) намерение и воля следовать принятым решениям [8, с. 264].

3. Одной из особенностей административного усмотрения является то, что оно носит подзаконный характер.

Так, по справедливому мнению Ю. А. Тихомирова, отсутствие доктрин верховенства права и закона привело к масштабному росту подзаконного регулирования и объемов внеправово-

го воздействия, а также административного усмотрения [9]. Мы не можем согласиться с А. А. Малиновским в том, что «легальность усмотрения состоит в том, что сама возможность выбора управомоченным лицом субъективного права и способа его осуществления либо непосредственно предоставлена объективным правом, либо предполагается им [10, с. 230]». Обстоятельством, указывающим на подзаконный характер, является то, что законодателем определяются содержание и последовательность действий и решений органов административной юрисдикции, условия времени и место их совершения.

4. Признаком, характеризующим административное усмотрение, также является позитивная, а не естественно-правовая природа.

Ю. В. Старых к числу руководящих начал относит принципы законности, социальной справедливости, целесообразности и обоснованности принимаемых решений [11 с. 15]. Оптимальный вариант соотношения законности и целесообразности в принятом правоприменительном акте является выразителем позитивной природы административного усмотрения.

Однако природа деятельности, лежащей в основе судебного и административного усмотрения, все же отличается. В юридической литературе данное представление носит характер аксиомы, которая, однако, практически не подвергается анализу. В результате при определении понятий административного и судебного усмотрения не проводятся связи с сущностными характеристиками государственно-властной деятельности, не выделяются вытекающие из них отличительные признаки, а обращается внимание лишь на внешние черты, которые в большинстве своем у данных видов усмотрения сходные.

5. Оптимальный вариант соотношения законности и целесообразности при выборе правоприменительного решения с точки зрения субъекта права, наделенного государственно-властными полномочиями.

Так, В. Н. Дубовицкий в своем определении административного усмотрения подчеркивает «целесообразность» как характеристику усмотрения. Он определил его как «степень свободы, предоставленную законом органу или должностному лицу при определении необходимости, полезности, целесообразности принимаемых ими действий или воздержания от их совершения». И. А. Минникес под усмотрением он понимает «относительную свободу действий правоприменителя, предоставленную законом, с целью принятия в конкретной ситуации наиболее целесообразного и справедливого решения» [12, с. 327]. Данный вопрос также исследовала А. В. Гирвиц: «административное усмотрение может рассматриваться только в неразрывной связи с законом, который обозначает цель правоприменительной деятельности. Поэтому усмотрение — это целесообразность в сфере применения права» [13, с. 32].

6. Следующим признаком административного усмотрения является наличие свободы в деятельности правоприменительного органа.

Так, А. Д. Абушенко отмечает, что правовой основой усмотрения является свобода в деятельности именно правоприменительного органа. При этом свободу в данном контексте он предлагает понимать как право выбора одного из предусмотренных законодателем вариантов. Н. Н. Вопленко и В. М. Лазарев отметили, что усмотрение присуще правоприменительной стадии — юридической квалификации деяния, что характеризует сущностный признак административного усмотрения. Они определили усмотрение как «ограниченную рамками закона субъективную возможность правоприменителя на основе изученных материалов дела выбрать и обосновать морально и юридически безупречный вариант правовой квалификации рассматриваемого общественного отношения [14, с. 52]».

Исходя из анализа научных представлений о сущности правоприменительного усмотрения, можно выделить основ-

ные направления в научном исследовании данного правового явления:

— представление правоприменительного усмотрения творческим процессом по поиску оптимального решения, приемлемого с точки зрения субъекта правоприменения варианта соотношения законности и целесообразности как в самой деятельности, так и в ее результате;

— представление правоприменительного усмотрения как формы реализации дискреционных полномочий субъекта усмотрения, исследуя ее причины и условия возникновения;

— представление правоприменительного усмотрения отечественными учеными как определенной свободы выбора соответствующего решения в процессе и в результате правоприменения;

— свобода выбора усмотрения правоприменителя не безгранична, имеет пределы в рамках закона, правоприменительное усмотрение не является абсолютной свободой и произволом, необходимо отграничивать его от злоупотребления правом и правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Сенякин, И. Н. Судебное усмотрение в частном праве. — Саратов, 2005. — 240 с.*
2. *Тихомиров, Ю. А. Теория компетенции. — Москва, 2001. — 355 с.*
3. *Коренев, А. П. Нормы административного права и их применение. — Москва, 1978. — 144 с.*
4. *Березин, А. А. Пределы правоприменительного усмотрения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Нижний Новгород, 2007. — 200 с.*
5. *Антропов, В. Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Волгоград, 1995. — 180 с.*

6. Бойко, Д. В. Правоприменительное усмотрение, законность и произвол // Общество и право. — 2009. — № 3 (25). — С. 23–30.
7. URL: https://base.garant.ru/197633 (дата обращения: 20.04.2023).
8. Тихомиров, Ю. А. Теория компетенции. — Москва, 2001. — С. 264.
9. Тихомиров, Ю. А. Научная школа публичного права // Журн. рос. права. — 2015. — № 9. — С. 16–23.
10. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). — Москва, 2007. — 352 с.
11. Старых, Ю. В. Усмотрение в налоговом правоприменении. — Москва, 2007. — 150 с.
12. Минникес, И. А. Элементы индивидуального регулирования в административном праве (теоретические аспекты) // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2008. — № 2. — С. 326–327.
13. Гирвиц, А. В. Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. — 2014. — № 4 (25). — С. 32–35.
14. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная квалификация и юридическая справедливость / Н. Н. Вопленко, В. М. Лазарев // Проблемы действия права в новых исторических условиях. — Москва, 1993. — С. 52–53.

BRIEF

ON APPROACHES TO THE THEORETICAL STUDY OF DISCRETION IN LEGAL PRACTICE

Onosov Y. V.,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. *The article discusses the concept of "discretion in legal practice", as well as various types of this legal phenomenon, including judicial, ad-*

ministrative, political, law enforcement discretion. Various approaches of legal scholars to the study of discretion from the point of view of its content as a specific possibility of choosing a solution option, carried out by the relevant law enforcement agencies and law-enforced officials in order to resolve a legal case, as well as its distinctive type of activity aimed at finding the optimal solution for legal business.

Key words: *legal practice; discretion in legal practice; law enforcement discretion; administrative discretion.*

Классификация дисциплинарной ответственности в трудовом праве

Разина Е. В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
Сочинский институт (филиал) РУДН, г. Сочи, Россия,
e-mail: elena-sochi-a@mail.ru

УДК 349.2

Аннотация. *Дисциплинарная ответственность играет важную роль в регулировании трудовых правоотношений, позволяя работодателю добиваться эффективного исполнения трудовых обязанностей работником. Значимость дисциплинарной ответственности в данном аспекте трудно переоценить, так как эффективное исполнение работником своей трудовой функции является вкладом в общественное благо, экономику государства. При этом в сфере трудовых отношений действуют объективные тенденции, обусловливающие необходимость дифференциации правового регулирования дисциплинарной ответственности.*

Ключевые слова: *дисциплинарная ответственность; специальная дисциплинарная ответственность; общая дисциплинарная ответственность; дисциплинарный проступок.*

Дисциплинарная ответственность не является однородной. Большинство исследователей в науке трудового права разделяют дисциплинарную ответственность на общую и специальную [6, с. 56–57], отличающуюся от общей по ряду аспектов.

А. Я. Петров придерживается точки зрения, что необходимость разграничения дисциплинарной ответственности на общую и специальную отсутствует, так как данные термины не основаны на законе и не несут необходимой, по мнению исследователя, смысловой нагрузки [4, с. 11].

Н. В. Витрук выделял несколько видов дисциплинарной ответственности с использованием критерия субъектного состава:

— дисциплинарная ответственность работников организаций с различными формами собственности;

— государственных служащих;

— специальных категорий государственных служащих (к примеру, работников ОВД);

— муниципальных служащих;

— учащихся различных форм учебных заведений;

— членов определенных общественных объединений (к примеру, коллегий адвокатов);

— лиц, отбывающих срок по причине наличия уголовного наказания [1, с. 117–118].

Однако следует отметить, что не все вышеперечисленные виды дисциплинарной ответственности регулируются нормами трудового права. С учетом данного аспекта уже специальную дисциплинарную ответственность М. Р. Яхина подразделяет на несколько видов:

— ответственность, обусловленная специализацией труда лиц и специализацией отрасли экономики, в которой они работают. Данный вид специальной дисциплинарной ответственности регулируется только нормами трудового права;

— дисциплинарная ответственность судей — регулируется специальным законодательством о судоустройстве;

— ответственность работников органов прокуратуры. Нормы, ее регулирующие, относятся к областям трудового права, административного права и включают также законодательство о прокурорском надзоре;

— ответственность государственных служащих — правовое регулирование осуществляется как нормами трудового права, так и нормами административного [6, с. 57–58].

По нашему мнению, дисциплинарную ответственность надлежит разграничивать на общую и специальную, критерии разграничения будут рассмотрены нами ниже.

В науке трудового права в настоящее время отсутствует единое мнение по поводу выделения критериев отличия одного вида от другого. Н. В. Витрук считает, что виды дисциплинарной ответственности в соответствии с приведенной выше его классификацией отличаются друг от друга правовым положением субъектов права, на которых они распространяются [1, с. 117].

Ю. Н. Полетаев, К. Н. Гусов, В. Н. Толкунова рассматривали в качестве критериев разграничения следующие аспекты:

— перечень субъектов, к которым применяются нормы о дисциплинарной ответственности;

— перечень субъектов, обладающих дисциплинарной властью;

— меры дисциплинарного взыскания;

— порядок обжалования дисциплинарных взысканий [2, с. 53].

О. И. Карпенко отмечает, что общая дисциплинарная ответственность от специальной в целом отличается следующими моментами:

— кругом лиц, подлежащих ответственности;

— реализацией мер дисциплинарного взыскания более строгого характера в случае специальной ответственности;

— наличием более широкого определения дисциплинарного проступка в соответствии с нормативными актами, регулирующими специальную дисциплинарную ответственность; дополнительно выделяется порядок применения и снятия, обжалования дисциплинарных взысканий;

— источниками правового регулирования [3, с. 97].

Мы считаем, что наиболее значимые различия между общей и специальной дисциплинарной ответственностью состоят:

— во-первых, в субъектах, к которым применяются нормы о дисциплинарной ответственности, — ответственность отдельных категорий работников регулируется не ТК РФ;

— во-вторых, в правовом регулировании, так как дисциплинарная ответственность указанных категорий регулируется специальными нормативными актами.

Также, в более широком определении дисциплинарного проступка при наличии специальной дисциплинарной ответственности. Различие состоит и в последствиях дисциплинарного проступка — для специальной дисциплинарной ответственности характерно наличие более тяжких последствий для широкого круга лиц. В связи с последним обстоятельством, виды дисциплинарных взысканий также имеют более дифференцированный характер при наличии специальной дисциплинарной ответственности — работодатель обладает большим выбором дисциплинарных взысканий при наличии соответствующих оснований для их применения. Различие имеется и в порядке применения и снятия дисциплинарных взысканий — для специальной дисциплинарной ответственности характерна возможность наложения дисциплинарного взыскания разными категориями руководителей.

Учитывая различия в нормативной базе, регулирующей общую и специальную дисциплинарную ответственность, мы считаем, что законодательство дифференцирует субъектов дисциплинарной ответственности на общего и специального субъекта. Общим является любой работник, подлежащий дисциплинарной ответственности, кроме тех, кто представляет собой специального субъекта в соответствии с отдельными нормативно-правовыми актами. И общий, и специальный субъект должны иметь трудовую дееспособность, которая представляет собой общую предпосылку к возникновению ответственности.

Применительно к специальным субъектам существуют еще два аспекта.

Первый — выполнение трудовой функции особого характера [1, с. 57]. Характер данной трудовой функции является более ответственным, чем характер функции общего субъекта. В частности, должностные обязанности работников железнодорожного или морского транспорта требуют крайне строгого их исполнения. Рассмотрим в качестве примера одну из должностных обязанностей, закрепленных в п. 2.9 должностной инструкции водителя дрезины 3-го разряда: данный работник обязан осуществлять контроль за работой устройств безопасности и радиосвязи, узлов и агрегатов дрезины, а также проверять их состояние [1, с. 57]. Нарушение или некачественное исполнение данной обязанности способно нанести вред осуществлению движения по железной дороге.

Вторым аспектом является наличие особо вредных для общества последствий нарушения трудовой дисциплины [3, с. 101]. Данное положение можно отнести, к примеру, к работникам в сфере атомной энергетики. Специальная дисциплинарная ответственность в отношении этой категории лиц установлена Федеральным законом от 08.03.2011 № 35-ФЗ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии» [5] и рядом других нормативных актов.

На основании изложенного в настоящем параграфе, мы считаем, что дисциплинарная ответственность делится на общую и специальную. Мы также пришли к выводу о том, что критериями разграничения общей и специальной дисциплинарной ответственности являются следующие: во-первых, субъекты, к которым применяются нормы дисциплинарной ответственности являются различными — ответственность отдельных категорий работников регулируется не ТК РФ; во-вторых, отличие состоит

также в правовом регулировании, так как дисциплинарная ответственность отдельных субъектов регулируется специальными нормативными актами, соответственно, правовое регулирование также является критерием отличия; в-третьих, для специальной дисциплинарной ответственности характерно более широкое определение дисциплинарного проступка. Различие состоит и в последствиях дисциплинарного проступка — для специальной дисциплинарной ответственности характерно наличие более серьезных последствий дисциплинарного проступка для общества. В связи с этим, виды дисциплинарных взысканий специальной дисциплинарной ответственности носят более дифференцированный, иногда строгий по последствиям для работника характер. Специальная дисциплинарная ответственность также отличается порядком применения и снятия дисциплинарных взысканий в связи с наличием возможности наложения и снятия дисциплинарного взыскания разными категориями руководителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография / Н. В. Витрук. — [2-е изд., испр. и доп.]. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 432 с. — ISBN 978–5-91768–033–0. — URL:* https://znanium.com/cata *log/product/1850695 (дата обращения: 19.03.2023). — Текст: электронный.*
2. *Гусов, К. Н. Ответственность по российскому трудовому праву: научно-практическое пособие / К. Н. Гусов, Ю. Н. Полетаев. — Москва: Велби, Проспект, 2008.*
3. *Карпенко, О. И. Дисциплинарная ответственность работника в трудовом праве: понятие и виды: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2003.*
4. *Петров, А. Я. Дисциплинарная ответственность работников: практическое пособие / А. Я. Петров. — Москва: Юрайт, 2023. —*

89 с. — ISBN 978–5-534–05442–2 // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/515162 (дата обращения: 19.03.2023). — Текст: электронный.

5. Федеральный закон от 08.03.2011 № 35-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии» // Российская газета. — 2011. — № 51.
6. Яхина, М. Р. Специальная дисциплинарная ответственность: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2017.

BRIEF

CLASSIFICATION OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY IN LABOR LAW

Razina E. V.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Sochi Institute (branch) RUDN University, Sochi, Russia

Abstract. *Disciplinary responsibility plays an important role in the regulation of labor relations, allowing the employer to achieve the effective performance of labor duties by the employee. The importance of disciplinary responsibility in this aspect can hardly be overestimated, since the effective performance of an employee's labor function is a contribution to public goods, the economy of the state. At the same time, in the field of labor relations there are objective trends that necessitate the differentiation of the legal regulation of disciplinary liability.*

Key words: *disciplinary liability; special disciplinary liability; general disciplinary liability; disciplinary offense.*

Особенности формирования и развития правового государства в РФ и в мире

Резван В. Д.,
старший преподаватель,
Сочинский институт (филиал) РУДН, г. Сочи, Россия,
e-mail: vdrezvan@yandex.ru

УДК 340

Аннотация. *В статье рассматриваются результаты, проблемы, тенденции и перспективы формирования правового государства в РФ. Дано понятие права как системы норм и способов обеспечения социальной справедливости. Обоснован вывод о решающей роли права в оптимизации интересов государства, личности и общества. Сделаны конкретные предложения по воплощении в жизнь концепции правового государства в РФ.*

Ключевые слова: *государство; общество; личность; право; правовое социальное демократическое государство.*

В Конституции Российской Федерации дано определение нашей страны как демократического социального правового государства (ст. 1,7), в котором носителем суверенитета и единственным источником власти является народ (ч. 1 ст. 3), а человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Такого или иного вида декларации отражены в основных законах большинства государств мира.

Выделяются следующие признаки правового государства: свобода, равенство, республиканизм, гласность (публичность),

справедливость, демократия, выборность, гражданские права, законность, правопорядок, идеологическое и политическое многообразие, разделение властей, взаимная ответственность граждан перед государством и государства перед гражданами, гарантированность прав и свобод граждан, соответствие национального (внутреннего) законодательства общепризнанным стандартами и нормами международного права, ограничение государственной власти правами и свободами человека и гражданина, федеративное устройство, правовое равенство и равенство пользования законом, высокий уровень правосознания правовой культуры в обществе, наличие гражданского общества, запрет обратной силы закона, суверенитет народа, господство права, равноправие и равноценность всех членов общества, реальность прав и свобод, ответственность государства за неисполнение обязательств, за необеспечение порядка и законности, обстоятельства ее развития, господство права и закона, исполнение правовых предписаний, ответственность за неисполнение или нарушение закона, независимость суда, приоритет норм международного права над нормами национального права [1–10].

Однако эти положения конституционных актов далеко не всегда соответствуют (или не полностью соответствуют) действительности. Значит, они представляют собой скорее декларации, лозунги, идеальные устремления или нормативно-правовые установления.

Если рассматривать право как систему норм и способов обеспечения социальной справедливости в обществе и государстве в соответствии с господствующей идеологией, то право видится нам в виде «плавающего» центра тяжести, меняющего свою конфигурацию треугольника, в углах которого располагаются три субъекта публичных интересов (правоотношений): государство, общество, личность.

В зависимости о того, в чьих интересах и по чьей воле создается и функционирует право как концептуальная система норм, можно выделить:

1. Тоталитарное (государственное) право, в котором превалируют нормы, закрепляющие приоритет интересов над интересами общества и личности.

2. Демократическое (социальное) право с приоритетом интересов общества над интересами государства и личности.

3. Либеральное (личностное) право, в котором интересы личности главенствуют над интересами государства и общества.

В том случае, если право в одинаковой мере и степени сможет обеспечить баланс интересов всех вышеуказанных объектов публичных правоотношений, то будем (сможем) иметь дело с правовым демократическим социальным государством и развитым гражданским обществом, состоящим из свободных законопослушных индивидов (личностей) с высоким уровнем правосознания; при этом само право может быть охарактеризовано такими понятиями, как «оптимальное», «справедливое» и «идеальное».

Конкретные предложения по воплощению в жизнь концепции правового государства РФ выглядит следующим образом:

1. Отказ от тройного дублирования власти «на местах» (федеральный центр, субъект РФ, муниципалитет) в связи с тем, что в действительности органы МСУ подчиняются центру и региональной власти, не противоречат в своей деятельности федеральным и «субъектным» органам власти и действуют в рамках единого правового поля и финансово-экономического пространства, не имеют необходимых источников доходов и фактически не отделены от государства — таким образом, создав, точнее, возродив единую вертикаль власти в государстве.

2. В законодательных органах провести ликвидацию всех привилегий и упразднить все иммунитеты депутатов всех уровней, осуществлять отзыв выборных должностных лиц за непосе-

щаемость заседаний; выдвижение кандидатов производить в местах их постоянного жительства и при отсутствии судимости; восстановить в избирательных бюллетенях графу «против всех».

3. Лишить уволенных по компрометирующим обстоятельствам чиновников права работать в госструктурах и занимать государственные должности, составив их единый федеральный реестр.

4. Перенести бремя собирания и предоставления «необходимых» справок и иных не менее «важных» документов с граждан на соответствующие организации и учреждения — то есть, замкнуть «бумагооборот» на самих чиновников.

5. Ввести административную и гражданско-правовую ответственность за пребывание граждан в очередях «у парадного подъезда» и несвоевременные (необоснованные) задержки решений соответствующих органов власти и управления.

6. Решить «нерешаемую» проблему конфискации имущества преступников путем признания объектами и орудиями преступления, подлежащим конфискации, жилого помещения, где «работают» притоны или собирается преступная группа; автомобилей, на которых доставляется оружие, наркотики, преступники к местам преступления; гаражи, где разбираются на части угнанные автомобили и инструменты, с помощью которых эта работа осуществляется.

7. Восстановить систему выборности судей по месту их жительства; иммунитет от судебного преследования оставить только в сфере их профессиональной деятельности; при необоснованном решении (незаконном приговоре) — увольнять за профессиональную непригодность без права занимать государственные должности.

8. Гуманизацию наказания (минимизировать и формализовать (унифицировать) ответственность за каждое конкретное преступление) совместить с суммированием наказания за каждое

из них: небольшие сроки лишения свободы за каждое конкретное преступление не поглощаются более строгими и складываются не частично, а полностью (полгода лишения свободы за одну кражу при ста таких кражах должны наказываться пятьюдесятью годами лишения свободы). В противном случае мы сталкиваемся с весьма интересными особенностями отечественной уголовной политики, которая фактически провоцирует преступников (в том числе серийных убийц) за совершение как можно большего числа эпизодов, так как при этом средневзвешенная «цена» (наказания) за преступление уменьшается. Так, например, житель Барнаула Валерий Копытов за убийство 19 человек был приговорен к 25 годам лишения свободы, т. е. за каждую жертву получил по 1.3 года. Ирина Гадамайчук за убийство 17 престарелых женщин получила 20 лет заключения в колонии строго режима, т. е. по 14 месяцев за каждую жертву [11]. Получается, что в соответствии с действующим законодательством общественная опасность каждого из преступлений (убийств), совершенных указанными лицами, сопоставима с общественной опасностью неквалифицированной кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ; санкция — до двух лет лишения свободы), что явно противоречит принципам справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) и равенства перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ).

9. Из административного и уголовного законодательства должны быть исключены статьи, нарушающие принцип презумпции невиновности (административная ответственность за отказ от медицинского освидетельствования на наличие наркотических средств или психотропных веществ по ст. 6.9 КоАП РФ, уголовная ответственность за нахождение в состоянии опьянения в случае несвоевременной сдачи водительского удостоверения после повторного административного правонарушения по ст. 264.1 УК РФ).

10. При этом представляется совершенно справедливым предложение внести в КоАП РФ санкцию за грубые (т. е. повторные) нарушения ПДД — езду без водительского удостоверения — в виде

конфискации автомобиля. В ситуации, когда нарушитель управлял чужим автомобилем с ведома и согласия владельца, — он конфискуется на этом основании; если же владелец утверждает, что автомобиль выбыл из его владения без его ведома и согласия, то нарушитель привлекается к уголовной ответственности за угон.

11. Наказание за уголовные правонарушения должно назначаться не через абстрактную общественную опасность, которая определяется исходя из меры наказания (классический «порочный круг» или змея, кусающая собственный хвост), а через последствия — реальный ущерб (смерть, травма, инвалидность, потеря имущества), упущенную выгоду (потеря кормильца и его заработной платы и иных доходов, связанных с личностью потерпевшего лейтенанта, который до выхода на пенсию по выслуге лет мог стать полковником) и моральный вред. Само наказание должно назначаться с расчетом обязательного возмещения в полном объеме нанесенного вреда (компенсация потерь) в период реализации этого наказания.

12. Из гражданского судопроизводства должен быть исключен институт судебного приказа, нарушающий конституционное право гражданина на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

13. Представляется очевидной обязанность государства по оплате денежных средств по алиментным обязательствам лицам, в этих средствах нуждающихся, до обнаружения лица, уклоняющегося от выплаты этих средств, с последующим взысканием этих средств в пользу государства (а не брошенной алиментщиком жены с малолетними детьми), разумеется, в том случае, если государство намеревается на практике реализовывать ч. 1 ст. 38 Конституции РФ.

14. Должны быть полностью ликвидированы все льготы и привилегии, напрямую не связанные с выполнением должностных обязанностей государственных и муниципальных служащих любого ранга.

15. В системе мест лишения свободы должны быть упразднены специализированные исправительные учреждения, в которых отбывают наказания бывшие работники правоохранительных органов. Аргумент об обоснованности такого подхода применительно к осужденным бывшим «силовикам» опасностью нахождения с ними других («настоящих») преступников представляется неубедительным: ведь если такого рада опасность реально отсутствует даже для бывшего прокурора или осужденного полицейского, то тогда обычных заключенных («бытовиков», осужденных за мелкое хищение и другие преступления подобного рода) вообще нельзя направлять в эти учреждения, если там не может быть обеспечена безопасность даже бывшим сотрудникам силовых структур.

16. Государству необходимо отказаться от порочной практики приоритетной защиты прав и интересов террористов, диверсантов, серийных и наемных убийц над правами и интересами их жертв — обычных («простых») людей — законопослушных граждан, убийства которых преступниками государство не может предотвратить, но их убийц не казнит из «гуманистических» соображений (причем этот «гуманизм» проявляется только в отношении преступников), что прямо противоречит ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, поскольку в этом случае основное право человека — право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) не только не гарантируется, но и защищается весьма избирательно: жертве преступника ее право на жизнь не гарантируется, а в отношении преступника его право на жизнь гарантируется путем моратория на смертную казнь, которая не применяется в РФ с 1996 года.

17. Необходимо разработать и включить в Конституцию ясную, понятную и отвечающую интересам государства, общества и личности в государстве и обществе национальную идею — например, в виде концепции: «Самостоятельность. Совесть. Справедливость. Равенство».

При этом следует иметь ввиду, что любая серьезная модернизация государства, общества, прав и свобод личности и ее (модернизации) правовое обеспечение возможно только в условиях «суверенной демократии», подразумевающей приоритет норм внутреннего (национального) права над нормами международного права. В настоящее время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. В случае, если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 16 Конституции РФ). Таким образом, в Основном законе страны закрепляется правовая коллизия о приоритете договора над законом. Очевидно, что конституционное положение должно быть дополнено следующим образом: после слов о том, что принципы и нормы международного права и международные договоры РФ «являются частью ее правовой системы» добавить «в случае включения их в национальную правовую систему РФ на законодательном уровне». Фразу о приоритете международных договоров над законодательством РФ следует изменить таким образом: «Российская Федерация при заключении международных договоров руководствуется своим национальных законодательством. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются нормы национального права РФ».

Насколько известно, развернутая в настоящее время в законодательных органах РФ кампания по изменению Конституции ставит целью, в том числе, и решение этой проблемы в интересах нашего государства. Такой подход и данном конкретном случае и в целом является единственно верным при формировании правового социального демократического государства в нашей стране в наших национальных интересах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванников, И. А. Общая теория государства и права. — Москва: Наука-Пресс, 2008. — С. 322, 328.*
2. *Теория государства и права / ред. О. В. Мартышин. — Москва: Норма, 2009. — С. 448–450.*
3. *Бабаев, В. К. Теория права и государства / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. — Москва: Юрист 2015. — С. 245.*
4. *Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства. — Москва: Норма, Инфра-М, 2014. — С. 330.*
5. *Основа государства и права / ред. О. Е. Кутафина. — Москва: Юристъ, 2006. — С. 67–68.*
6. *Шкатулла, В. И. Основы правовых знаний / В. И. Шкатулла, В. В. Надвикова, М. В. Сытинская. — Москва: Академия, 2018. — С. 27.*
7. *Хропанюк, В. Н. Теория государства и права. — Москва: Омега-1, 2016. — С. 82–83.*
8. *Авакьян, С. А. Конституционное право России. — Т. 1. — Москва: Норма, Инфра-М, 2011. — С. 388–390.*
9. *Малько, А. В. Теория государства и права / А. В. Малько, В. В. Нырков, К. В. Шундиков. — Москва: Кнорус, 2013. — С. 84–85.*
10. *Юридический энциклопедический словарь / ред. О. Г. Румянцев, В. Н. Додохов. — Москва: Инфра-М, 2007. — С. 230.*
11. *Самые известные серийные убийцы России. — URL: https://ria.ru/20170327/14909449.*

BRIEF

FEATURES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RULE OF LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE WORLD

Rezvan V. D.,
senior lecturer, Sochi Institute (branch) RUDN, Sochi, Russia

Abstract. *The report discusses the results, problems, trends and prospects of the formation of the rule of law in the Russian Federation. The concept of law as a system of norms and methods of ensuring social justice is given. The conclusion about the decisive role of law in optimizing the interests of the state, the individual and society is substantiated. Concrete proposals have been made to implement the concept of the rule of law in the Russian Federation.*

Key words: *state; society; personality; law; legal social democratic state.*

Модель российского федерализма: проблемы и перспективы

Фролова О. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Военная академия связи им. С. М. Буденного,
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: VVF.1970@yandex.ru

Фролов В. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургская Следственная академия СК РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: VVF.1970@yandex.ru

УДК 342.2

Аннотация. *В статье рассматривается современная модель российского федерализма, её достоинства и недостатки. Вносятся предложения по её совершенствованию. Авторы считают возможным сократить количество субъектов Федерации, упорядочить их разновидности, усилить возможности для социально-экономического развития регионов, повысить ответственность за расходы по бюджетным статьям и дополнительным федеральным ассигнованиям. Необходимо более вдумчиво и детально работать в рамках общей государственно-правовой программы по культурному сближению 193 этносов в составе нашего многонационального народа. Солидарный и сплоченный российский народ сможет достойно ответить на любые враждебные вызовы со стороны иных цивилизаций.*

Ключевые слова: *Основной закон; компетенция; демократия; разграничение полномочий; делегирование полномочий; сплоченность; суверенитет; самостоятельность; сепаратизм; государственное единство.*

Укрепление федерализма — одна из основных, ключевых проблем для современной России, ведь в многонациональной стране проживает 193 этноса. Только сплоченный российский народ сможет ответить на вызовы времени, преодолеть трудности и победить, обеспечив тем самым будущее для своей великой державы — России.

В рамках единого федеративного государства следует развивать общую экономику, усиливать демократические начала в политической сфере отношений, проводить обеспечение режима законности — единого для всех.

Субъекты Федерации могут и должны проявлять инициативу в развитии своей территории и экономики. Непонятно, почему по мнению некоторых ученых, все благие начинания и позитивные социальные проекты в субъектах РФ обязательно должны согласовываться с федеральным центром? Так, к примеру, высказывается мнение, что «в Российской Федерации не следует бояться того, что отдельные шаги субъектов Российской Федерации могут быть направлены на дополнительное обеспечение их интересов, конечно, они должны быть согласованы с федеральным центром… (ст. 85 Конституции РФ)» [1, с. 21].

В Основном законе России подчеркивается важность сохранения государственной целостности и предоставления возможностей для развития всех этносов, проживающих в нашей стране.

Можно согласиться с утверждением о определенном «корпоративном начале» федерализма, позволяющем сохранять самобытность развития и общую стратегию развития страны, причем «искусство соглашения и дар компромисса и есть сущностно ключевой признак социальной солидаризации под знаком федеративной идеи, форма существования этой солидарности…» [2, с. 22].

Российский федерализм обладает рядом характерных, присущих ему особенностей.

Во-первых, уровень социально-экономического развития субъектов Федерации критично разный, что порождает противоречия, усугубляющиеся подчас и культурно-национальными различиями.

В-вторых, приходится признать, что и конституционный правовой статус субъектов Федерации ассиметричен. «Так, республики в составе Российской Федерации вправе принимать свои конституции, вводить собственное гражданство, устанавливать свой язык, в то время как иные субъекты РФ вправе иметь лишь собственный устав… Субъекты РФ значительно отличаются между собой по масштабу. Площадь самого маленького субъекта РФ — города федерального значения Севастополь — равна 1080 км^2, а площадь самого большого субъекта РФ — Республики Саха (Якутии) — составляет 3083523 км^2» [5, с. 105].

В-третьих, имеется сочетание противоречивых национально-территориального и административно-территориального принципов деления при определенном игнорировании социально-экономического критерия.

Так, «наряду с проблемой асимметричности обсуждается проблема экономических, политических и территориальных диспропорций между субъектами, в частности необходимость пересмотра смешанного принципа построения федерации и оптимизации числа ее субъектов» [3, с. 68]. Представляется необходимым сокращение количества субъектов Федерации с решительным пересмотром территориальных границ (например, имеет смысл объединить Санкт-Петербург с Ленинградской областью, сократив чиновничество, исключив дублирующие государственные органы)

В-четвертых, можно констатировать фактическую зависимость дотационных субъектов (а таких подавляющее большинство) от федерального центра, что повышает возможности для коррупции и создает психологическую инфантильность регионального руководства

В-пятых, возникают сомнения в необходимости федеральных округов. Сам факт их создания показывает неуверенность центральной власти в эффективности и возможности доверять местной власти. Следует четко и определенно решить вопрос о конституционном статусе федеральных округов. На наш взгляд, это излишняя бюрократическая инстанция, приводящая к бюрократизации управления.

В-шестых, имеется избыток субъектов и объектов управления. Большего количества субъектов и такого количества их разновидностей нет ни в одной стране мира (можно, например, взять показатель: количество чиновников в пересчете на количество населения; количество субъектов Федерации превышает количество территориальных единиц в более населенных странах — США, Индия, КНР.) Данные факторы во многом объясняют низкую эффективность государственного управления. Федеральная, региональная и местная структура власти перегружены, бюрократизированы и частично коррумпированы, что объясняет недостаточную эффективность публичной власти в целом.

Демократические процессы и механизмы могут оказать большую помощь в сфере цивилизованной политической конкуренции [4, с. 92–93].

Не следует забывать, что «существенную роль в формировании и функционировании различных моделей федеративных систем играют также субъективные настроения масс и элиты, традиции, политико-культурные особенности» [7, с. 18].

В целом проявляется слабый уровень политической культуры взаимодействия представителей политической элиты (центральной и местных): нетерпимость к оппонентам, стремление проявить агрессию, психологическое желание навязать свою волю, недостаточный учет мнения народа.

Нужно продумать содержание государственных программ по развитию регионов, исключить шараханье, проводить единую

государственную политику, повысить уровень финансовой ответственности политических лидеров различного уровня за бюджетные расходы (а значит за деньги налогоплательщиков).

Регионам нужно учиться зарабатывать и самим реализовывать инновационные проекты (Иннополис в Татарстане — как положительный пример). Именно «соревновательный федерализм предполагает способность к нововведениям, отражает согласованность и одновременность инновационного развития, проведение эксперимента в рамках субъекта Федерации» [8, с. 32].

Необходимо дорабатывать конституционное законодательство: «… если ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации уже воспринимается как важный элемент их конституционно-правового статуса, то другие формы федерального вмешательства (речь идет об институте временного осуществления федеральными органами власти отдельных полномочий органов власти субъектов Российской Федерации) еще требуют своего конституционного обоснования» [9, с. 68].

В настоящее время остановлена практика заключения федеральных договоров центра с субъектами. Конституции республик приведены в соответствие с нормами Основного закона России. Главы субъектов больше не имеют права именоваться президентами.

Но насколько верховенство федеральной власти в России реально?

Насколько надежна выстроенная «вертикаль власти»?

На наш взгляд, здесь «необходим институциональный подход, позволяющий оценить федерализм как сложный структурированный институт, включающий многоуровневую государственная власть, федеративные отношения, политико-правовую основу, ресурсы власти, коммуникативные подсистемы (государственный аппарат, государственное управление, федеративную политическую культуру, политические технологии)» [6, с. 103].

В условиях кризиса (пандемия, СВО, экономический кризис) следует усилить внимание к социальной защите прав человека в регионах.

Главное — внедрять в правовое сознание общества идею взаимного уважения различных этносов, проводить политику согласования их интересов на федеральном и региональном уровне, предоставлять этносам возможностей для их инициативы в различных социально-экономических сферах.

Следует повышать социальную роль учителей русского языка и литературы, роль лекторов-просветителей. Наши многочисленные этносы нужно культурно сближать и объединять. Это необходимая и полезная культурно-просветительная работа на долгие годы. Людям нужно наглядно объяснять и показывать преимущества жизни в единой стране.

Нужно разрешить межстатусные и иные противоречия различных субъектов Российской Федерации (как пример — территориальный спор Чечни и Ингушетии), провести их оптимизацию, осмыслить дальнейшие направления разграничения полномочий и предмета ведения, улучшения бюджетной ответственности глав субъектов Федерации.

Следует предоставить больше возможностей для инициативы Совету Федерации в отношении разработки и реализации федеральной политики.

В то же время школы, больницы, дома престарелых должны обеспечиваться именно федеральным бюджетом и быть одним из социально-политических приоритетов государства. Здравоохранение и образование — ключевые вопросы для российской цивилизации.

Исторически Российская империя развивалась как унитарное государство. Ее дальнейшее формирование как федеративного объединения в советский период во многом имело волюнтаристский характер.

Но теперь не реально вернуться в прошлое. Следует научиться смотреть в будущее и развиваться вместе в рамках Федерального союза, в рамках единой культуры и единого правового пространства с учетом социально-экономических взаимосвязей и уважения друг к другу. При обустройстве регионов — субъектов Федерации (видимо, в ходе создания новой Конституции) нужно принять во внимание целый комплекс различных факторов: территориальный, национальный, социально-экономический, культурный, одновременно не забывая о проблеме обеспечения внешней и внутренней безопасности государства в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Авакьян, С. А. Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства // Государство и право. — 2022. — № 6. –С. 13–22.*
2. *Добрынин, Н. М. Российский федерализм: онтологическая состоятельность модели государственного устройства как фактор солидаризации народа в условиях «необъявленной» экономической войны со стороны «коллективного Запада» // Государство и право. — 2022. — № 8. — С. 21–33.*
3. *Макеева, Н. В., Миряева, Ж. А. Российский федерализм: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2016. — № 3. — С. 62–70.*
4. *Олесов, А. А. Государственный суверенитет в федеративном государстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 8. — С. 91–94.*
5. *Портнова, Е. В. Некоторые современные проблемы российского федерализма // Социально-политические науки. — 2016. — № 3. — С. 103–106.*
6. *Родионова, А. К. Институциональный концепт «федерализм» и его роль в решении проблем политической жизни государств*

// Вестник Забайкальского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 103–109.
7. Саломатин, А. Ю. Логика развития федерализма (сравнительный государственно-правовой и политологический обзор) / А. Ю. Саломатин, М. И. Рыхтик, Е. В. Наквакина, О. Ю. Шмелева // Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 17–31.
8. Саломатин, А. Ю. Трансформация федеративных отношений в США и Германии в условиях постмодернизационных отношений / А. Ю. Саломатин, А. С. Корякина // Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 32–33.
9. Хабриева, Т. Я. Российская Конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. — 2022. — С. 66–76.

BRIEF

MODEL OF RUSSIAN FEDERALISM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Frolova O. V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Military Academy of Communications named after S. M. Budyonny,
St. Petersburg, Russia, e-mail: VVF.1970@yandex.ru

Frolov V. V.,
PhD in Law, Associate Professor,
St. Petersburg Investigative Academy of the RF IC,
St. Petersburg, Russia, e-mail: VVF.1970@yandex.ru

Abstract. *The article discusses the modern model of Russian federalism, its advantages and disadvantages. Proposals are being made to improve it — to reduce the number of entities, streamline their varieties, enhance op-*

portunities for the socio-economic development of the regions, increase responsibility for spending on budget items and additional federal appropriations. It is necessary to work more thoughtfully and in detail within the framework of the general state-legal program for the cultural rapprochement of 193 ethnic groups as part of our multinational people. Solidarity and solidarity of the Russian people will be able to adequately respond to any hostile challenges from other civilizations.

Key words: *Basic law; competence; democracy; delimitation of powers; delegation of powers; cohesion; sovereignty; independence; separatism; state unity.*

Стратегия развития Российского государства: системный подход к правовому регулированию

Капустина М. А.,
кандидат юридических наук, доцент
Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mkapustina@list.ru

УДК 34.01

Аннотация. *В статье анализируется характер правового регулирования, осуществляемого органами государственной власти в соответствии с конституционными принципами. Особое внимание уделено программным документам Президента РФ, выражающим систему официальных взглядов на развитие страны и определяющим, таким образом, правовое регулирование в целом. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что утвержденная президентом Стратегия национальной безопасности является концептуальной основой системного подхода к правовому регулированию в современных условиях развития Российского государства.*

Ключевые слова: *правовое регулирование; публичная власть; программные документы; системный подход; стратегия развития.*

Правовое регулирование в России как в прошлом, так и в настоящем выражается, прежде всего, в управляющем воздействии государственной власти на общественные

отношения путем установления общеобязательных норм и контроля их реализации, в частности, посредством правоприменения. Такая форма регулирования характеризуется в юридической литературе признаками целенаправленности и целеположенности. Главным субъектом определяется законодатель. Проводя различие между государственно-правовым воздействием и саморегулированием в обществе [1, с. 44], первое с точки зрения источника и субъекта воздействия называют авторитарной формой правового регулирования, осуществляемой в одностороннем порядке различными органами публичной власти и их должностными лицами на основе нормативных правовых актов, второе — автономной формой упорядочения отношений самими их участниками — гражданами и создаваемыми ими коммерческими и некоммерческими организациями. К автономной форме правового регулирования относят договорное и обычное право.

Правовое регулирование в порядке властной деятельности органов публичной власти в Российской Федерации в соответствии с конституционными принципами государственного устройства включает в себя федеральное, региональное и муниципальное управление в конкретных сферах общественных отношений. Его осуществляют органы законодательной и исполнительной власти, соответственно, на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (части 1, 6 статьи 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). При этом последовательное системное толкование норм российской конституции, определяющих федеративное государственное устройство, республиканскую форму правления, структуру публичной власти и предметы ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, позволяет выделить ряд важных характеристик государственно-властного регулирования в современной правовой системе России.

В первую очередь, согласно Конституции Российской Федерации, федеративное устройство России предопределяет двухуровневую систему органов государственной власти — федеральных и региональных, т. е. органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Соответственно, формируются федеральное законодательство и региональное законодательство субъектов Федерации, издаются нормативные акты федеральных органов исполнительных власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В связи с внесенными в 2020 года изменениями в Конституцию Российской Федерации (Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»), публичная власть в России представляет собой единую систему и включает три уровня: федеральный, региональный — государственная власть субъектов Российской Федерации, местное самоуправление. Организация публичной власти, установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти находятся в ведении Российской Федерации (пункт «г» статьи 71 Конституции Российской Федерации).

Система правового регулирования, осуществляемого публичной властью, обеспечивается взаимодействием органов власти всех уровней для наиболее эффективного решения задач в интересах населения страны (часть 1 статьи 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Взаимодействие органов публичной власти проявляется и в том, что федеральные и региональные органы исполнительной власти имеют возможность заключать соглашения о частичном делегировании друг другу своих полномочий. Кроме того, региональные органы государственной

власти участвуют в решении задач местного самоуправления, могут наделять органы муниципальной власти отдельными государственными полномочиями. Региональные нормативные акты действуют на всей территории субъекта Российской Федерации и являются обязательными для всех находящихся на данной территории граждан, организаций, органов власти и должностных лиц. Юридическая ответственность за нарушение региональных нормативных актов может быть установлена федеральным или региональным законодательством (части 7, 8, 9 статьи 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»)

Правовое регулирование в конкретных сферах общественных отношений сосредоточено, главным образом, в нормативных актах, издаваемых соответствующими компетентными в данных сферах федеральными и региональными (в субъектах Российской Федерации) органами исполнительной власти, которые выполняют функции «органов-регуляторов» (федеральных и региональных). Например, федеральным «органом-регулятором» в сфере охраны здоровья граждан и реализации конституционного права человека на медицинскую помощь выступает Министерство здравоохранения Российской Федерации. «Органом-регулятором» в данной сфере в городе федерального значения Санкт-Петербурге, Ленинградской области и ряде других субъектов является Комитет по здравоохранению, в Краснодарском крае, Республике Саха (Якутия) и других субъектах — региональное министерство здравоохранения. В соответствии с частью 2 статьи 14 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к полномочиям Министерства здравоохранения относятся проведение единой государственной политики и реализация мер по развитию сферы охраны здоровья; координация деятельности органов публичной власти всех уровней в данной сфере; согласование назначения на должность

руководителя регионального органа исполнительной власти; утверждение порядка организации системы документооборота, унифицированных форм медицинской документации, в том числе в форме электронных документов, правил проведения диагностических исследований, порядка назначения лекарственных препаратов и медицинских изделий, форм рецептурных бланков, порядка их оформления, учета и хранения и др. В частности, Министерство здравоохранения России как федеральный «орган-регулятор» осуществляет нормативно-правовое регулирование в сфере здравоохранения.

Особую роль в современном механизме правового регулирования, согласно конституционным принципам, играют акты Президента Российской Федерации.

Во-первых, Президент России обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации (часть 2 статьи 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Единству системы публичной власти и эффективному взаимодействию государственных органов и должностных лиц в регионах России служит институт полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе (Указ Президента РФ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»). Федеральные округа не предусмотрены российской Конституцией 1993 года, они были введены Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. в целях повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений.

Задача системного подхода к правовому регулированию решается посредством реализации таких функций полномочного представителя Президента Российской Федерации в соответству-

ющем федеральном округе, как координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и организация их взаимодействия с органами региональной и муниципальной власти; участие в работе органов региональной и муниципальной власти; организация по поручению Президента Российской Федерации проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между органами федеральной и региональной власти; анализ эффективности деятельности правоохранительных органов (Указ Президента РФ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»).

Во-вторых, Президент Российской Федерации утверждает особые правовые акты такие, как концепции, доктрины и стратегии, часть из которых формально-юридически нормативными актами не является, например, ранее действовавшая первая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895. Вообще, в российском научно-практическом и учебно-методическом правоведении регулирование ассоциируется с властным воздействием, установлением общеобязательных норм, нарушение которых влечёт неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией нормы, т. е. юридическую ответственность. Между тем современный этап развития России характеризуется формированием в её правовой системе особого корпуса программных документов. Такого рода документы содержат не абстрактные нормы-правила, упорядочивающие поведение граждан и организаций, а систему официальных взглядов, определяют цели, задачи, национальные приоритеты в конкретных сферах общественных отношений, основные этапы и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации, прогнозы развития, ожидаемые результаты и механизмы достижения национальных целей. Число принимаемых субъектами публичной власти концептуальный правовых актов, выражающих в своей совокупности страте-

гию развития российского государства, довольно велико на сегодняшний день. В то же время вопросы систематизации данных программных документов и их место в системе государственно-правового регулирования в Российской Федерации не получили должного рассмотрения в научно-методологическом плане, не исследованы в юридической доктрине.

Необходимость обеспечения устойчивого развития России в долгосрочной перспективе, обсуждение актуальных проблем Российского государства и права требуют обратить внимание на утверждаемые Президентом Российской Федерации стратегические документы — такие как Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы; Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года; Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года; Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.; Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

В 1997 году Президент Российской Федерации утвердил Концепцию национальной безопасности Российской Федерации. Эта концепция действовала до 2009 года. Затем, в 2009 году, Президент Российской Федерации подписал Указ о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, которая была заменена в 2015 году новой Стратегией. Стратегия 2015 года утратила силу со 2 июля 2021 года в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Действу-

ющая Стратегия 2021 года, таким образом, является четвертым системообразующим документом, определяющим стратегию развития Российского государства в целях обеспечения национальных интересов. Данная Стратегия национальной безопасности утверждена Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральными законами «О безопасности» и «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Анализ содержания Стратегии позволяет говорить, что в её основе лежит концепция системного подхода к обеспечению национальной безопасности России.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национальная безопасность включает в себя такие виды, как: государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная и энергетическая безопасность, а также безопасность личности. Конечно, эти виды безопасности взаимосвязаны друг с другом в российской системе национальной безопасности. В то же время информационная безопасность пронизывает все виды национальной безопасности, учитывая информационную составляющую любой сферы человеческой деятельности в современном обществе, любой сферы государственной политики и функционирования. Правовые проблемы информационной безопасности выходят на первый план во всех областях общественных отношений с развитием информационных технологий, Интернета. Наблюдается некоторая универсализация современной информационной сферы, поэтому сфера информационной безопасности может быть выделена только условно в системе национальной безопасности Российской Федерации. Похоже сегодня уже никто не сомневается в необходимости обеспечения информационной безопасности в сфере обороны страны, в освоении Арктики и мирового океана, развитии национальной промышленности и технологий, в области здравоохранения при использовании, например, высокотехнологичной медицины,

санитарной авиации, в профилактике социально значимых инфекционных заболеваний, в обмене электронными медицинскими документами, в том числе между медицинскими организациями и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, в функционировании единой государственной информационной системы здравоохранения и т. д.

Правовое регулирование в современных условиях отражает поиск решения Российским государством целого ряда проблем, связанных с конкуренцией ценностей и целей в культурном ландшафте высокоразвитых технологий, воздействия на формирование конкретных интересов и требований, манипулирования определенными индивидами и социальными группами. Все эти факторы возможно учесть лишь при системном подходе к правовому регулированию в сфере национальной безопасности. Детальное регулирование и избыточный контроль поведения сами по себе, как показывает опыт государственного развития, не обеспечивают эффективности государственного воздействия. Увеличение объема законодательства и конкретизация правового регулирования скорее могут восприниматься в качестве излишних бюрократических обременений, ограничений, ассоциируемых с утратой свободы.

Правовое обеспечение национальной безопасности означает целенаправленное воздействие и регулирование отношений в едином пространстве Российской Федерации на основе принципов правовой свободы и равенства, юридической справедливости и ответственности. Это возможно при системном использовании технологий и методов правового регулирования в условиях современного информационного общества. Реализация национальных интересов требует сегодня создания безопасной среды для распространения достоверной информации и информационной инфраструктуры, устойчивой к различным видам воздействия (статья 9 Доктрины информационной безопасности

Российской Федерации), в целях обеспечения конституционных прав и свобод личности и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны [2]. Защитить национальные интересы России невозможно без решения сложного алгоритма особого системного подхода к правовому регулированию. Его преимущества заключаются в комплексном характере (в политических, международных, военных, финансово-экономических, культурно-идеологических и других отношениях), концептуальной обоснованности, последовательности мер по обеспечению и защите национальных интересов от различных угроз, возможности интеграции мер и средств обеспечения национальной безопасности, которые реализуются на всех уровнях публичной власти, постоянном мониторинге нормативных правовых актов и практики их применения.

Разработка законодательства является важной частью процесса правового регулирования. Однако следует подчеркнуть тот факт, что данный процесс должен быть концептуально обоснованным. Правовой мониторинг должен рассматриваться как обязательный элемент правового регулирования с целью обеспечения надлежащей реализации права на законодательную инициативу, принятия законодательных актов, соответствующих развитию Российской Федерации и направленных на устранение противоречий, коллизий, двусмысленности и пробелов в её едином правовом пространстве. Отсутствие системного подхода к правовому регулированию в области национальной безопасности может привести к несогласованности и противоречивости действий различных субъектов регулирования по выявлению и отражению угроз, защите национальных интересов, поставить тем самым под угрозу в целом жизнедеятельность и развитие страны. Анализ стратегических, доктринальных и иных программных документов позволяет сделать вывод о том, что достижение целей и задач развития Российского государства на современном

этапе требует решения сложного алгоритма системного подхода к правовому регулированию в сфере национальной безопасности. Концептуальной основой такого подхода следует считать утверждённую Президентом Российской Федерации Стратегию национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Капустина М. А. Конституционно-правовое регулирование: установление и восполнение пробелов в праве // Российский конституционализм в контексте историко-правовых исследований: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2014. — С. 44–62;*
2. *Лаптев, В. Правовое сознание в цифровом обществе / В. Лаптев, В. Федин. — [на англ. языке] // Russian Law Journal. — 2020. — № 8 (1). — С. 138–157.*

Нормативные правовые акты

3. *Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N 0001202210060013.*
4. *Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 14.03.2020, N 0001202003140001.*
5. *Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности» (с изменениями на 9 ноября 2020 года) // Российская газета. — 2010. — 29 декабря. — № 295.*
6. *Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с из-*

менениями на 28 декабря 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 21.12.2021. — № 0001202112210031.

7. *Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями на 28 декабря 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 48. — 28.11.2011. — Ст. 6724.*
8. *Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями на 31 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 26 (ч. I). — 30.06.2014. — Ст. 3378.*
9. *Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 21.07.2020. — № 0001202007210012.*
10. *Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями на 21 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 07.05.2018. — № 0001201805070038.*
11. *Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 10.05.2017. — № 0001201705100002.*
12. *Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 20. — 15.05.2000. — Ст. 2112.*
13. *Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики*

Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 52. — 24.12.2012. — Ст. 7477.

14. *Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 03.07.2021. — № 0001202107030001.*
15. *Указ Президента Российской Федерации от 06 июня 2019 г. № 254 «О стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 23. — Ст. 2927.*
16. *Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 20.04.2017. — № 0001201704200016.*
17. *Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 15.05.2017. — № 0001201705150001.*
18. *Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. — 1997. — 26 декабря. — № 247.*
19. *Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. — 2009. — 19 мая. — № 88.*
20. *Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2016. — № 1 (ч. II). — Ст. 212;*
21. *Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895 // Российская газета. 2000. — 28 сентября. — № 187.*

BRIEF

RUSSIAN STATE DEVELOPMENT STRATEGY: THE LEGAL REGULATION SYSTEMS APPROACH

Kapustina M. A.,
Candidate of Legal Sciences, Ph.D. (Law), Associate Professor,
University associated with the Interparliamentary
Assembly of EurAsEC, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. *The article deals with the properties of public authorities' legal regulation according the constitutional principles. The focus is on the program documents of the President of Russia, as they express the system of official views on the development of the country and determine the legal regulation in general. The result of the study is the conclusion that the National Security Strategy approved by the President should become the conceptual basis for the legal regulation systems approach in the current conditions of the Russian state development.*

Key words: *legal regulation; public authorities; program documents; systems approach; development strategy.*

Научное издание

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В РОССИИ И В МИРЕ: ПОИСК ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Материалы Международной научной конференции «V Сочинские юридические чтения» (г. Сочи, 21–22 апреля 2023 г.)

Ответственный за выпуск — Я. В. Селиверстова.
Корректор — П. В. Багров. Дизайн обложки — © Д.В. Нефедов.
Верстка — © Спутник науки.

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Стар-трейд» (ИП Гудкова К. А.).
Сдано в набор 15.06.2023 г. Подписано в печать 26.06.2023 г. Формат 64x80/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro. Усл. печ. л. 26,6. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6050268-1-5